

АТУНА КОЙДЕРГЕМ

18+

ГОРЛИНКА ХОЛЬМГАРДА

КНИГА 1

Княжна для викинга

Атуна Койдергем

Горлинка Хольмгарда Книга 1

«Автор»

2021

Койдергем А.

Горлинка Хольмгарда Книга 1 / А. Койдергем — «Автор»,
2021 — (Княжна для викинга)

Продолжение книги "Княжна для Викинга". IX век нашей эры. Русь раздроблена на множество княжеств, в каждом из которых свой собственный правитель. Несмотря на кажущуюся обособленность, уделы связаны между собой. Внезапная смена княжеской династии в Новгороде несет перемены и для его соседей. Пуще других гнет пришлых ощущает Дива, дочь прежнего князя и жена нынешнего. Не найдя себе места при новом укладе, она запутывается в коварных сетях, расставленных искусными врагами, и в итоге оказывается изгнана из родного города. Вернется ли она на родину или найдет себе новый дом вдали от былых разочарований... Древнерусская сага не оставит равнодушным читателя, привыкшего к эпическим жанрам литературы. Множество героев, городов и событий захватывает внимание и держит в напряжении на протяжении всего прочтения.

© Койдергем А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

КНИГА 3	6
Глава 1. Хозяин Белого озера	6
Глава 2. Княжна Ладоги	13
Глава 3. Наместник	25
Глава 4. Брат	41
Глава 5. Прозревающая	55
Глава 6. Владычица	61
Глава 7. Ярило Вешний	72
Глава 8. Женский день	84
Глава 9. Неблагодарная	98
Глава 10. Родня	107
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Атуна Койдергем

Горлинка Хольмгарда Книга 1

Вдохновлено реальными событиями...

КНИГА 3

Глава 1. Хозяин Белого озера

– Мир сотрясается от набегов варягов, крушения династий и гнева самих богов. Но только не Белое озеро... Здесь все такое же, каким было пятьдесят лет назад, – бодрой поступью по берегу необъятного водоема шагал пожилой мужчина. Густая борода, тронутая сединой, колыхалась на его груди. Это был народный староста по имени Семидол. Он шел не один, а в компании седовласого человека, одетого по-дорожному. Было видно, что последний прибыл издалека. И кажется, совсем недавно.

– Да, благодатный край... – подтвердил спутник старосты, с подчеркнутым упоением вдохнув свежий весенний воздух.

– Признаюсь тебе, Бойко... Мне не нужны заморские красоты и богатства, тут у нас собрано все самое лучшее! – гордо сообщил староста, любуясь на пух облаков в небесной сини. – А чего нет, так сюда везем. Зерно, редкие ткани, специи... Ни в чем нет недостатка. Зато мехами и пушниной, медом да воском можем снабдить каждый град, деревушку и хутор на всем пути отсюда и до самого моря... А уж наши снетки и судаки на любой вкус придутся. Но пуще всего люблю я это... – староста указал ладонью в сторону водной глади, сияющей на солнце.

– Я удивлен, но это несравненно прекрасное озеро, действительно, белое! – неподдельно изумился старый дружинник Бойко. Он пробыл в дороге много дней, но не спешил на отдых в гостеприимные избы. Не просто так он проделал столь долгий путь из Новгорода, чтобы теперь почивать возле печи. Он прибыл с тайным заданием, о котором побоялся бы говорить даже с самым верным слугой. Ведь то, за чем он приехал, карается строго, если будет обнаружен его умысел. – Наверное, оно совсем неглубоко, коли светло, аки слеза Живы!

– Оно глубоко, – опроверг староста. – Вода бела. Но не из-за мели и камней, а из-за белесой глины, перемешанной в водах, как говорят...

– Но не менее самого озера впечатляет оборонительный вал! – заметил Бойко, прищурившись в сторону города.

– Стар ты стал и видишь плохо, – рассмеялся староста. – Это же не вал. А холмы. Но прав ты. Земля и вода, леса и болота – наши истинные защитники, – усмехнулся староста. – С такими заступниками к нам никто не пройдет. Не осмелится.

– Это уже понятно... – под нос себе буркнул Бойко, озабоченный какой-то мыслью, которую не стал озвучивать вслух. – Прекрасный город... Восхитительный... И озеро сие есмь тихая гавань для раненой души воина!

– Не совсем... – лукаво подмигнул староста. – Здесь ветры сильные. И штормовых дней порой больше, чем тихих. Чужанина это озеро не пропустит... Это не Новгород. И даже не Изборск... Посему не каждому воину отдыхать на этих берегах.

– Великолепное озеро! – нахваливал Бойко, будто не замечая намека проницательного старосты.

– Признаться, твой приезд – для меня неожидан... Но и приятен... Ты всегда желанный гость, хоть и не подданный моего князя, – словно река густого меда, сладко лилась неторопливая речь народного старосты. Семидол занимал свой ответственный пост уже не первое десятилетие. И оттого, наверное, считал себя почти хозяином здешних мест. Ведя гостя в свои хоромы, он довольным взором окидывал родные просторы.

– Таких гостей у тебя хоть сетями лови! – отозвался общительный и веселый Бойко. – Чай, тут все вящие уличане в очередь выстраиваются, дабы иметь беседу с любомудром Семидолом!

– Вот и мой дом, – представил староста свое жилище, заходя вместе с гостем в широкие ворота зажиточного поместья. Он бы мог поселить Бойко и его спутников на подворье для гостей, но он полагал, что сей неоднозначный человек должен быть под присмотром его опытного ока.

– И кажется, я прибыл в добрый час, – Бойко оглядел открывшиеся его взору просторные дворы, погруженные в суету. Было очевидно, что люди готовятся к чему-то. – Пора праздников прошла. Впереди страда... А тут я вижу отловленных гусей в корзинках и нарядных поварих! – заулыбался старый дружинник.

– От твоего взора ничто не скрыть, – усмехнулся староста. – Ты, и правда, явился в добрый час. Моя дочь вот-вот родит князю сына... – последние слова Семидол выделил, подчеркивая их значимость.

– Неужели?... – на лице Бойко отразилось то ли удивление, то ли озабоченность. – У тебя появится еще один внук!

– Я в этом уверен, – подтвердил Семидол.

– Откуда такая уверенность, если ребенок еще сокрыт в утробе? – поинтересовался любознательный Бойко.

– Волхвы провели гадания и приоткрыли мне завесу будущего... – пространно ответствовал староста, отведя взгляд в сторону шумящего молодой листвой вдалеке леса.

– А я и не думал, что говорю с тестем княжеским! – возгласил Бойко торжественно.

– Разве ты не знаешь эту историю?... – сегодня староста был готов с удовольствием рассказывать о битве красоток, из которой победительницей, кажется, вышла его дочка. Почти вышла. – После похода на Царьград князь объявил, что женится на той девице, которая подарит ему сына... И тут началось... Княжеские хоромы еще не видели такого числа красавиц... – в словах Семидола пряталось осуждение. – Да что я говорю, ты должен помнить... Ведь и ваш Гостомysl желал предложить в жены нашему правителю свою старшую дочь... Еще до того громкого объявления о наследнике, имеется в виду...

– Велемиру... – Бойко кивнул в знак согласия.

– Возможно... Гостомysl передумал, однако. По той ли причине? Ответь мне по секрету...

– По той, разумеется, – не стал отпираться Бойко.

– Ну он не единственный, кто раздумал родниться с нашим князем в то время...

– А по-твоему, Гостомysl должен был отправить сюда княжну, дабы она ходила с животом вместе с другими девицами купно?... – вознегодовал Бойко, Впрочем, не слишком яро, скорее, для порядка.

– Нет, что ты, я и не думал осуждать твоего князя... И конечно, княжне тут не место... – Семидол с одной стороны был рад успеху своей семьи. Но отчего же тогда уже много дней его угнетало чувство, что все идет не так, как нужно... Вероятно, это лишь волнение перед родами дочери. Ведь несмотря на обряды и молитвы волхвов, лишь боги решают, кто родится у нее. И если плод окажется девочкой, то, истинно, все труды станут тщетными. А потрудиться пришлось немало. Но ведь прозорливый ум может не только предвидеть неприятный исход, но и подготовиться к нему...

– Однако в этот хоровод все же оказалась вовлечена и твоя дочь, – осторожно заметил Бойко, который хоть и прикидывался легкомысленным и невнимательным, но понимал и знал многое.

– А разве у меня был выбор? Княжеская воля... – преувеличил староста. В действительности, ему пришлось потрудиться, дабы его дочь очутилась в опочивальне правителя. Девица

не обладала исключительными дарованиями и не отличалась внешними данными. Ее главными достоинствами были послушание и усердие, которыми она славилась с детства. – Старый князь восхотел мою дочь. Что я мог предпринять супротив? Но боги не оставили меня, как видишь... Не сегодня-завтра она разрешится от бремени...

– Ну что ж... Значит, вскоре ты окажешься отцом княгини... – подбодрил Бойко. Они не слыли с Семидолом друзьями. Они познакомились в походе на Царьград и отпраздновали вместе пару удачных битв. Это приятельство, из которого может выйти дружба, а может и вовсе ничего не получиться.

– Так было обещано... – суеверный Семидол не любил хвастаться наперед, хотя часто и не мог удержаться. И правда, старый князь рано или поздно отправится в подземные чертоги. И правителем при малолетнем княжиче окажется тогда сам Семидол. Весьма обнадеживающие будущности. – А что... Мои дочери – это подарок для любого правителя... Они не только прекрасны собой, но также хорошо справляются со своей основной задачей... Давеча другая моя дочь также же родила... – осекся вдруг староста. Он изначально не собирался делиться новостью, которую произнесли его губы. Но это получилось само, словно нелепая оговорка. – Прошу, проходи... – староста пропустил гостя вперед на широкое крыльцо, такое просторное, что на нем можно было даже отобедать за столом.

– И тоже сына? – поинтересовался Бойко об упомянутой дочери для приличия, хотя цель его поездки в этот город не была связана с разговорами о девицах.

– Ну там... – запнулся староста. Его глаза забегали где-то вдаль на колыхающихся кронах деревьев. – Дитя есмь дар богов. И не всегда важно сын или дочь... Ты скоро все увидишь... – переведя взор на собеседника, староста вдруг улыбнулся необычайно широко, чем отвлек Бойко от темы беседы. – Ну так а ты сам? С чем пожаловал? Рассказывай без утайки! – уже будучи в избе, предложил староста гостю. – Я прикажу доставить твои вещи сюда же. Крайняя горница будет твоей... С видом на озеро... Ну так? Зачем прибыл?

– Так ты же звал в гости нас с Гостомыслом еще... Али передумал? – Бойко свел разговор к шутке. Разумеется, он не мог открыть, что прибыл по строгому приказу своего правителя для того, чтоб разузнать положение дел в княжестве. Эта роль соглядатая не слишком нравилась старому дружиннику, но его чувства не волновали того, кто отправил его сюда. Да и подходил для такого замысла Бойко лучше других, ведь был знаком со старостой и некоторыми деятелями Белого озера.

– Нет, я свое слово держу... Добро пожаловать! Жаль только, что один ты приехал... Да будет отрадна светлая Сварга для твоего друга... – помянул Семидол покойного новгородского владыку, с которым был знаком лично когда-то. – А кстати... Что новый князь? Рюрик... Как живется вам теперь при нем?

– Хорош новый князь. Хорош, – с поразительной готовностью подтвердил Бойко. – Как в сказке живем. На зависть всем владыка у Новгорода нынче...

– Теперь ни за что не поверю... – подмигнул проницательный Семидол, доставая из поставца два резных кубка и пузатую баклагу с пробкой. – Нахваливаешь владыку своего, а сам трясешься. Выпьем сперва, а уж после отужинаем не спеша... Жена уже, наверное, хлопочет, не видно ее что-то... – несмотря на неизменное степенство, сегодня староста испытывал волнение, которое никак не мог прогнать от себя. – Яролика! – позвал староста супругу, но не дождавшись ответа, махнул рукой.

– Как ты сам заметил, стар я стал, вот и трясусь, – захихикал Бойко, потирая ладони в предвкушении перекуса.

– Ну раз так, то вот и Расскажи мне каков ваш новый князь... – предложил Семидол, многообещающе вытягивая пробку из баклаги. Послышалось бульканье наливаемой в кубок жидкости. На это время оба мужчины даже перестали разговаривать. – Стар али молод? Щедр али алчен? Ловок али неуклюж? Мечом владеет али из лука стреляет?

– Не стар и не молод, щедр, ловок...Ловчее не бывает...– последние слова Бойко угрюмо пробурчал себе под нос, вспоминая обстоятельства, при которых восхваляемый им владыка оказался во главе княжества. – Мечом, копьем – всем владеет, что ни дай.

– Стреляет из лука? – уточнил Семидол.

– Луки не любит...Аскриний подарил новому государю деревянный горит для лука и стрел. Добротный...С золотом...Сей прекрасный налуч достался ему по наследству. Вещь удивительно ценная, однажды сам Скиф держал ее в своих руках...Впрочем, так утверждает Аскриний. Ты ведь помнишь Аскриния?..

– Я помню Аскриния. Ну так и что, Аскриний подарил горит...И?..

– И ничего...А я подарил кинжал, и владыка был рад моему подарку, даже сразу отправил себе за пояс, – похвастался Бойко.

– Лук – оружие трусов и женщин? Так? – подколот Семидол.

– Ну я бы так не сказал, не сказал, – не согласился Бойко, слывший отменным стрельцом. – Лук – оружие мудреца.

– Так твой новый князь все-таки больше воин? Гостомысл-то не зря Разумным почитался...

– Мой новый князь таков, что в его умелых руках любая безделица может обернуться смертоносным оружием, – нашелся Бойко, никогда не отвечающий на вопрос прямо. – Великий воин, он славен своей отвагой и непревзойденным ратным искусством...Множество земель повидал и морей исходил...

– А до девиц охоч? – с ухмылкой полюбопытствовал староста, пытаясь вообразить себе повелителя Новгорода, о котором ходило множество неясных слухов от самых восторженных до кошмарных. – Угощайся...– староста снял с подоконника широкую доску, на которой были горкой насыпаны сушеные снетки. – И будь здрав!

– И тебе того же, – Бойко и Семидол почти одновременно опустошили свои кубки. – Наш князь столь хорош собой, что все девицы охочи за ним сами побегать, – пошутил Бойко, потянув в рот маленькую рыбку. – Милостивейший правитель...Защитник и благодетель Новгородского княжества...Всем готов спешить на помощь...

– К Изборску уже поспешил, так ведь? – хитро поинтересовался Семидол, вытирая промокшие усы. Он был твердо убежден, что ни один город не призовет к себе на княжение чужеземца, каким бы славным тот ни был. А этот князь вроде прежде милостивым и не слыл. А, скорее, даже наоборот. Его грозное имя многих повергало в трепет.

– Скорбящий Изборск призвал его в защитники, понеже боле не на кого было возложить слабые надежды...– невозмутимо подтвердил Бойко, который лучше всех знал, что Изборск был почти захвачен новым князем, по крайней мере, по доброй воле того никто туда б не призвал.

– Раз уж он столь добр и милостив, как ты описываешь, отчего ж тогда молодая княгиня покушалась на него? – своим каверзным вопросом староста застал Бойко врасплох. – Дива, дочь Гостомысла...Так ведь? Не за отца ли она мстила супругу?

– Вздор...Как есть – вздор! – закусил губу Бойко. Он так и знал, что все эти истории молодой княгини еще аукнутся, отразившись на имени самого князя. – Сплетни! Нелепости! Верно, бабы на базаре языком чешут бессмыслицу всякую! От безделья! Тьфу, сквернавки! – Бойко отодвинул от себя кубок. Даже сейчас он желал обелить имя дочери своего покойного друга. – Наша княгиня Дива всем прочим женам в пример. Душа чистейшая, словно родник...Верная голубка, любимая своим супругом и народом...

– Но, как говорится, не бывает дыма без огня, – не согласился Семидол, пережевывая сушеную рыбку. – Точно гуторят, было покушение.

– Ну было, – вынужденно признал Бойко. – Но ведь не на князя. Не на любимого мужа. На соперницу! А сие, наоборот, доказывает чувства к супругу. Я это вижу токмо так!

– Чувства к супругу? А я вот слышал иное совсем... Будто ваш князь разбойник и душегубец. Явился внезапно, словно молния с неба, Гостомысла убил и во главе города установился... – неожиданно прямолинейно заявил Семидол.

Водворилась пауза. Бойко даже опешил от такого неожиданного заявления. Слухи разлетаются во все стороны, словно искры от полыхающего костра.

– Наговоры злых языков! – собрав волю в кулак, сглотнул Бойко. Он понимал, что в любом случае нужно отпираться до последнего. – Брешут люди. Наш князь самим Гостомыслом был приглашен... Долго уговаривали мы Рюрика бросить все и приспеть к нам на подмогу. Стары мы стали, не управляемся уже как надобно. А вокруг враг лютый, сам понимаешь. Тут твердая и сильная рука нужна... Рука воина, но не хлебопашца...

– Помнится, у Гостомысла сынок имелся... Зачем тогда чужак понадобился? – внимательный староста не желал никому верить на слово, не разобрав всех обстоятельств.

– Ну, перво-наперво, князь Рюрик не чужой этой семье... – Бойко знал, как следует отвечать на подобные возражения: княжеский тиун Арви подготовил его на сей счет. И все же голос старого дружинника дрогнул. – С Гостомыслом милостивейший наш Рюрик в некотором родстве состоит... Через матушку Умилу да и через дочку теперь уж... А во-вторых, сынок тот, упомянутый тобой Есений, и теперь имеется. Жив и здоров, но вот только не годится в качестве правителя... Гостомысл это предвидел. И предрек. Да ты сам посуди! Коли б князь Рюрик был душегубцем, незаконно завладевшим столом Новгорода, как ты его очерчиваешь, сохранил бы он жизнь своему сопернику? – Бойко сам был рад тому, какой наглядный довод привел.

– Вот это, значит, ты и приехал раскрыть моему владыке, князю Белого озера? Сразу говори, что хочешь? Мне говори. И сейчас говори. Я помогу. А князь наш стар и упрям и давно уже мало кого слушает.

– Так я же не с посольством, я ж сам по себе прибыл в город. По прочим интересам, – заверил Бойко.

– Неужто? – удивился староста. – Так ты разве не к князю нашему? Я думал сопроводить тебя... – староста не столько хотел сопроводить Бойко, сколько быть в курсе всех княжеских дел. Ведь скоро это будут его дела, поскольку старый князь уже много не надышит, похоже. – И какие это у тебя тут собственные интересы?

– Так ведь все те же, зодчие... – Бойко был рад сменить тему. – Князь задумал строительство – множество восхитительных теремов. Для княгини! – зачем-то вставил последнее уточнение Бойко, уже предчувствуя, как оно неуместно. Ведь сама княгиня изгнана из города. Впрочем, кажется, сия новость пока еще не добралась до ушей вездесущего Семидола.

– А разве княгиня ваша не была отправлена в вечную ссылку? – удивился староста.

– Я бы назвал это иначе... – замялся Бойко. – Путешествие в далекие земли обожаемого супруга... Так вот строительство... Понадобится много осетрового клея для выделки обстановки и прочих деревянных безделиц... Поделок и украшений такожде... – Бойко поторопился уйти в сторону от обсуждения ссылки Дивы. – А ваш клей, как известно, самый лучший. Мне велено не скряжничать и закупить пластинами в коробах, куда не начались дожди. Клей сей, как известно, сырости не любит...

– Да, наш клей из плавательных пузырей осетра наилучший... – рассеянно подтвердил староста. – Но постой... Зачем же вашей Диве потребовалось в чужие земли, куда в любой миг могут нагрянуть даны и урманы?! – недоверчиво уточнил староста. – К чему, вообще, женщине покидать свой кров?! Бабе дорога – от печи до порога!

– Как это?! – нарочито удивился Бойко. – Весенняя пора – пора путешествий. Даже я в путь пустился, хотя уж не так гибки мои кости. А наша княгиня отправилась навестить матушку князя, которая нарекла ее своей любимой дочерью и пожелала видеть...

– Как же такое возможно, чтоб женщина отправлялась в какое-то путешествие, тем более столь далекое?! – ужаснулся староста.

– Друг мой, забудь о старых временах, полных суровых запретов. Наш князь Рюрик и сам поведал множество земель... Бude боготворимая им супруга узрит его любимый град – пестрый, словно весенний цветник, Дорестаdt – в этом откроется лишь польза, но не вред... – Бойко и сам чувствовал, как слабы его доводы. Но он не мог признать того, что Диву все-таки изгнали вон. – Я же говорю тебе, наш правитель зело милостив...

– Что ж, тогда я могу сказать только одно... – обескураженный староста почесал затылок. Получается, до него все это время доходили лишь второсортные сплетни, а не истина. – Кажется, народ Новгорода оберегается всемогущими богами. И Гостомысл был великодушен, да этот князь, по твоему рассказу, еще пуще того...

– Славный князь Рюрик, всем образчик, – подтвердил Бойко. Он понимал, что обязан быть убедительным. Хотя слова давались ему с трудом, вопреки присущему его натуре красноречию. Старый дружинник раскрыл рот, собираясь добавить еще пару хвalebных фраз. Но распахнувшаяся дверь сбила его с мысли, избавив от необходимости вновь приукрашать данность.

– Отец! Началось! – заверещала с порога румяная девочка лет девяти.

– Что? Что случилось, Мая? – не понял сначала Семидол. Но потом вскочил с места, озарившись предположением. – У Догады роды?!

– Да еще какие! Ужели не слышно? – удивилась девочка, тряхнув длинными косичками. – С утра орет!

– А тотчас зачем не доложили?! Повитуха? Послали за повитухой?! – Семидол выбежал в сени, оставив своего гостя одного в горнице.

– Ты много лет служишь нашему роду... Посему сегодня я ищу подмоги именно у тебя... – затворив дверь в баню, из которой вышла повитуха, Семидол взял последнюю под руку. Отведя женщину в сторону от дорожки, по которой сновали дворовые, Семидол начал беседу чуть приглушенным тоном, выражающим доверие. Повитуха в свою очередь несколько раз порывалась вернуться в непривычно прохладную парную, где сегодня мучилась от болей дочь старосты. Но взволнованный отец не отпускал бабу, хотя и был вынужден поспешить, опустив пустые слова и сократив вступление. – Послушай. Послушай же меня, а потом пойдешь к ней... – речь Семидола была непривычно тороплива, вопреки манере говорить размеренно. – Я жду внука от своей дочери. Князь ждет сына. А народ – сильного преемника. Понимаешь? С твоей помощью в мир придет именно мальчик. Мальчик! А взамен, конечно же, я готов воздать тебе за труды. Ты разумеешь? – Семидол многозначительно оглядел недоумевающую повитуху. Однако ему показалось, что эта простая женщина не поняла его странных намеков.

– Сие есмь моя обязанность, – повитуха задвинула волосы под платок, еще раз поправила рукава и уже вознамерилась вернуться в парную, откуда время от времени доносились женские стоны, исполненные муки.

– И все же любая служба должна вознаграждаться... Я сам удостою тебя, даю слово, – Семидол не мог выразиться еще более прямо. Повитуха не являлась его собственностью и не относилась к числу его прислуги. Эта женщина служила княжескому дому. А Семидол состоял с этим домом в весьма туманном родстве.

– У меня все имеется. Князь заботится обо мне, – повторила повитуха. Она была уважаемой женщиной, и не только ввиду своего преклонного возраста. Ведь именно она помогала появляться на свет всем детям старого князя. Только ей было доверие в столь важном вопросе. Подозрительный князь сразу распорядился, что ребенок наложницы, которого примет другая бабка, не будет признан мнительным правителем как собственный. – Мне пора.

– У тебя все имеется? Очевидно же, что ты заблуждаешься. Для счастья человеку нужна свобода... – напомнил Семидол служанке. – Но свобода без дома, то есть своего угла, не нужна никому. Я многим могу дать волю, но почти все останутся служить и дальше у меня. Ибо идти

им некуда. Ты же обретишь все, о чем другие лишь мечтают. От имени всей нашей семьи... – Семидол, как мог, выделил голосом эту мысль, – от имени всей нашей семьи я вознагражу тебя в благодарность за твое содействие. Когда пройдет время, и ты оставишь свое поприще, то окажешься в собственной избе, большой и теплой. У тебя будет слуга, а может быть, даже двое. И ты ни в чем не будешь знать нужды... – пока староста говорил, повитуха менялась в лице. Ее чело то разглаживалось, то вновь покрывалось бороздами сомнений. – Я прошу тебя лишь об одном. Осчастливь нашего князя. Сделай так, чтобы моя дочь родила сына. Наследника...

– Но от меня это не зависит, – повитуха была бы рада обрадовать новостью о появлении мальчика и князя, и щедрого старосту, и все княжество. Но также знала, что бессильна каким-то образом изменить действительность, которая вскоре всем откроется. – Дитя в чреве. И уже много дней это либо мальчик, либо девочка, – пояснила повитуха.

– Ты не постигаешь... – Семидол потер влажный лоб. Он до сих пор не решался говорить открыто. И все же промедление было для него еще более нежелательным. – Но я, являясь другом и родственником нашего князя, тем не менее постараюсь растолковать тебе... Возможно, ты помнишь о воле нашего правителя, изъясненной во всеуслышание... Князь провозгласил, что новой княгиней станет лишь та женщина, которая сумеет подарить княжеству наследника. Но как можно знать наперед, какая из девушек окажется благословленной богами?..

– Никак, – пожала плечами повитуха. Крики в бане ненадолго стихли, и бабка могла позволить себе задержаться на улице еще некоторое время. Тем более в бревенке с роженицей были мать и сестра, которые ободряли ее.

– Никак, – подтвердил староста. – Именно поэтому князь решил не повторять прежних ошибок. Сначала он получит наследника, а уж после объявит мать сына своей женой... Теперь ты понимаешь, почему так важно, чтобы именно моя дочь родила мальчика?

– Но не в моей это власти, – извинительным тоном подчеркнула бабка.

– В твоей. В твоей, – боярин положил ладонь на плечо пожилой женщины. – От тебя и меня зависит будущее этого княжества. Пойми, наш князь выбрал мою дочь неслучайно. Хотя я и не прихожусь нашему правителю братом, но все-таки мы, можно считать, относимся к одному роду... – повторил в очередной раз свою идею Семидол. На самом деле он был братом первой жены князя, которая скончалась много лет назад. – Моя дочь и князь – это не лишь союз любящих сердец. Это много большее. Это есмь сила рода и процветание княжества. Наш правитель сдал за последнюю зиму. И если он не оставит после себя преемника, то осознай – это будет бедствие для всего нашего народа. Знаешь ли ты, что происходит в славном Киеве? В некогда цветущем граде нынче княжат произвол и беззаконие. Бояре рвут город на части, занятые каждый своим обогащением. Эта же участь постигнет и Белое озеро, если ты будешь стоять в стороне.

– Да... Но что я могу... – оторопела повитуха, которая вконец запуталась. Ее дело – принимать роды, а не рассуждать о политике, зловещей и таинственной.

– Я ведь не склоняю тебя к чему-то преступному или пагубному. Ты многим людям помогаешь. Ты целое княжество от беды избавишь... – Семидол знал, что человека можно склонить к любому поступку, если сперва убедить в необходимости и добром основании задуманного. А также предложить способ решения проблемы. – Я прошу от тебя токмо одного – верности. Она есмь то, что склеивает разрозненные камни в прочную стену. Нам предстоит воздвигнуть самое величественное сооружение – неприступный частокол из гордости и славы, который не преодолеть никакому нашему врагу...

– Но как? – простодушно спросила повитуха.

– Послушай, – Семидол приблизился к уху повитухи. – Вчера ночью моя другая дочь, Найдёна, родила сына. Понимаешь? В нашем роду уже есть мальчик. Если что-то пойдет не так у Догады, я имею в виду...

Глава 2. Княжна Ладоги

Словно кургузые утки, низенькие ладьи скользили по темной речной глади, оставляя позади себя быстро тающие бороздки. В этом году преждевременный ледоход рано очистил воды Волхова и Ладожки. Однако на окоченевших берегах еще долго лежал снег.

С безразличием взирала Дива на чужие земли с борта корабля, ставшего ее новым прибежищем. Топкие калуги, пещеры, сопки и угрюмый лес. Бескрайний и глухой, как ее тоска. И в этой великой тоске ей никто не протянет руку. В этой тоске она одна. Совсем одна.

Грусть выплеснулась наружу двумя ручейками, бегущими по щекам. Во время пути Дива то плакала безутешно, то погружалась в молчаливое оцепенение. Поначалу ее провожатые справлялись о причинах подобного поведения супруги своего предводителя, которую им было велено опекать. Но уже вскоре ее слезы никого не занимали.

– Вансо! – сердито рявкнул Хельми, вновь указывая Диве на пустующее сиденье. Она не сразу догадалась, что мечник уже несколько раз обращался к ней. Будучи погруженной в тяжелые думы, она не обращала на него внимания, как и на остальных, впрочем. Очевидно, в связи с этим ее отрешением было и сопряжено недовольство в его голосе. – Aldauga...

– Что глаголешь?.. – не поняла Дива направленного ей возгласа. Но в ответ Хельми развернулся к ней спиной и пошел по тесной палубе, где все путешественники сидели, и лишь одна Дива стояла, глядя в подернутую дымкой даль. Он знал, что она не понимает его языка. Но не старался облегчить ей задачу и выразиться яснее, на языке Новгорода.

– Княгиня должна присесть на скамеечку. Кажется, скоро будем приставать, – догадалась служанка, которую наспех снарядили в путь вместе с Дивой. Эта девушка, Углеша, была Диве малознакома. Они и не разговаривали. Настроение опальной княгини не располагало к общению.

– Мы подплываем к Фризии? – безучастно спросила Дива в пустоту, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Ни в коем случае. Это Альдейгья... – на вопрос Дивы ответил Гуннар, поскольку юная служанка не была знакома с установленным путем следования. Углеша, как и ее княгиня, прежде не покидала Новгорода.

– Альдейгья? – Дива перевела очнувшийся взгляд на жилистого Гуннара. Этот варяг был необычайно искусен в ратном деле, несмотря на свою худощавость. Секрет его силы крылся в ловкости. Он говорил на многих языках, быстро запоминая чужие слова, что крайне удивляло всех.

– Ага, старый источник, морю подобный, – пояснил Гуннар. И видя, что Дива по-прежнему не понимает его, добавил, – Ладога...

– Ладога? – переспросила Дива. – Я думала, что мы давно идем по морю... – Дива никогда не видела моря, потому некоторое расширение русла Волхова почему-то сразу и без сомнения приняла за морской простор.

– Это река. Море намного больше, княгиня... – Гуннар присел на свободную скамью и склонился над рукоделием. Он латал какую-то одежду, нуждающуюся в починке и, кажется, работа уже подходила к концу. – В море берегов не видать.

– Как это «не видать берегов»? – Дива не постигала услышанного. – А как же мы тогда узнаем, куда нам плыть?!

– Есть проверенные способы. Хельми их знает. Пусть княгиня не переживает на этот счет... К тому же в нашем случае земля будет близко. Нам не велено отплывать слишком далеко от суши.

– И долго нам еще?... – несмотря на свою великую печаль, не позволяющую думать ни о чем, кроме как о разлуке с дочерью, Дива тяготилась путешествием. Она уже устала от тес-

ноты, неустроенности и отсутствия постоянной крыши над головой. В течение дня лодки шли вниз по реке, изредка делая остановки на суше, а по вечерам высаживались на берег. К счастью, ночевать под открытым небом пришлось всего дважды. В остальные разы ночлег проходил на дворищах, хозяева которых не только не удивлялись гостям, но даже ожидали их. Эти радушные жители были готовы помочь проходящим мимо судам перебраться через крутые речные пороги, а также за плату взять путешественников на постой. Конечно же, Диву нигде не ожидали княжеские хоромы. Но много ли ей теперь было нужно? Хоть какая-то теплая изба с горячей кашей на столе да топленая баня с миской глины и мела. – Я думала, мы уже близки к завершению пути.

– Мы в самом начале... – огорошил Гуннар подобным заявлением и без того расстроенную Диву.

– Я не уразумею... – Дива приложила ладонь ко лбу. – Зачем нам Ладога?

– Тот же вопрос мучил и меня, когда мы шли в Новый город впервые, – шутливо отозвался Гуннар, вспоминая поход на Новгород.

– И каков же ответ? – когда-то давно Дива изучала местность по рисункам охотников. Но с тех счастливых и далеких пор ее память стерлась, словно и не было никаких уроков. – У тебя есть карта?..

– Можно и так назвать... – Гуннар осмотрелся по сторонам, пробежавшись взглядом по лавкам. – Ну-ка, девица, переместись... – дружинник подтолкнул служанку Дивы. Та сразу вскочила на ноги, в этот же миг явив взору часть скамьи, на которой было что-то нацарапано.

Изначально Дива не обратила внимания на затершееся от непогоды художество. Но теперь она уже явно различала какие-то символы.

– Это Новый город, то есть родной город княгини, – взялся пояснить Гуннар, постучав указательным пальцем по крестик, высеченному на лавке чьим-то острым кинжалом. – Эта полоса – река Волхов, она подходит к озеру Ладоги. Озеру огромному. В самой Альдейгье мы остановимся на несколько дней. Дабы подготовить драккары к дальнейшему пути и запасть. Далее, минуя озеро Нево, попадаем в Новую реку, а оттуда – в море... – перст Гуннара воткнулся в деревяшку, где уже ничего не было нарисовано.

– А что же дальше?... – Дива все пыталась узреть неведомую Фризию.

– А дальше плыть много дней... – Гуннар кивнул в знак сочувствия и вернулся к рукоделию. Разумеется, неподготовленному человеку продолжительная морская прогулка покажется пыткой. Особенно если этот человек женщина. Недаром говорят, баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе.

– И долго вы добирались из Фризии до этих мест? – Дива уже стала опасаться, что плавание займет не одну луну.

– Недолго. Вернее, быстрее, чем полагали... – вспоминал Гуннар, вернувшись к шитью. – Рёрик тогда всех подгонял. Ярился. Хотел успеть вовремя. К тебе торопился... – последние слова Гуннар добавил с ухмылкой. В отличие от Хельми, он не испытывал к Диве неприязни. Но подтрунить над ней был не прочь. – Вот так и сказал, кажется: «Моя невеста никакому Радмиру не достанется!».

– Бреешь ведь, не говорил он такого, – захихикал какой-то гридь, расположившийся на соседней лавке и незаметно пригревший уши.

– Ну, я уже точно не помню подробностей, – рассмеялся и Гуннар, который обязательно приукрашивал все рассказанные им истории. Разумеется, для заинтересованности слушателя, не ради корысти. А тут такой слушатель попался, к тому же... Весь заплаканный. А коли не плачет, то так вздыхает, что волна идет. И как такого слушателя не утешить? – Как бы там ни было, сами боги помогали нам. Мы и в Ладоге очутились прежде, чем рассчитывали... – заканчивая шитье узелком, вспоминал Гуннар позапрошлый год. – А по Волхову шли столь быстро,

что даже сильно загодя прибыли в Новгород...Конников только ждали долго. Ну да ладно. Благо, гостей в городе на свадьбе той и без нас собралось немало. Легко было потеряться.

– Ты сказал, что боги помогли вам. И чем же это? – пискнула юная Углеша, слушающая Гуннара, раскрыв рот.

– Ну как же...Сам Волхов обернулся вспять. Воды его, что шли нам прежде навстречу, вдруг обратились от нас, подхватив наши корабли и устремив их на юг...– слова Гуннара больше походили на выдумку. Однако на сей раз он сказал правду, хоть и не ведая оснований случившегося. Конечно же, он не знал, что Волхов иногда, и правда, меняет направление своего течения в связи понижением уровня воды в озере Ильмень и за счет подпора притоков. Такое становилось возможным из-за небольшого перепада высот между истоком и устьем реки. Как бы там ни было, в ту осень сие для спешащих варягов явилось поразительным подспорьем, похожим на помощь богов. – Быстро и легко донесло течение нас до самого Новгорода...Веслами как следует гребли всего несколько раз.

– Разве можно заставить реку литься в обратную сторону? – недоверчиво пропищала Углеша.

– Клянусь Одним, наш князь и реку заставит бежать от него и равниной сделает лес, хаха, – рассмеялся Гуннар. – Так что запаситесь терпением, долго еще. А эта серая галка на карте – лишь Ладога, но не Дорестагт...

– Кто же только изобразил эту карту...– вздохнула Дива, отчего-то бережно проведя ладошкой по наскоро накаляканному изображению.

– Твой муж и изобразил, – подтвердил Гуннар то, что мельком пронеслось в голове Дивы, оставив в ее голове лишь неясный след. – Теперь живо на лавку, – поторопил дружинник женщин. – Будем скоро причаливать.

Ладога представлялась Диве несколько иначе. По рассказам, она помнила, что это крупный город с громким торжищем, множеством пристаней и гостинных домов. Сюда, кажется, везли товары с трех сторон света. Но действительность оказалась намного скупее. Избы, разбросанные по берегу, где сливались Ладожка и Волхов, образуя с двух сторон водную стену. Хлипкие частоколы с открытой стороны, обозначающие, наверное, какие-то границы и защищающие разве что от голодных зверей зимой. Такой прекрасную Ладогу сделали пожары и набег варягов, постигшие эти края несколько лет тому назад.

Но было нечто, что совершенно поразило Диву, сумев вырвать ее из тяжелых дум – яркий синий ковер, застилающий пролески и берега.

– Как красиво...– вырвалось у Дивы, забывшей на миг о своих горестях.

– Печеночница...– отозвался Перята, заправляя непослушную штанину в сапог. Этого гридя вместе с Прохором и Надежей отправили сопровождать Диву. А позже выяснилось, что его родители были родом из Ладоги. – Раньше всех цветет, лишь только снег сойдет. Видно, сила большая в ее корневище спрятана...

Если бы Дива вышла замуж за ладожского княжича, как было условлено, то вот какой город достался бы ей. Слабый, но красивый ранней весной. Впрочем, сие уже ее не заботит.

– Я хочу выйти к ней...– Перуника перегородила путь Миронегу, спешащему навстречу важной гостье, дабы лично поприветствовать ее на Ладожской земле.

– К кому?! – не сразу понял Миронег, на ходу расправляя рукава. А когда догадался, о ком идет речь, выпучил глаза на сестру, – к жене Рёрика?!

– А что такого?...– невозмутимо пожала плечами Перуника, повторив свой любимый вопрос. О прибытии гостей было известно заранее. И княжна Ладоги провела время ожидания с толком. Она надела свое самое вольное платье, легкомысленно распустила волосы, а на руки нацепила половину имеющихся браслетов. Ей хотелось казаться счастливой и беззабот-

ной перед той, которую отправили в ссылку. – У нас ведь с ней так много общего... Маленькие дитяти... Один муж...

– Это ее муж, а не твой... – зашипел Миронег, нависнув над сестрой. – Не смей говорить с ней! Тем более об этом! Даже приближаться к ней не вздумай...

– А тебе-то что?! С кем хочу, с тем и говорю! – огрызнулась Перуника.

– «Мне-то что»?! – возмутился Миронег. – Ты родила ребенка, заявив, что отцом является Рёрик! Ты родила ребенка, будучи лишь... – Миронег даже запнулся, пытаясь подобрать нужное слово.

– Я не была ему женой или наложницей, о которой бы все знали и говорили, это так, – Перуника взяла нить разговора в свои руки. – Однако это все неважно. Главное – не прошлое, в котором каждый из нас наделал промахов. Главное – будущее. В котором я стану ему женой... По крайней мере, в этом городе, – откинув за спину волосы, Перуника принялась наступать на брата. – И он признает моего сына как своего... И женится на мне. Ведь его Дивы больше не будет. Это сейчас я пока никто. Но в следующий приезд Рёрика я стану важнее, чем ты сам! – голос Перуники становился все громче. Она по-прежнему надвигалась на Миронегу, словно собираясь ударить его. На сей раз руки ее были уперты в бока, а взгляд уже давал пощечины молодому князю. – Тебе следует усвоить, братец... Скоро ты окажешься лишним. Я родила Рёрику сына, и ты будешь ему больше не нужен! Ты станешь только мешать! Ему не нужна твоя дружба, если будет сын, который сам станет хозяином Ладоги!

– Ах ты, змея! – Миронег замахнулся и ударил Перунику по лицу, которая, несмотря на боевой вид, не была готова к схватке и упала на пол. Ее щека рдела, но сильнее боли были муки уязвленной гордыни. Ее всегда возмущало то, что Миронег считается главным и стоит над ней, хотя она старшая из детей в семье. – Вот какие мечты ты лелеешь... – Миронег накренился над Перуникой и отвесил ей еще одну оплеуху. – Никто не встанет между мной и Рёриком! Особенно такая потаскуха, как ты...

Перуника была достаточно умна для того, чтоб не продолжать ссоры, которую затеяла сторяча и уже пожалела об этом. Первоначально она не собиралась выдавать своих чувств и тем более замыслов. Однако не сдержалась, как это часто бывало с ней в последнее время. Она пеняла на молоко, которое распирало ее грудь. Молочный запах сводил ее с ума. Ей казалось, что она теперь всегда будет пахнуть едой. Она больше не женщина, а дойная корова. И она не ощущала в себе той уверенности, что была с ней прежде, еще до беременности. Она стала плаксивой и обидчивой, хотя раньше не отличалась такими свойствами. Даже ее теперешний наряд – излишне свободный – был необходим ей для того, чтобы скрыть истинное состояние ее души. И то, что вылетело из ее уст в ответ на вопрос брата, свидетельствовало о ее слабости, а не о силе. И это могло навредить ей и ее ребенку.

– Прости... – извинилась Перуника, в этот же самый миг обещая себе, что отомстит ему однажды в полной мере и даже сверх нее. – Ты же знаешь, как я люблю тебя. Это все волнения. Я увидела ее из окна и расстроилась... Она так красива и молода. Оставив меня, он отправился к ней. Они были вместе, пока я думала о нем каждый день... Прости, брат, – Перуника поцеловала руку Миронегу. А после он помог ей подняться.

– Приветствую жену князя Рюрика и княгиню Новгорода в Ладоге! – Миронег почтительно и приветливо поздоровался с Дивой, а также и ее провожатыми. – Гуннар, Хельми! Рад вам безмерно! Добро пожаловать!

Дива видела Миронегу впервые, хотя одно время он считался ее женихом. О нем ходили разные слухи. Но молодой княжне тогда был важнее всего тот, который сообщал о хромоте наследника Ладоги. Однако теперь, когда Миронег стоял напротив нее, на первом плане была его радушная улыбка. Что до хромоты, то ее и вовсе не было заметно. Дива даже не заметила, как молодой князь подошел к ней. Она вообще уже ничего не замечала вокруг себя. Она словно

кукла в чужих руках, следовала каким-то наставлениям своих провожатых, относительно рас-порядка дня и пути.

– Я крайне огорчен, что князь Новгорода не сопровождает свою княгиню в ее путеше-ствии...Мы давно ждем его в гости...– вежливо продолжал Миронег. Он не забыл, что стоя-щая перед ним Дива должна была сделаться его супругой. Положение затем поменялось. Ему предложили в жены другую ее сестру, а затем все вообще заглохло. Но как бы там ни было, Миронег не заботили дочери Гостомысла ни тогда, ни теперь. Его сердце было давно занято, и любую вынужденную женитьбу на какой-то неведомой княжне он рассматривал лишь как государственный шаг. Стоящая перед ним Дива не вызывала в нем никаких чувств, кроме, разве что, почтения, вытекающего из уважения к ее великому супругу.

– Он чем-то занят...– рассеянно ответила Дива, даже не думая о том, что говорит. Зачем она так ответила? А если бы он не был занят, то отправился бы вместе с ней? Вряд ли.

– Мы подготовили покои для возлюбленной жены нашего дорогого друга, в которых она сможет отдохнуть и набраться сил перед дальнейшей дорогой...– Миронег указал жестом в сторону большого украшенного цветами дома, состоящего из трех изб, соединенных между собой сенями. В этом строении могла поместиться не только сама гостья с ее служанкой, но, разумеется, и часть ее охраны.

Миронег и его помощники проводили гостью и ее спутников до дверей передней. По пути Дива наконец обратила внимание на хромоту молодого князя. Действительно, недуг был очень заметным. Раньше бы ее такое могло оттолкнуть или напугать. А теперь ее это не касалось.

Зайти внутрь покоев Миронег не считал приемлемым и потому остановился у крыльца. Он немного удивился, когда Дива скрылась в избе, даже ничего не сказав ему напоследок. С другой стороны, мужчине не пристало обижаться на женщину, тем более на чужую супругу. Ушла и ушла.

– Что ж...Гости размещены...Но этого недостаточно. Мы вскорости устроим пир...– Миронег был вынужден продолжить разговор с теми, кто остался на улице. Благо, это были не слуги, а дружинники Рёрика, которые сопровождали Диву.

– Благодарствуем, – ответил Прохор от лица всей дружины. Он лучше других говорил на славянском языке, не считая, конечно Надежи и Перяты, которых Рёрик также отправил сопровождать Диву. Вообще, в Дорестаadt выступили в основном те воины, которые там уже бывали и которых там ждали семьи. Это было удобным поводом повидаться с родными, а может даже, забрать их с собой в Новгород. Ведь большинство варягов не собиралось покидать своего предводителя.

– Если что-то потребуется, мой приказчик почтет за честь оказаться полезным...Комар, подступи к нам...– Миронег представил высокого человека с широкой улыбкой и хотел доба-вить что-то еще. Но тут услышал какой-то невнятный визг из недр дома, в который удалилась Дива.

Обескураженный Миронег и вся охрана кинулись туда, истинно недоумевая, что могло приключиться там с княгиней.

Увиденная картина заставила Миронегу споткнуться о порог. Благо, он ухватился за косяк прежде, чем потерял равновесие. Обычно он устойчиво держался на ногах и даже более того – лихо скакал на лошади, упражнялся с мечом, не жалея себя и совершенствуя свои навыки, не взирая на болезнь. Он не терпел, если кто-то напоминал ему об его врожденной хвори. И был готов разозлиться и сейчас на одного из своих слуг, поддержавшего его под локоть, но быстро отвлекся на более важное обстоятельство. В подготовленных для Дивы покоях сидела Перуника: она расположилась на лавке, а на руках у нее лежал ребенок, посасывающий ее пышную грудь. Вероятно, встревоживший всех крик исходил именно от дитя.

– Ам...– растерялся Миронег, который не ожидал найти здесь сестру. – Кажется, мы зря изволили тревожиться...– пояснил Миронег провожатым Дивы, желая таким образом выпро-

водить их вон. Впрочем, они и сами двинулись на выход, как только убедились, что Диве ничто не угрожает. Уставшие за время путешествия, они хотели поскорее предаться отдыху, а не сидеть возле нее. – Я попрошу всех покинуть... Комар, позаботься о наших гостях! – распорядился Миронег, который догадался, что появление его сестры здесь неслучайно. И теперь он не мог уйти вместе со всеми, ему было необходимо выгнать отсюда Перуника. – Что ж... Знакомьтесь... – начал Миронег, желая поскорее представить сестру, а затем увести ее прочь.

– Мы уже познакомились, – прервала брата Перуника, имея в виду себя и Диву, которая пока что стояла посреди горницы в недоумении. – Я решила лично поприветствовать путешественницу из Новгорода... – продолжала частью обнаженная Перуника как ни в чем не бывало. Ее не пугал гнев брата и не смущало присутствие в горнице посторонних. Она всегда делала то, что хотела, и не собиралась менять привычек. Да, пусть она теперь не такая, как прежде. Но она и не рабыня, чтобы следовать чужим предписаниям.

– Сестра... Наша гостья устала... – Миронег уже предвкушал, как Перуника выкинет нечто пагубное, в лучшем случае заявит что-то неуместное. И он хотел предотвратить это. – Мы должны оставить княгиню Диву для отдыха... А после мы вновь увидимся на пиру... – в этот момент Миронег понял, что на пиршество Перунику пускать не следует ни под каким предлогом.

– Но мы едва начали разговор... – возразила Перуника, а затем перевела мстительный взор на Диву. Они виделись впервые, но Перуника уже ненавидела свою гостью больше всех женщин мира. – Мы как раз говорили о детях... – слова Перуники не соответствовали действительности. До сего момента речи о детях не шло. Дива едва успела зайти в горницу, как заведущий ребенок. После этого сюда ворвалась охрана. – У тебя ведь тоже есть дитя? – обратилась Перуника к Диве, попутно натягивая платье на плечо. Ребенок уснул и теперь княжна Ладоги почувствовала себя чуть свободнее.

– Есть... – Дива почувствовала, как ее глаза стали влажными. Разлука с дочкой была почти непереносима. Она запрещала себе думать об этом, чтобы не утратить самообладание. И вот теперь слова княжны Ладоги разбередили рану, еще кровоточащую.

– Ну разумеется, есть... – Перуника не удивилась новости. Для того ведь и женятся князья, чтобы получить наследников. – Сколько теперь твоему ребенку? А Впрочем, он ведь немного младшего моего...

Дива вдруг будто очнулась ото сна. Внезапные мысли о Рёрике вдруг вытеснили воспоминание о дочке. Почему она подумала о нем? Почему ей кажется, что она слышит о нем, если его имя даже не звучит здесь.

– Перуника, нам нужно идти, – голос Миронег, прозвеневший сталью, прозвучал строго и властно. Но Перуника даже не обращала внимания на брата. Теперь уже ей было не до него. Она смотрела на Диву и была готова убить ту. Прямо здесь и сейчас. И она бы вцепилась в гостью, если б та хоть слово вымолвила бы. Но та все молчит и отвечает совсем тихо.

– Я всегда думала, каково это для мужчин иметь много детей от разных женщин? – продолжала Перуника, догадавшись, что Дива не знает о ней и ее ребенке ничего. – Они любят всех отпрысков одинаково? Или лишь до тех пор пока желанна мать? Или, может, мальчиков любят больше, чем девочек? Или первенцев любят сильнее, чем всех последующих? – перечисляла Перуника свои догадки. Она заметила, что ее гостья по-прежнему пребывает в некоторой растерянности, и это ее радовало. Ведь удар лучше наносить сопернику, не готовому к бою. А тут совершенно очевидно, что Дива не готова ни к чему, что с ней происходит. Даже к новостям, которые достигают ее ушей. – Вот взять хотя бы в пример моего брата... – Перуника даже не глядела на Миронег, о котором изволила заговорить. Не смотря на него, она будто запрещала ему вмешиваться в их разговор. – Знает ли кто-то, что я взрослее него? Я – старшая дочь князя Ладоги. Покойного князя... Мой отец мог бы выдать меня замуж и отдать этот город мне и моему мужу... Но нет... Я в подчинении у незаконнорожденного... Да, Миронег рожден

неизвестно кем... – заявила Перуника, опьяневшая от гнева при виде соперницы. – Однако ему это не помешало стать правителем. Как не помешало и то, что у нас есть брат. И не просто брат, а законный сын нашего отца... Он ходит где-то здесь. В хоромах. А может, блуждает по лесу. Юродивый. Позор на главу нашего отца. Поэтому батюшка и выбрал Миронег? – размышляла Перуника, теперь уже задетая сама своими же речами. Она всегда считала себя выше Миронег по положению и происхождению. Но в итоге оказалась подвластна ему. – Так что, как видишь, наш покойный отец отвергнул меня и нашего старшего брата... Видно, он из тех, кому нелюбимы дети от законной жены. Все ведь знают, как он ненавидел нашу матушку... Эти союзы, в которых нет счастья... Которые создаются для мира, а порождают только слезы. В которых должны рождаться дети, а рождаются несчастные сироты, – Перуника снова свела взгляд на Диве, о которой на мгновение позабыла. А вот же она цель. Враг, помимо Миронег, единокровного брата, не ставшего родным. – Как бы там ни было, Дива, у нашего мужа должно быть много детей. Ведь он князь. А дети – это сила рода... Жаль, Рёрик не приехал сюда лично. Мы с сыном очень скучаем по нему...

Воцарилась пауза. Обычно скорый на любое действие Миронег стоял ошарашенный тирадой сестры. А Дива и вовсе прибывала в замешательстве.

– По кому?... – Дива уже получила ответ из рассказа Перуники, но никак не могла осознать услышанного. И не могла принять этого. Ей все казалось, что сейчас прозвучит нечто, что отменит все изложенное Перуникой ранее.

– По Рёрику. Он давно с нами не был... А ведь мы ничем не хуже тебя и твоего ребенка. Особенно если равняться на историю Миронег... – деланно вздохнула Перуника, наслаждаясь обескураженным лицом соперницы, которая, кажется, даже лишилась дара речи. – Вот и сейчас он там, с твоим сыном, а не с моим...

– У меня дочь... – единственное, что прошептала Дива.

– Дочь?... – Перуника смешалась. Ее губы в следующий миг поползли в стороны. Она была уверена, что перед ней не просто жена Рёрика, но и мать его наследника. Но все не так. Это не соперница вовсе. Это изгнанница, до которой, похоже, никому нет дела. Стоило ли так больно ее стегать хлыстом ревности, от которого ей не спрятаться. Скоро она покинет Ладогу, и о ней не вспомнят и здесь.

Дива смотрела на волосы Перунки, распущенные и длинные, словно грива молодой кобылы, на ее пышную грудь, белую шею, легкую юбку, разбросанную складками по лавке. Неужели Нег видел эту женщину такой, какая она есть сейчас? Что еще он с ней делал? Она ведь могла понравиться ему. Разумеется, она понравилась ему. От нее веет чем-то праздным и лукавым. А какой же она сама, Дива, бывала с ним, когда еще он приходил к ней? То есть до появления Вольны. Как давно это, кажется, было. Напряженной, боязливой и отстраненной. Именной такой она могла и должна была запомниться ему. Ведь она всегда принимала его ласки неохотно. Неопытность, мысли о замученном отце, страх за жизнь ребенка в животе – все это тогда никак не способствовало тому, чтобы она чувствовала себя счастливой в объятиях супруга. Она наоборот всегда ощущала себя несчастной, принужденной к чему-то, что ей нежелательно и неприятно. А как могла бы она думать об удовольствиях после всего того, что случилось с ней по его вине! Да, ей было не до того, чтобы отдаться предложенному досугу с охотой и страстью. Но эта женщина, Перуника... Она не выглядит такой же несчастной. Она, напротив, кажется самодовольной, вполне заинтересованной в мирских радостях. Ее, уж точно, не нужно было ни к чему склонять. Она улыбалась ему, призывала к себе, сверкая той же плутовской улыбкой, что и сейчас. Потому теперь Перуника и ждет его, ведь им, похоже, было так хорошо вместе. Может быть, если бы она сама, Дива, вела бы себя так же раскованно и непринужденно, то не появилось бы Вольны, то не случилось бы изгнания из родного города.

В былые времена Дива подняла б шум или возразила б хоть что-то. Но только не теперь. Теперь она развернулась и молча двинулась к выходу. Ее шаги становились все быстрее, пре-

вращаясь в бег. Она уже не чувствовала пола под ногами. Задела плечом косяк двери, больно ударившись. В ее голове поднялся пыльный столп перепутавшихся образов. Вот он, Нег, обнимает ее, свою вечно обиженную на него Диву, вымученно улыбающуюся, таящую истинные мысли, которые понятны и без слов. Она все делала неверно. Она была права и честна в своих чувствах, и все же ей следовало вести себя по-другому. Возможно, тогда ей бы сейчас не было так горько. Если бы она могла вернуть время назад, то не стала бы сторониться его. Нельзя было идти на поводу своих чувств, пренебрегая будущим. Только теперь, видя горящую огнем влечения к чужому мужу Перунику, она поняла, что очень хочет быть с ним. Но на сей раз не потому что это разумно и необходимо. А потому что она несчастна в одиночестве. Она хочет снова оказаться в его руках, ощущая себя нужной ему. А до этого в этих руках побывали другие женщины. Он для нее один на свете, она же для него такая же, как все. Один из цветиков на полянке, полной ярких красок. Она часто размышляла о том, что у него могут быть дети. Она пыталась свыкнуться с этой нежелательной, но естественной мыслью. И столкнувшись со своими опасениями лицом к лицу, вновь оказалась не готова. Сначала Вольна и ее сын. Теперь Перуника – не какая-то простолюдинка, а княжна Ладоги.

Сбежав вниз с крыльца, Дива чуть не упала, потеряв ступеньку. В последний момент она успела ухватиться за перильце. Ее глаза наполнились слезами, сквозь которые она уже не видела даже тропы. Едва различив стоящего в паре шагов Хельми, назначенного главой похода, она собрала силы, чтобы унять дрожащий голос.

– Мы тотчас уходим, продолжаем путь, – бросила Дива, помчавшись к воротам. – Несите обратно, к берегу! – жестом приказала Дива прислуге, занятой с огромным сундуком, который изначально было велено с корабля доставить в покои. Слуги озадаченно подняли головы, не понимая, что делать дальше.

– Что она хочет? – недовольно обратился Хельми к Прохору, требуя с новгородца ответ за его княгиню. Варяг вполне понимал славянский язык, но никак не постигал странного поведения супруги своего предводителя, так похожей на его собственную жену, опороченную грехом неверности. И хоть это совершенно две разные женщины, обе они неприятны ему почти в одинаковой степени.

– Она хочет выступать в путь, – пожал плечами Прохор, мельком переглянувшись с Надежей. Они сами еще ни разу не выходили в море. И не испытывали к этому желания. Но были вынуждены пуститься в сие опасное путешествие по приказу князя. И, разумеется, они постарались заранее выяснить о том, с чем им предстоит столкнуться.

– Мы идти на другой лодка дальше... – на сей раз громовой бас Хельми был направлен на Диву, которая испытывала лишь одно желание – поскорее убраться из города, в котором на нее обрушилось новое оскорбление, сравнимое со звонкой пощечиной, надолго оставляющей след. – Мы плыть на тяжелой лодка с киль дальше.

– Ладно... Где... Где та ваша лодка с килем? – Дива едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться на глазах у людей, смотрящих на нее. Скорей бы уже уйти отсюда. А там уж можно будет и расплакаться. Но только не тут. – Где лодка? Скорее же...

– Те лодки дальше. У берега. Их надо еще осмотреть... Готовы ли они к плаванию... – предупредил Гуннар, вышедший из какой-то избенки на шум. – Их должны были смолить. Но дорога дальняя. По морю. Оно намного больше, чем любая река... – Гуннар кивнул на речную гладь, сверкающую на солнце жизнерадостными бликами. – Нельзя пускаться в путь, не проверив...

– Мы должны немедленно уйти отсюда... – Дива чувствовала, что начинает плакать. На сей раз уже не от обиды, а от безысходности. Ей даже некуда спрятаться. У нее нет места, в котором она бы могла почувствовать себя в покое. Даже драккар Рёрика и тот уже не спрячет ее. Ей придется вернуться в дом, где ее подстерегает Перуника. Ее заставят. – Я хочу поскорее добраться до Дорестада.

– Сегодня отдых... – распорядился Хельми свирепо, словно погрозив.

– Нет, я сказала! Нет! – воскликнула Дива, закрывая ладонью глаза и часть лба, чтобы никто не видел ее расплывающегося взгляда. – Немедленно! Я приказываю тебе!

Хельми оказался на пределе возмущения. Кажется, он уже был готов поднять руку и ударить ее, эту вопящую бабу, возмнившую себя главой похода. Отчего она решила, что может командовать?! Ей сохранили жизнь и отправили в ссылку. Пусть радуется, что при этом ее не было велено скрутить и привязать к лошади.

– Пусть она заткнется и пойти в изба, – процедил Хельми, обращаясь к Прохору, словно тот что-то мог поделывать лишь оттого, что является ее соотечественником.

– Сам заткнись, она наша княгиня... – напомнил Прохор, не столько расположенный к Диве, сколько слишком распушенный для того, чтобы держать за зубами свой язык. Он был из тех, кто почти всегда и почти любому молвит поперек. – Княгиня, сегодня никак нельзя... – на сей раз Прохор оборотился к Диве, которая никого не слушала. – Надо ждать до послезавтра. А если лодки дырявые, то и того дольше выйдет, надо думать...

– Я тут не останусь... Не хочу! – твердила Дива, с ужасом понимая, что ее слово ничего не значит. Даже если она сейчас вскарабкается на лошадь или отыщет лодку – путешествие не продолжится. – Я твоя княгиня, делай, что я сказала...

Хельми ругался громко и страшно. Благо, его родной язык не всем был понятен. По дружине шла волна возмущения. Не всем нравились, бесспорно, глупые и опасные приказы от той, которую сказано лишь охранять, а не потакать ей. И хоть совершенно ясно, что никто ее и не слушает здесь, тем не менее, отчего же тогда нельзя взять и уйти отдыхать после трудного пути?

Возле Дивы поднялся шум. Размахивая руками, Хельми орал на нее на своем языке. И без толмача было ясно, что он недоволен. Гуннар тоже не отличался вежливостью. Его резкие реплики слышались с другой стороны от Дивы. Прохор и подоспевший Надежа пытались доводами вразумить княгиню. Все остальные ее провожатые, пеняя на нее, недовольно гудели, сжавшись вокруг плотным кольцом. В глазах присутствующих она была лишь бесполезной женщиной, которую и слушать не надо. Никто пока не касался ее и не пытался отвести в избу насильно. И все же ей стало казаться, что сейчас ее кто-то ударит. А может прибьет. Наверное, это оттого, что они все громкие и яростные. Она ведь для них ничем не ценнее остальных женщин. С которыми каждый день случаются неприятности по вине тех, кто должен их защищать! Вот и эти выданные ей защитники уже ненавидят ее. Но только ей сейчас все равно, что будет с ней дальше. Если желают, то могут бросить ее в реку, как и было задумано ранее. Наверное, они так и поступят после сегодняшнего.

– Дайте пройти! С дороги, – в гущу толпы пробился Миронег, которому уже все было известно. Однако в отличие от всех присутствующих он ведал и причины, побудившие молодую княгиню Новгорода к внезапному отъезду. – Пропустите меня... Княгиня... Дива... Что же так... – очутившись возле своей госты, Миронег выставил вперед ладони, словно желая удерживать Диву в городе. Он ничего не знал о том, как они живут с Рёриком. Но он полагал, что жена князя Новгорода не должна покидать Ладогу в слезах. Слезы некоторых женщин стоят дорого. И да, Миронег с ужасом осознавал, что его город, некогда обладавший торговой мощью, сравнимой с мощью Хедебю, теперь зависим от грозного соседа. И кажется, сосед этот благосклонен и дружелюбен, но надолго ли. Не следует сердить его и лучше следовать всем предписаниям. Не самая доблестная линия, но единственно возможная пока. – Не нужно спешить... Дорога долгая и опасная. Княгине нужен отдых. Для нее уже подготовлены покои. В которых она сможет отдохнуть. В одиночестве... – последние слова Миронег выделил особенно.

– Я не пойду... – ответила Дива после промедления. И тут же прокатилась волна нового недовольства. Теперь уже возмущались абсолютно все. Ну разумеется, эта бездельница сидела на лавке и любовалась рекой и лесами, пока им всем нужно было сделать так, чтоб ее лодка доплыла до Ладоги. И теперь людям нужен отдых, они устали!

Никто все еще не решался хватать Диву за шиворот и вести куда-то, хотя, вероятно, это было бы действенное любых слов. И все-таки они ей не равня. Впрочем, кому-то придется поставить ее на место. Кто-то должен будет отважиться на подобную дерзость, а остальные будут ему благодарны за это.

– Княгиня... Дива... – обратился Миронег к своей несостоявшейся невесте. Он понимал только одно – она должна вернуться в избу, дружина должна отдохнуть, а после гости покинут Ладогу. Прием должен быть и будет оказан. Все пройдет своим чередом. Дива никуда не уйдет сейчас и, уж точно, никакой Хельми не потащит ее за косы в избу, грозя искалечить несчастную. Ему, Миронегу, здесь не нужны происшествия. – Не надо поспешности. И не надо волновать людей попусту...

– Я не... – проямлила Дива, которой было трудно противостоять недовольной толпе. Она бы и не пошла на такое осознанно, если б только не была слишком расстроена.

А тем временем недовольство уже дошло до края и было готово выплеснуться в нечто недозволенное. Кто-то уже подтолкнул к Диве ее служанку, но и от этого жеста прока было не больше: служанка лишь еле проямлила что-то.

– Надо идти в дом, пойдемте... – Миронег вдруг ухватил Углешу под локоть. Растерянная служанка Дивы, понуждаемая руками Миронеге, уже увлекала хозяйку к избе, разумеется, подталкиваемая самим князем Ладоги. Несмотря на внешнюю вежливость и рассудительную покорность обстоятельствам, никто не отменял его решительного нрава.

Попираемая толпой и Углешой, Дива ступала почти на ощупь. Она не могла больше возражать и не могла больше сдерживать слез. Они лились по ее лицу, словно потоки весенних ливней. Никто не выполняет ее приказов. Никто не слушает ее просьб. И теперь они все вместе ведут ее обратно в ту ужасную избу, где сидит Перуника с ребенком. А она сама, Дива, ничего не может поделать. Она, как обычно, беспомощна. И никак не может научиться быть сильной. Дать отпор хоть кому-то.

Дива сама не заметила, как оказалась в сенях. В избе уже не было Перуники. После того, как Дива убежала отсюда, у Миронеге было не так много времени. И все-таки он успел приструнить сестру и выдворить ее отсюда.

– Здесь княгине Новгорода будет удобно... – Миронег умышленно не обращал внимания на слезы Дивы, а ее попытки что-то сказать прерывал. – Это лучшая изба. В ней же останавливался и наш друг Рёрик... Здесь даже остались некоторые его вещи...

– Неужели это все правда?... – прошептала Дива, глядя сквозь распахнутую дверь на опустевшую лавку, на которой прежде сидела Перуника с ребенком на руках. Это чувство, когда что-то одинаковое происходит вновь и вновь. Эта же горенка, но нет княжны Ладоги. Если бы только ее с самого начала не было. – Почему он не сказал мне... Я же не могу тут оставаться...

– Тут есть все необходимое, есть прислуга... – продолжал Миронег невозмутимо. А затем развернулся к сопровождающим Дивы, которые толпились уже в дверях. – Выйдите отсюда, здесь же нет опасности... – Миронег не видел надобности в охране. И надеялся, что, чем быстрее Диву оставят в покое, тем скорее она успокоится, прекратив стремления к сундукам и лодкам. – Располагайтесь пока. Ваша княгиня никуда не собирается. Она останется в Ладоге на срок, необходимый для подготовки к дальнейшему путешествию... – Миронегу не потребовалось долго уговаривать тех, кто был только рад наконец отлепиться от Дивы. – А служанка пусть зайдет... Зайди, девушка. И внесите сундук... – осмотрительный Миронег также понимал, что не должен оставаться с Дивой наедине. Впрочем, присутствия слуг будет достаточно.

– Как он мог отправить меня сюда?... Он же знал, что меня ждет тут... – не видя неба целиком, Дива судила о погоде по краешку облачка.

– А что ты, собственно, тут увидела? – Миронег сегодня и сам слышал много неприятного. Но в отличие от своей бывшей невесты, не собирался впадать в апатию. – Девку с ребенком?

– Княжну Ладogi и ее сына. Сына Нега...– прошептала Дива, переведя взгляд на Миронег.

– Нет. Сыном Нега без сомнения может считаться только твой сын. Сын законной жены.

– У меня нет сыновей...– повторила Дива.

– Значит, и у Рёрика пока нет сыновей. Все дети, рожденные другими женщинами, не могут считаться его доподлинно, – вывел Миронег многообещающе. А слуги тем временем втащили сундук, и теперь Углеша доставала из него узелки и короба. – И ты сама должна понимать почему.

– Твоя сестра сказала, что...– Дива чувствовала, как у нее начинают гореть щеки и уши, будто она повисла над костром.

– Моя сестра лгунья и любодейка. И твой муж это знает. Иначе он бы уже давным-давно прибыл сюда, дабы повидать ребенка, которого ему прочат в сыновья... Но знаешь, что я тебе скажу...– зашипел Миронег, нависнув над Дивой. Услышав от сестры много гадкого, он сделал только один вывод: Перуника – не та женщина, которая желает нянчиться с малышом и слушаться брата. Перуника – змея, которая жаждет каким-то хитрым образом оказаться во главе города. Но, как и их старший брат-недоумок, она не в силах этого сделать. По крайней мере, без чужой помощи. – Я брат Перуники. Я ее брат, понимаешь? Ближе меня у нее никого нет. Но даже я не знаю, от кого это шлюха родила ребенка. И если ей посчастливилось привлечь твоего мужа на короткое время, это не значит, что она теперь ровня тебе... Поняла? – Миронег смотрел на свою гостью и надеялся только на то, что эта ясноглазая птаха скоро вернется в объятия Рёрика, заставив последнего позабыть о Перунике, обросшей грандиозными планами. Ведь в глубине души молодой князь опасался того, что слова Перуники могут оказаться правдой. И действительно, зачем Рёрику друг в Ладогe, когда в Ладогe может быть его сын...

– Я просто не понимаю...– запуталась Дива. – И как тогда быть? Твоя сестра говорит, что ребенок от Нега... Что же тогда делать? Как узнать...

– Никак не узнать, конечно. Она и под пыткой не сознается. Но, помимо твоего мужа, тут было еще множество мужиков, алчущих ее взаимных объятий. Все, что Рёрик может сделать, как и любой мужчина, оказавшийся в подобном положении – помогать ребенку расти и стать отменным викингom однажды. Не провозглашая при этом мальчишку без великой надобности своим преемником...– Миронег одновременно верил и не верил в то, что говорил. Все верно, помочь вырасти и назначить наследником города – это не одно и то же. Если только, конечно, верно утверждение, что Рёрик и сам понимает про Перунику и сомневается в ней. – Знаешь, в наше время мы все воспитываем чужих детей. Войны, голод, болезни – дети часто остаются сиротами. А взрастить чужого ребенка – это в любом случае благое дело. Ни одного своего побочного сына я не назначу преемником. Но я, конечно, позабочусь о каждом из них, даже если их матери были нечестны со мной. Твой муж думает так же, я уверен в этом, – тут Миронег не солгал: если что-то нельзя проверить, то придется верить на слово, но не обязательно всецело.

– А если он поверит ей? Мы ведь верим тем, кого любим...– грустно ответила Дива. Слезы высохли на ее щеках, поскольку хозяйка отвлеклась на речь князя Ладogi. Но боль в душе все еще рвала сердце.

– Послушай, я знаю твоего мудрого супруга вполне. Он не такой глупец, чтобы на слово верить женщине. Особенно такой, как моя сестра. Лживой и распущенной...– Миронег прежде всегда был милостив к Перунике, насколько это позволял его нрав. Возможно, он оказывался и строг, но также часто помогал ей, заботился, как мог. И все-таки сейчас он чувствовал, что сильно зол на нее. Да он почти возненавидел ее! И это произошло всего за миг, после ее слов. И теперь он знает, что не сможет простить ей всего этого. Он не сможет больше любить ее как прежде, даже если они помирятся. Но он не хочет мириться с ней. Он хочет, чтобы ее не было. Не было сестры и ее ребенка в этом городе.

– Для него она могла казаться прекрасным цветком, – Дива вспомнила Вольну. Которая при всех своих недостатках каким-то образом же завладела сердцем правителя!

– Не могла, – твердо ответил Миронег. – Для него есть только один прекрасный цветок, в котором он не сомневается – это ты. Я уверен, что до встречи с твоим мужем ты была безупречна, как и положено княжне. Чего не скажешь о Перунике. К счастью, я лишь ее брат и не имею возможности и желания бдить ее. Однако мне достаточно тех слухов, которые доходят даже до моих ушей. И я убежден, что твой многоопытный муж в силах обнаружить разницу между целомудренной девушкой и гулящей сукой. От последней он никогда не захочет детей. Или, по крайней мере, не будет уверен в своем отцовстве. Потому нужна ты. Которая всегда под присмотром, под охраной. Не шатаешься одна где попало. И для тебя нет других мужчин. Только ты и можешь дать истинного наследника... – Миронег говорил то, что было и так очевидно, но все же после его слов Дива чуть успокоилась. – Так что прекрати эти бессодержательные страдания. Ты вернешься в свой Новгород, родишь Рёрику сыновей и будешь жить долго и счастливо. А у Перуники только и останутся что слова да рассуждения... Она не станет ни женой Рёрика, ни княгиней Ладоги. Потому как недостойна ни одного из этих титулов, – утешил заодно и себя самого Миронег, хотя не был убежден в том, что говорит. – Ты останешься в Ладоге настолько, насколько потребуется. Не рвись в путь прежде срока. Я даю слово, что моя сестра больше не потревожит тебя... – пообещал Миронег и вышел.

Дива уронила голову на ладонь и пустым взглядом уставилась в окно. Теперь уже город не казался ей таким завораживающим и прекрасным.

Глава 3. Наместник

– Слава, умоляю, только не сейчас, – Барма пытался подпоясать рубаху, но покровка никак не желала ложиться на ткань, то заминалась, то переворачивалась. Глава вече очень торопился: сегодня в Изборск должен был прибыть князь Рюрик, и Барма не хотел опоздать. Но он и не мог пойти не подпоясанным, конечно. Появиться на людях без пояса сравнимо с бесчестьем. Ведь был же случай, когда с какого-то уважаемого человека сорвали пояс на пиру. Так сие восприняли как оскорбление всему роду! А тут еще Хлебослава... Жужжит, как обычно, под руку.

– Я не отдам еще одну нашу девочку этому дикарю! Мало тебе того, что погубил Ясыню! – прокричала жена главы вече. – Ты должен защищать нашу семью, а не заигрывать с варягом!

– О боги, Слава, ты даже не понимаешь, о чем говоришь... – Барма уже не столько хотел ко времени прийти в детинец княжеский, сколько побыстрее уйти из дома, где ему с каждым днем становилось все невыносимей. Как и всему существу, этой невыносимости должен был наступить предел, но он пока не наступал. А Барма ощущал себя так, словно он уже не мужчина даже. Жена постоянно пеняла на его недостатки, и он перестал чувствовать довольство самим собой. Хотя понимал, что сам не так уж плох. По крайней мере, его семья не голодает, живет в достатке и тепле. И все же давным-давно зародилось это противоречие. С одной стороны, он фундамент большого дома, с другой – он постоянно в грязи, которую вымазывает на него Хлебослава.

– Я все понимаю вполне! Сначала Годфред, теперь Рюрик! Я ненавижу этих варягов, все они одинаковые! – Хлебослава винила в смерти Ясыни Годфреда, хотя на самом деле не знала правды. Возможно, она что-то чувствовала, не находя этому объяснения, а возможно, лишь искала виноватых, как большинство людей. В любом случае, независимо от своей осведомленности, она не заблуждалась на этот раз.

– Они не все одинаковые. И положение совсем иное, нежели в тот раз... Годфред хотел жениться на Ясыне, а Ясыня хотела сделаться его супругой... – после смерти молодого наместника Барма почему-то успокоился, он перестал оплакивать Ясыню, подсознательно убежденный, что влюбленные теперь вместе в другом мире, более счастливом. – Что до Рюрика – он даже не видел Усладу. Но, надеюсь, она понравится ему. И тогда мы упрочим свое положение. Это важно особенно теперь, когда Годфреда больше нет. Потеряв Годфреда, я потерял ценного союзника, – объяснил Барма.

– Ты только и думаешь, что о выгоде! – упрекнула Хлебослава.

– Да, я только о ней и думаю, – Барма так устал от нескончаемых ссор, что уже не желал бурно протестовать и оправдываться. – Ведь это не тебе, а мне думать о том, как прокормить нашу семью.

– Что будет с Усладой, когда он наиграется с ней?! Об этом ты подумал?! – Хлебославу беспокоила уготовленная племяннице участь.

– Все будет хорошо. Услава окажется любимой женщиной князя в Изборске. Это большая честь. Пойми уже, наконец, – заведенный попреками жены Барма резко дернул за пояс, и тот неожиданно оборвался. Хотя в чем тут неожиданность? Терпеливый Барма носил один и тот же надоевший пояс уже не первый год. Но всему выходит срок. – Проклятье, – выругался глава вече, бросив обрывки пояса на коник у двери. Чем вопить, принеси лучше ясало из сундука... А я пока обуюсь... – Барма двинулся в сени, услав супругу за поясом: не так давно ему подарили богатый ремень с золотыми бляшками. Настал момент примерить обнову.

– Пояс, который я вышила тебе своими собственными руками, ты отшвырнул, как ненужный сор, – Хлебослава подобрала испорченную вещь.

– Сварог всемогущий! Слава, я не смогу больше надеть этот чудесный дивный пояс! Позволь мне не носить его обрывки у себе за пазухой! – гаркнул Барма, постучав себя по груди. Он не понимал, что Хлебославу оскорбило не то, что он посчитал порванную вещь ненужной. А то, что даже не выразил сожаления, что пояс, подаренный любимой женой, теперь испорчен. В отсутствии сожаления кроется будто некая неблагодарность. Или мужская черствость?

– Порвался пояс, который я дарила тебе. Это дурная примета, – ответила Хлебослава, огорченно разглядывая обрывки некогда красивой ткани. Все ветшает, не только одежда, но и сама Хлебослава, и их с Бармой любовь. А порванный пояс – это зело пагубный знак, что-то случится, что-то плохое, ведь пояс дан человеку, чтобы оберегать того.

– Прекрати! – рявкнул глава вече, которому не нравилось, что жена пророчит ему неприятности в сегодняшнем дне, обещающем быть ответственным. Рюрик придет в Изборск не просто погостить. Он придет потому, что тут убили его племянника. Неизвестно, что последует за этим. Возможно, пострадает только Трувор и часть охраны, оберегавшей Годфреда, а возможно, гнев владыки коснется и самого Бармы. Мало ли как. – Накаркаешь!

– Я для тебя горластая ворона? – обиженно спросила Хлебослава. Она устала от того, что муж постоянно груб с ней. Он давно не называл ее ласково, давно не восхищался ею и, кажется, даже не ценил того нечеловеческого труда, которым она занята в его семье.

Барма ничего не ответил и пошел в дальнюю горенку, где в сундуках хранились новые одежды, ткани и посуда. И да, она, его извечная Хлебослава, для него горластая ворона, которая никак не запечатает свой клюв.

Распахнув сундук, Барма стал рыться в тряпье. Обычно он не был занят в хозяйстве и не помогал жене по дому. Однако его истинно возмущал беспорядок, царивший не только в жилище, но и в семье. Хлебослава совсем отбилась от рук, она не уважает своего мужа, не старается для него. Для нее важнее всего дети. Которые в свою очередь растут разбалованными и дерзкими! Вслед за Хлебославой наемни Барме нагрубила и средняя дочь, которая прежде всегда отличалась кротостью. Малютка Звенемира обгрызла все лавки и столы. А старшая дочь, которую Барма считал разумной и посвятил в свои торговые дела, оказалась до безумства глупой. Она сообщала матери обо всех доходах и расходах семьи, и Хлебослава уже и туда пыталась засунуть свой нос.

– Как меня все это задолбало, – процедил Барма, с грохотом захлопнув тяжелую крышку сундука. Он так и не нашел своего нового пояса в этом водовороте чужого шмотя.

Глава вече поднял голову и увидел стоящую возле печи Усладу. Она мыла посуду в корыте, ее руки были мокрыми. Он сразу и не заметил девушки, выведенный из равновесия Хлебославой. Как-то он случайно повстречал Усладу в бане. Это было, когда он решил отсидеться там в тиши после очередной ссоры с женой. После той нечаянной, но памятной встречи в мовнице Барма заметил за собой, что стал думать об Усладе чаще, чем позволено. И уж точно не так, как положено помышлять дяде о племяннице. И все же он не пытался бороться с собой, будучи убежденным, что его мысли – последний форпост его личности. Он имеет право думать, о ком хочет. Если Хлебослава залезет и туда, то он, наверное, покончит с собой.

– Услава, ты не видела мой новый ремень? – Барма достаточно владел собой для того, чтобы не вмешивать девушку в котел непристойных переживаний, которые завладели его мозгом. После того вечера, когда она предстала перед ним во всей своей красе, он вел себя как ни в чем не бывало. Хотя видел, что она смущается его. Что и понятно. Ну да ладно, возможно, скоро все это прекратится, она будет жить в княжеском детинце.

– В сундуке, – Услава подтвердила догадку Бармы о том, что вещь там, где он видел ее в последний раз.

– Ясно, – Барма повторно растворил сундук, яростно отшвырнув крышку, которая грохнулась о стену. – Помоги найти, – неожиданно для самого себя распорядился Барма, выпрямившись.

Услава вытерла мокрые ладоши о передник и подошла к сундуку, который Барма перевернул окончательно. Молча склонившись над тяжелым ящиком, она начала перебирать одежду, аккуратно укладывая последнюю стопкой.

Глава вече провел ладонью по своему лбу, словно вытирая испарину в жаркий день. Гибкий стан Услады, будто изогнутая березка, приковал его взгляд. В его голову ворвались бесстыдные образы. Ему виделось, как он обнимает эту девушку, как целует ее живот, как она сладко вздыхает в его объятиях. Он уже забыл, когда в последний раз испытывал нечто подобное в реальности, то есть не в своем воображении. И да, он перестал ощущать себя мужчиной. Он – отец, муж, кормилец и заботник, но не мужчина. И не потому, что с ним самим что-то не так. А потому что его поставили в такие условия, где он ничего не должен желать, но зато обязан многое сдюжить!

– Принесешь в сени, – обуздав свои мысли, Барма развернулся, собираясь покинуть горенку. Услава была обращена к нему спиной и не могла видеть его взгляда, и все же он решил прекратить созерцание, которое граничило с чем-то греховным.

– Нашла, – одновременно с ним произнесла Услава, выпрямившись. В сундуке теперь был порядок, сложенные вещи смотрели на Барму, словно овощи с грядки.

– Ты помнишь, о чем мы с тобой говорили вчера? – Барма забрал из рук Услады ремень и принялся прилаживать его поверх рубахи. – Ты готова послужить своей семье?

Вместо ответа Услава опустила голову. Барма напряженно выдохнул. Он не мог оставить эту девушку в своем доме. Особенно после того, что теперь чувствовал к ней. Мысль о том, что она будет с другим, не доставляла ему страданий. Он лишь сожалел, что не может оставить ее себе. Это не какая-то любовь, это просто очень сильное влечение к ее совершенному телу, не изуродованному множественными беременностями, трудом или, наоборот, ленной жизнью, превращающей женщину в бесформенный мешок.

– Если ты не желаешь принимать участие в нашем замысле, то скажи прямо сейчас, – у Бармы не было никакого запасного варианта, вернее, запасной персоны, и все-таки он не хотел принуждать Усладу к чему-то, особенно спать с другим мужчиной. То ли на него подействовали слова Хлебославы, то ли он сам так на себя подействовал.

– Я не знаю, как верно... – после паузы вымолвила Услава, стиснув ладошки. – Как вы с тетушкой решите, так я и согласна.

– О, боги, – Барма вдруг испытал истинное страдание. Услава, кажется, единственная правильная женщина в этом доме. Она одна не доставляет ему хлопот и огорчений. И он должен отдать ее кому-то. Какому-то чужому мужику, который, скорее всего, заставит ее страдать. – Знаешь... Если ты хочешь остаться жить с нами, ты должна сказать мне об этом сейчас, – Барма чувствовал, что дает слабину, но уже ничего не мог с собой поделать.

– Я хочу, чтобы от меня был прок, – Услава слышала, как Барма в ходе очередного скандала с Хлебославой пенял на то, что племянница жены живет здесь и он вынужден кормить ее. И теперь Услава желала поскорее перестать быть обузой для этой семьи.

– Ты стараешься, от тебя есть толк, – Барма уже противоречил сам себе, прежде называя своих домочадцев бесполезными лентяями.

– Но ведь, кроме меня, больше некому туда пойти... – несмотря на внешнюю отрешенность, Услава понимала, что происходит. Хлебослава и Барма бранились громко: не раз глава вече кричал, что ему попросту некого подсунуть владыке под нос. Другие его дочери не столь милостивы, да и это будет слишком уж явно после истории с Ясыней. Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Задержанная и измотанная Хлебослава нередко вымещала накопившиеся страдания на домочадцах, в том числе на Усладе. Вначале все было вроде бы мирно, Хлебослава воздерживалась от того, чтобы нападать на племянницу. И все же однажды это переменилось. Хлебослава сама не знала, отчего тихая племянница вдруг стала раздражать ее. Это было какое-то чутье, которое срабатывало лишь в определенные моменты, не постоянно то

есть. Услава же ощущала со стороны семейства неприязнь по отношению к себе и желала бежать из-под чужой крыши. – Я хочу помочь...И я готова, – призналась Услава, смутившись. Она понимала всецело, что именно от нее потребуется. Она пока не знала, как полагается вести себя с мужчиной наедине, но была уверена, что разберется на месте.

Неожиданное признание Услады огорчило Барму: все-таки глубоко в душе он не хотел ее ни с кем делить, не отдавая себе в этом отчета. С другой стороны, гора с плеч: Услава готова и хочет, это главное, а его фантазии – ерунда бестолковая. Надо поскорее выбросить все это из головы. И приниматься за дело, он и так часто стал отвлекаться.

– Услава...– послышались шаги Хлебославы, а вскоре в дверях появилась и она сама. В ее руке все еще была зажата оборванная опояска Бармы. Увидев мужа и племянницу, стоящих возле сундука, хозяйка дома отчего-то почувствовала необъяснимое раздражение. Оно будто подтолкнуло ее в спину, заставив выплеснуть недовольство. – Ты еще здесь?! Я же велела пойти и принести молока. Звенемира голодна!

– Иду, – Услава подобрала юбки и молча поторопилась на улицу.

– Она искала ясало, – коротко пояснил Барма. Изначально он не собирался вступаться за племянницу жены. Тем не менее в последний момент изменил намерение.

Изборск пировал уже третий день. И на то была причина. В честь нового правителя – могучего Трувора – шли пышные празднества. Сам князь Рюрик, выбранный некогда боярским вечем, правил в это время в Новгороде, потому и провозгласил наместником здесь своего «любимого брата» Трувора. Ранее от имени князя тут правил его племянник Годфред. Каким тот был правителем, никто толком не понял. Чаше разговоры шли о его гридях. Как бы там ни было, юный посадник безвременно канул в небытие. Народ сия новость не взволновала. Многие даже имени его запомнить не успели. Но Трувор отчего-то сразу пришелся им по душе. Вероятно, потому что новгородский владыка не пожалел злата для устройства праздника в честь своего брата; привез с собой дары и увеселения. Народ угощали, десятки медведей забавляли толпу вместе со скоморохами и музыкантами.

Давно позабыл Изборск о своем прежнем князе – радетьельном Изяславе. В его отсутствие град предался новому хозяину без сопротивления. В народе ходили лишь неясные толки о том, куда делся прежний князь и его наследник Радимир, и где, вообще, вся военная знать. И тем не менее, несмотря на домыслы, картина выглядела значительно и благородно: вече торжественно провозгласило новым князем Рюрика. Правда, в народе не знали, что предшествовало тому. Истая битва. Но не на поле боя, а в гриднище. Те, кто яро противились новому владыке, отправились вслед за Изяславом. А сам город не пострадал. И оттого неприязни к доброму правителю люд не испытывал. А теперь, когда великий князь принес с собой радость и оставил на защиту града своего любимого брата – народ и вовсе был счастлив.

В хоромах княжеских, как и во всем городе, шло торжество. Из дверей украшенных избывывались песни и смех. Гости веселились, забавляемые шутами. Гуслиры ударяли по струнам. А яства сменялись на столах с чрезвычайной скоростью. Самым излюбленным кушаньем прежнего правителя были печеные лебеди и лебязьи потроха – и теперь они венчали стол, приготовленные поварами по привычке. Как устроительница пиршества Велемира не могла обойтись без рыбных блюд. Однако вот незадача, перебравшись в окруженный лесами, прудами и болотами Изборск, княжна была вынуждена позабыть о стерляжьих спинках, расстегая с визигой и прочих капризных рыбках. Теперь шуки с чесноком да жаренные караси задабривали ее желудок. Особое место на столе занимали каши с заячьими пупками и грибами, готовые напитать любой ненасытный рот. Однако большинство гостей не смотрело в сторону круп и вареных грибов. На праздничном застолье желалось горячих пряных блюд, таких как зайцы на сковородах, тушенная вепривина и всевозможная телятина. Интерес гостей занимали и закуски, самыми любимыми из которых были, как-то: верченые языки, то есть жаренные на

вертеле; куриные шейки с травами; порезанные рубцы, то есть томленная в горшочках или скатанная в продолговатые трубки вареная говяжья требуха; заливное из петушких гребешков. И конечно же, мучные приспехи: каравай с той же зайчатиной, колоба и обязательно кулебяки. Отличительной чертой последнего пирога являлась сложнейшая начинка, уложенная слоями, разделенными тончайшим полотном теста. Сегодня на столах были поданы кулебяки в семь ярусов: из четырех видов мяса и птицы, полбы, яиц и грибов. Этим блюдом гордился еще сам Изяслав – лишь его поварихи могли изготовить сей сложный пирог таким образом, чтобы он пропекся и не сломался в дальнейшем. Одним лишь этим пирогом можно было легко и надолго утолить голод.

– Почему до сих пор не подали говяжье вымя? – Велемира заглянула в стряпные избы, где кухарки о чем-то щебетали, смеясь между собой. – Вы тут развлекаетесь, пока на столах есть нечего?! – Велемира слыла строгой княжной. Все знали, что она имеет лишь косвенное отношение к семье прежнего и нынешнего правителя, однако ее благородное происхождение возвышало ее в глазах простого люда. – Вас сюда поставили не хохотать и не языками чесать!

– Княжна, так мы же с зари хлопочем... Уж посмеялись, но что ж молча стряпать, кушанье жестким будет... – извинялись поварихи. – А вымечко так на столах давно, обваленное в сухарях и зажаренное в яйце, как и было велено...

– Посерьезнее, – ткнула Велемира, поправив шаль. – Я не могу разорваться на части! Поскорей бы все это закончилось, – на самом деле княжне нравилось принимать участие в устройении праздника: хоть тут она могла командовать вволю, не встречая сопротивления и будучи неоспоримо существенной персоной.

Двинувшись в торжественные избы, Велемира по пути встретила Усладу, бредущую куда-то в сторону колодца.

– А ты почему здесь?! – отругала Велемира племянницу Бармы. – Тебе велели не отходить от князя! Мы с твоим дядей потратили много сил, чтобы ты оказалась на празднике и могла прислуживать Рюрику за столом!

– Князь захотел воды, а ее не оказалось в доме. Пришлось на колодец идти, – объяснила Услава.

– Ну зачем самой время терять?! – недоумевала Велемира. – Отправь кого-то, а сама возвращайся и будь возле Рюрика! Неужто ты не уразумеваешь, какой влиятельной сделаешься, если завоюешь его внимание?! Ты сможешь отправиться с ним в Новгород и стать там главной! – Велемира очень хотела, чтобы в дополнение к Вольне на голову Диве свалилась еще и Услава. Если, конечно, Дива еще вернется в Новгород. – Послушай, под лежащий камень вода не течет. Если ты будешь безучастно стоять возле князя с кувшином воды, то, скорее всего, ничего не произойдет. А произойдет с той девахой, которая будет ластиться к нему... Ты когда-нибудь наблюдала за уткой, пытающейся привлечь селезня? Она не сидит молча в камышах, а громко крикает голосом чистым и густым. Тихие и хриплые утки никакого селезня не приманят! Возвращайся обратно!

Когда Велемира вернулась в торжественные избы, там было шумно, никто и не заметил ее появления. Велась какая-то мужская беседа, не представляющая для княжны интереса. Велемира сразу заметила, что сам счастливый владетель ответственного поста сидел поникший, грустно склонив голову, словно пирование затеяно вовсе не в его честь.

– Мой славный, что ты приуныл? – Велемира под села к Трувору, ласково оглядев его. – Разве тебя не радует все это? – княжна теперь во всех приглашенных гостях видела своих подданных, и это тешило ее.

– Ну все не так, как кажется, – ответил Трувор, бросив взгляд на Рёрика.

А князь тем временем слушал речи бояр и раздавал предписания, даже не смотря в сторону «брата», будто рядом с ним никого не было. Не поддерживая общего разговора за столом,

Трувор запивал каждое слово Рёрика щедрым глотком пива. На этом его участие в застолье исчерпывалось.

– Ты здесь, у тебя важное назначение, все идет как надо... – утешила Велемира, подкладывая паровую шуку в пустую миску нового наместника Изборска.

– Князь наш и благодетель! – с кубком в руке поднялся с места Барма. – Дозволь слово молвить...

– Дозволяю... – кивнул Рёрик. Уже много дней он пребывал в скверном расположении духа, был напряжен и недоволен всем, что происходит вокруг него. Не сказать, что сегодня многое поменялось. Но это застолье отвлекало его от собственных мыслей, которые огорчали даже больше всего происходящего во внешнем мире.

– В сей день было произнесено множество слов в честь нашего защитника и его любимого брата, – Барма почтительным жестом указал на Трувора. – А я хочу пожелать лишь одного. Пусть будет правление князя Рюрика долгим и радостным. Ведь ничто в мире для нас не столь отраднo, как опека милостивейшего из государей... – Барма вдруг смолк. И это было воспринято, как окончание речи. В конце концов, в любой здравнице важна не ее длина, а содержание. Кубки взмыли вверх. А Барма лишь чуть пригубил напиток, не сводя глаз с той части стола, где восседали Рёрик и Трувор.

Причиной рассеянности Бармы явилось появление возле князя знакомого лица. К Рёрику подошла девушка. Миловидная и скромная. По ее одеждам становилось сразу ясно, что она не служанка и, скорее всего, принадлежит к высшему сословию. И все же в ее руках застыл кувшин, который она то и дело прижимала к себе. Это была Услава.

– Вода... – негромко доложила Услава, не зная как лучше поступить: отдать Рёрику весь кувшин или только наполнить его кубок.

Решение пришло само: Рёрик молча забрал из рук племянницы Бармы сосуд и поставил на стол возле себя, даже не удостоив взглядом девушку.

Велемира видела все происходящее и была недовольна нерасторопностью Услады. Видя, что та немотствует, Велемира подала красноречивый знак, настаивая не отступаться: Услава должна добиться своего.

– Что-то еще, княже? – спросила Услава, перехватив взгляд Велемиры.

Рёрик отрицательно кивнул. Он давно заметил эту девушку. Сначала он не придавал значения ее присутствию, но потом обратил на нее внимание. Она постоянно крутилась возле него со всякой мелочевкой вроде потиралец и кувшинов с водой. В обычное время такое угощенье пришлось бы ему по душе, как и сама девушка.

– Услава! – цыкнула Велемира на свою подопечную из-за плеча Трувора. Княжна пока не позволяла себе расслабиться и беззаботно вкушать яства. – Разуй глаза! – продолжала Велемира шепотом, когда племянница Бармы приблизилась к ней. – Ты все делаешь не так. Твоя задача – способствовать лучшему расположению князя. А не наоборот!

– Ну так я же... – заблеяла Услава неуверенно.

– Налей ему вина... – зашипела княжна, полагаящая, что для наилучшего настроения князю достаточно лишь только вина. – И больше не плошай.

В этот момент Трувор шмякнул на стол свой опустевший кубок. Велемира бросила встревоженный взор на любимого. Он хранил молчание, с неохотой отвечая только на те вопросы окружающих, которые были направлены лично ему. Он не пытался заговорить с Рёриком или кем-то еще. И это обстоятельство беспокоило княжну. Ведь сделаться наместником – это еще полдела. Главное, суметь сохранить сей пост за собой. Для этого требуются усердие и хитрость. И, конечно, дружба князя.

– Ты не должен все время молчать, произнеси речь в честь своего великого брата, – на ухо Трувору трындела Велемира.

– Я не хочу ничего говорить, – ответил Трувор угрюмо.

– Надо. Ты должен, – настаивала Велемира. Она постоянно пыталась принудить его к чему-то. Иногда успешно, иногда безрезультатно.

– Государь, ты прибыл в добрый час! – речь взял волхв. Когда этот уважаемый человек поднялся, остальные гости смолкли. – Вскорости мы отпразднуем Ярилу Вешнего. Присутствие в городе нашего заступника – добрый знак в Ярилин день! Ведь Ярило не только Победитель Скверны и Солнце, согревающее землю, но и покровитель всех воинов-защитников, то есть тех, кто бережет родные просторы от супостата. И нам отрадно, что с нами в этот день будешь ты вместе со своим братом и храброй дружиной, государь... Надеемся, ты не отвернешься от участия в празднике... Начнем мы со встречи утренней Зари и купания в целебной росе, благословленной Ярилой... Если есть у тебя какие-то печали и хвори, государь, то они мигом отступят после Ярилы Вешнего...

– Уповаю на это... – Рёрик сказал правду. Он был бы не против того, чтоб его печаль отступила. Весной обычно легко и радостно на сердце. Но только не ему и только не этой черной весной, отнявшей у него племянника и Диву. О последней он вспоминал все чаще даже против своей воли. – Я с радостью приму участие в этом важном празднике, посвященном Яриле, от которого, как я слышал, зависит урожай и сохранность скота... – согласился Рёрик.

– Какая распрекрасная весть. Нет ничего важнее единения князя с народом в молитве и святых обрядах, – восхитился волхв.

– Трувор, – прошипела Велемира на ухо любимому. – Ты слышал? Волхв упомянул и тебя. Что ты сидишь столь безучастно? Скажи же что-то...

– Я не знаю, что это за праздник... – ответил Трувор равнодушно.

– Он же объяснил – это мужской праздник: пастухов, землепашцев и защитников земли родной! – Велемира хотела, чтобы Трувор принимал участие в общей беседе, потому и взялась пояснить ему суть вопроса. – После купания в росе кто-то отправится в поля, кто-то за скотом ходить. В этот день надо будет обязательно поработать, не только плясать и веселиться. Пастухи будут обходить поля и читать заговоры перед первым продолжительным выгоном скота... Коров прежде, чем на луг выпустить, покормят хлебом, огладят зелеными и красными яйцами... Затем обвяжут пряжей и нитками. Потом проведут рогатых через ворота, где сперва бросят пояс... Коровы переступят через пояс и окажутся защищены Ярилой от волков... – по умению нагнать на человека тоску Велемира могла превзойти кого угодно.

– Государь, позволь слово молвить! – поднялся один из бояр. – Но не все праздники да песни. Есть у нас некая тревога... Избавил ты нас от разбойника Емельяна, да не один он пугает жителей. Боимся мы набегов с запада...

Боярин говорил много и долго, многие поддерживали его речь. Велемира слушала вполуха и лишь тогда вышла из задумчивости, когда услышала громкий голос Рёрика.

– Трувор займется этим в первую очередь... Так ведь? – спросил князь.

– Да... – подтвердил Трувор, отказываясь давать более подробные ответы.

– О чем он спросил тебя? – Велемира накренилась над ухом любимого.

– Сказал стену вокруг города надобно построить новую, имеющиеся укрепления уже обветшали, – ответил Трувор, вздохнув.

– А эту стену, которая есть – рушить? – не поняла Велемира, не сведущая в войне и укреплениях.

– Нет, конечно. Зачем?..

Велемира хотела еще что-то спросить у Трувора, но тут Рёрик снова обратился к нему.

– Пойдем-ка... На березы поглядим, – неожиданно предложил Рёрик Трувору. За столом как раз поднялся гам, кто-то спорил о чем-то.

– Иду, – Трувор с готовностью последовал за князем.

На дворище было прохладно и свежо. Хоть Трувор и выпил много, но был по-прежнему трезв и грустен. Видимо, хмель не шел на забитую думами голову. Что до Рёрика, то он имел схожий настрой, хотя это было и незаметно для окружающих.

– Через несколько дней я покину Изборск. А за это время сделаю все, чтобы твою волю никто здесь сомнению не подвергал, – начал Рёрик неспешно. – Без меня ты должен быть внимателен. Я не хочу, чтобы история Годфреда повторилась с тобой.

– Я так виноват... – Трувор не думал сейчас о назначении. Он корил себя за то, что произошло с Годфредом, его угнетала былая размолвка с Рёриком, он скучал по Росе, которую никогда не увидит. Все было ужасно, несмотря на внешний успех.

– Да, – кивнул Рёрик, не глядя на Трувора. Он наблюдал за костром вдалеке, вокруг которого на бревнышках расселась дворовая ребятня. Наслаждаясь угощением и неожиданной свободой, дети перешептывались, рассказывая истории про лешего, живущего в бору, обступившем детинец. Несмотря на поздний час, они не готовились ко сну – родители были заняты в связи с приездом важного гостя – так что можно и погулять.

– Но сегодня ты назвал меня братом, – Трувора не радовали почести без благоволения князя.

– Мы прошли немалый путь вместе. И я не сомневаюсь в тебе, Трувор, – Рёрик перевел взгляд с костра на своего нового наместника в Изборске.

– Но я не уберег Годфреда, – Трувор был очень расстроен.

– Это не только твоя вина, – покачал головой князь. Орм рассказал ему в подробностях, как и что происходило в те дни. Рёрик также знал о том, что некоторые гриди из тех, которые охраняли Годфреда в его последний день, в том числе и Альв, покинули Изборск, устранившись наказания. А Трувор остался.

– Я постоянно находился с ним, как до этого с тобой, – сокрушался Трувор. – И только один раз я оставил его.

– Не сомневаюсь в этом, – Рёрик оглядел расстроенного Трувора. – Знаешь, я недавно понял, что больше всего прочего ценю в своих друзьях верность. Но не все оказались достойны моего доверия... – Рёрик не объяснил, кто подразумевается. Но у Трувора уже были догадки. – И все-таки я уверен, что ты мне предан.

– Клянусь, это так, – Трувор был счастлив слышать, что князь не разочарован в нем до конца.

– А я клянусь, что дорожу этим... – Рёрик разделял соратников на тех, кто помогает ему достичь его целей и на тех, от кого он ничего не желает получить, но может им многое дать.

– Ты же знаешь, я готов за тебя жизнь положить! – слова Трувора не были пустой бравадой. Он действительно восхищался своим грозным предводителем.

– И однажды ты уже спас мою собственную, тогда в Ютландии. Я об этом не забыл, – Рёрик посмотрел на Трувора по-доброму. Приятно, когда есть друг, с которым легко даже через время.

– Да я сам не понял, как получилось! Еле ноги унесли, хвала богам! – Трувор украсился своей открытой мальчишеской улыбкой. После этого он добавил более тихо, – Нег, если тогда я взболтнул лишнее о Вольне – не держи зла. Я не ради обиды... – Трувор помнил, что началом раздора послужили его слова о любимице князя.

– Да знаю я, – махнул рукой Рёрик. Речи Трувора вначале разозли его. И злился он долго. Но теперь они почему-то не вызвали у него переживаний. Впрочем, как и сама Вольна.

– Нег, я хотел спросить... А с Ладогой ты что-то думаешь? Может, пора нам уже валить Миронегу... – Трувор не был кровожадным, он лишь напомнил, каким был изначальный план.

– Я тут подумал... Славный он паренек... Послушный вроде... Жалко что-то его стало... – Рёрик потёр нос, чтобы скрыть очередную улыбку.

– Ага, мне тоже... – признался Трувор. – Может, женить его на ком-то?

– Да на ком же? У меня не осталось ни одной княжны, – пошутил Рёрик.

– Ха-ха, теперь видишь, девицы тоже иногда могут быть полезны, – рассмеялся Трувор. – А впрочем, Ладога на что нам сдалась? Ладно еще тогда, егда надо было где-то залечь, а теперича... Волочить ее за собой... Защищать...

– Важна не столько сама Ладога, похожая больше на груды обугленных бревен, чем на город, сколько Волхов, – задумался князь. Он всю свою жизнь провел в море. И теперь ему была важна близость воды. К примеру, в Изборске он бы умер от тоски. Но дело не только в тоске. А в том, что Волхов был особой тропой, ведущей сквозь заболоченные леса и непроходимые чащи от самого Ильменя до Ладожского озера. – По сути, Ладога – это единственная возможная гавань, где могут останавливаться морские суда в начале речного пути к Византии... И потом, там много наших... Будет неразумно не воспользоваться этим обстоятельством. Хоть где-то у нас есть сторонники, – оскалился князь. – Я не хочу терять связи без особой причины.

– Может, там столицу этих земель устроить? – озарился идеей Трувор.

– Нет, Ладога не годится. Часто нападают на нее... Я не хочу каждую ночь готовиться к обороне... Какие бы стены мы ни строили, потери при защите все равно будут. Не нужно нам этого. Пора поберечь людей...

– А как же тогда поход на Белое озеро? Если беречь людей... – запутался Трувор.

– Ну... Я пока в раздумьях, – Рёрик загадочно улыбнулся. Дива еще вначале их совместного жития каким-то чудесным образом за невероятно короткий срок растратила огромные суммы из казны. И это заставило его задуматься над другим возможным способом получения понравившихся земель. – Знаешь, я тут поразмыслил... Не обязательно приходить в город и громить его вместе с жителями и постройками. Можно сочинить более дешевый и милосердный способ... – усмехнулся Рёрик шутливо.

– Я что-то не узнаю тебя, мой князь, – улыбнулся и Трувор. – Такой добрый стал.

– Да ладно, – махнул рукой Рёрик, который и сам себя порой не узнавал.

– Они с Ладогой рядом... Может, одной Ладоги достаточно нам? Или нет?!

– Сам не знаю. Но думаю, что Белое озеро запрет дорогу на Итиль, то есть в хазары... Но главное сейчас не это. Мне нужно, чтобы ты был внимателен здесь – Изборск важен для нас. Отсель мы можем наблюдать дороги с запада... А также водный путь через Чудское озеро и Великую...

– Не переживай, мой князь, я тут глаз не сомкну, – кивнул Трувор. – Я тут кое-что слышал... Оскольд и Дир собираются на Царьград... От твоего имени...

– Не совсем так. Они идут в Киев. О Царьграде объявили нарочно.

– Ужели ты их отпустишь? Они ведь заберут с собой часть людей! Да к тому же не верю я им что-то... Как хочешь это назови, чутье...

– И я им не верю, – кивнул Рёрик. – Но многие поддерживают их начинание. Не хочу раскалывать знать на два враждующих стана. Пусть идут.

– Да как ты можешь их отпустить? – вознегодовал Трувор.

– Не всегда мы можем удержать людей возле себя. И не всегда можем заставить любить нас...

– Ты сейчас про Оскольда и Дира?!

– Ахаха... – Рёрик не ответил на вопрос Трувора.

Велемира доедала щучью голову, когда к ней неожиданно подсел Барма. Глава вече был чем-то очевидно озабочен. Он начал негромким голосом, дабы никто не услышал их беседы.

– Я вижу, что опасения наши были напрасны... – вступительное слово Бармы выражало радость оттого, что Трувор не только не был разжалован, а даже, наоборот, занял ответственный пост.

– Боги заступились за нас, – кивнула Велемира, укладывая рыбные хрящи и косточки на край миски.

– Однако...Как же наш уговор?.. – напомнил Барма.

– Уговор? – на лице Велемиры выразилось недоумение, которое она запила водой с медом.

– Я сделал так, как мы условились. От лица вече я похвалил Трувора и его умелое руководство дружиной. Вероятно, именно *мое* слово способствовало выбору князя...– заострил внимание Барма.

– Раз государь посчитал Трувора достойным этого высокого поста, то, значит, он достоин...

– Разумеется, достоин, – согласился Барма. – И теперь, егда все уладилось...Я тревожусь за еще одно наше общее дело...– напомнил глава вече. Но Велемира сделала вид, что не понимает, о чем речь. – Услада...

– Ты сдержал слово, – Велемира вытерла рот краем рушника и развернулась к Барме. – Но и я не отказалась от своего. Благодаря моим усилиям, твоя племянница была возле нашего князя. Она встречала его вместе со мной и Трувором. Я доверила ей держать каравай: как ты знаешь, весьма почетное поручение. Я позволила ей сопровождать князя и развлекать его дорогой. И даже теперь я устроила так, что она все время была рядом с ним. И что же? – картинно задалась вопросом Велемира. – Я растолкую. Она его не заинтересовала...

– Но почему? – Барма не сводил глаз с Велемиры, словно она на все знает ответ.

– Причин может быть много. Но одна из них нам уже очевидна – твоя племянница не проявила достаточного рвения. Ей следовало трудиться над тем, чтоб привлечь к себе внимание. А она была незаметна и безучастна. Тебе надлежало объяснить племяннице, что он не станет с ней копаться. И она должна устроить все сама!

– И что же теперь? – Барма был расстроен вконец. – Велемира, что делать?

– Не знаю. По-твоему, дорога к сердцу владыки так проста? – хмыкнула Велемира, невольно вспомнив свои прошлогодние усилия. – Одно явно. Услада все содеяла неправильно. Ей надобно было усердствовать. Быть приветливой и ласковой. А вместо этого она наливала ему вина с таким изнеможенным ликом, как будто совершает подвиг!

– Я поговорю с ней...– постарался все исправить Барма.

– Уже поздно. Подходящие моменты упущены. Не трудись, – теперь, когда Трувор стал наместником, Велемире был больше не нужен Барма и его покровительство. Что теперь этот боярин может такого, чего не сумеет она?

– Княжна...– Барма даже дотронулся до рукава Велемиры.

– О, небо...– нарочито раздраженно вздохнула Велемира. – Боги не дают тебе второго шанса...

Велемира вышла на улицу, дабы проследить за тем, как устраиваются спальные для гостей. Завечерело, и скоро многие захотят почивать.

– Горазд, вы подготовили одрины? – позвала приказчика Велемира.

– Я за двором надзираю. Что в избах делается – не моего ума дело... Это надо у Домны запрашивать...– приказчик поспешил скрыться от взыскательного ока княжны.

Велемира недовольно фыркнула и уже собиралась отправиться искать старую строгую домоправительницу, которая еще при Изяславе следила за всеми горничными и прочими домашними слугами. И тут Велемира увидела бредущего неторопливой походкой по дорожке Орма. Тиун до сего момента отсутствовал на празднике.

– Опаздываешь, – ущипнула Велемира, которой так и хотелось сегодня каждого поста-вить на место. И правда, не явиться на званный пир считалось дерзостью, как и опоздать на него. А тиун запоздал существенно!

– Я не могу опоздать. Мне позволено пребывать в самостоятельности. Хочу иду, хочу не иду, – сообщил Орм заносчиво.

– Пригорок в низине, который возомнил себя высокой горой? – под шутливым соусом Велемира преподнесла истинное оскорбленное. Она не забыла, как была вынуждена унижаться, умоляя его повременить с отправкой кляуз в Новгород. Ей даже пришлось подкупить его, еще и упрашивая принять подарок в обмен на краткосрочную задержку почты.

– Второй человек после князя... – поправил Орм.

– Уже нет, – напомнила Велемира, намекая не превосходство Трувора.

– Я бы на твоём месте сохранял бдительность, – посоветовал Орм, который в действительности задержался не потому, что полагал себя важной персоной, а так как выполнял княжеское поручение. Но дразнить Велемиру да и вообще окружающих ему нравилось. Даже тогда, когда он в целом бывал согласен с общим мнением, то продолжал приводить доводы, лишаящие общество единства и сеющие раздор. При этом он был лишен всяческих внутренних противоречий: его ничто не беспокоило, он ничего страстно не желал и ему всего хватало. Просто он был таков: вечно выражал некое неодобрение, замаскированное под заботу или опасения о деле.

– Что это значит? – не поняла Велемира, но тон тиуна ей не понравился.

– Это значит, что новое назначение лишь приближает твоего Трувора к печальному концу, – Орм, конечно же, не мечтал и не надеялся, что наместником окажется назначен он сам. Тем не менее он был не единственным, кого удивило решение князя. Для этой должности Трувор, кажется, не подходил. – Сама посуди... Твой суженый не уберёг Годфреда. И Рёрик так просто этого не простит. Я думаю, Трувор назначен лишь для того, чтобы потом прилюдно быть подвергнутым наказанию во имя упрочения княжеской власти... Ведь нет никакой трудности в том, чтобы наказать обычного гридя. То ли дело покарать наместника! Злоупотребления и промахи легко сыщутся, даже если Трувор окажется старательным и исполнительным. Была бы спина – найдется и вина. А итогом станет то, что все будут знать, как грозен новгородский владыка... Как он строг и не щадит даже собственных людей... Так что лучше не задирай нос, а старайся не лишиться тех друзей, которые однажды смогут вступить за твоего Трувора... – Орм намекал на себя. Он был изрядным бездельником. Вся его ценность заключалась в превосходном знании нескольких языков, а также способности действовать решительно в особо острых обстоятельствах, случающихся относительно редко. Однако он как никто мог создать видимость работы и уверить окружающих в своей необходимости. Впрочем, с основной своей задачей он справлялся. Он был отправлен Умиллой сюда для того, чтобы доглядывать за положением, а не сновать с котомками взад и вперед, выполняя мелкие поручения.

– С чего ты все это взял? – настроение Велемиры испортилось. Пророчества Орма напугали ее, хотя еще совсем недавно она чувствовала себя всемогущей.

– А помяни мое слово, – многозначительно пообещал Орм. – До добра это возвышение не доведет...

– Не будем ссориться... – Велемира быстро спустилась с небес на землю, осознав, что судьба ее любимого всегда переменчива.

Ночное небо постепенно светлело. Скоро рассвет. Завтра весь детинец будет спать до полудня – такой окажется расплата за продолжительное ночное пиршество.

– Заяц отвезет тебя домой, – обратился Барма к Усладе, которая стояла вместе с ним возле повозки, огорченно потупив взор.

– Прошу меня простить... – извинилась Услава за то, что не смогла воплотить план Бармы в жизнь. Рёрик не оказывал ей знаков расположения и, по большому счету, не обращал на нее внимания. – Я так подвела всех нас...

– Нет, это не так, ты вообще ни при чем тут, – Барма понимал, что его задумка провалилась, но он почему-то очень быстро перестал переживать об этом. – Наш князь нынче в тоске. Как-никак он потерял племянника. Вероятно, ему не до утех...

– Или я просто не понравилась ему, – заключила Услава, которая выглядела несчастной, возможно, оттого, что никому не нужна.

– Нет, такого не может быть. И ты не должна так думать! – Барму почему-то расстроило, что она считает себя непривлекательной. – Ты же видишь, он занят эти дни... С виду кажется просто – назначить наместника – но на самом деле рискованный шаг. Ему сейчас не до улажнений. Ему нужно, чтобы все прошло гладко, чтобы Изборск не взбунтовался. Понимаешь?

– Может, нам попробовать позже? – огорченно вздохнула Услава. Она очень рассчитывала на то, что план Бармы сработает.

– Разумеется, мы попробуем снова, но не все сразу, – Барма не отметал в сторону вероятности, что Услава еще может добиться своего. В конце концов, Рюрик только приехал. – Забирайся в повозку...

Барма поднял глаза к постепенно выцветающему на горизонте небу и глубоко вздохнул. Он не хотел домой, хотя обычно возвращался ночевать, что бы ни случилось: от детинца до его усадьбы было совсем близко. И все-таки глава вече решил остаться сегодня здесь. Тут полно пустующих изб, одну из них он как раз забрал себе и там вел приемы и заседания. В ней он и заночует. Правда, в избушке не на чем спать: лавки слишком узкие. Впрочем, на чердаке имеется сено, можно улечься там...

– Барма! – послышался негромкий окрик откуда-то из темноты построек.

– Что такое... – Барма признал Велемиру, она поманила его рукой. Ее длинные рукава доставали до самой земли, словно крылья. Ей всегда нравились наряды, подчеркивающие ее особое положение, избавляющее от необходимости трудиться.

Не зная, что и думать, глава вече двинулся к княжне.

– Ну что опять вы мешкаете?! – Велемира огорошила Барму неясным вопросом. – Князь собирается почивать. Сейчас Трувор проводит его до гридницы. Они оба почти невменяемые. Это то, что нам нужно! И твоя Услава должна уже быть там к его появлению! Неужели неясно!

– Ты же сама сказала, чтобы Услава ехала домой, – Барма предположил, что Велемира жаждет помотать ему нервы. Подобное часто происходит, когда на непорядочного человека внезапно обрушивается власть – он начинает так или иначе измываться над теми, с кем раньше был дружен.

– Она может ехать домой, если ты так хочешь! Но потом не говори, что это я сорвала нашу затею! – ткнула Велемира, которая в своем вздорном характере могла казаться непоследовательной, хотя на самом деле отлично знала, что делает.

– Ты совсем запутала меня... – признался Барма. – Сейчас что нужно свершить?

– Срочно веди к нему свою племянницу! – приказала Велемира, которая в душе почему-то опасалась, что Услава будет отвергнута. И дело не только в том, что в этом случае они с Бармой лишатся поводов. Велемира не простила Диве ее судьбу – младшая дочь Гостомысла стала княгиней Новгорода! И единственное, чего старшая княжна хотела больше власти – это навредить сестре, пусть даже последняя и не узнает об этом. А впрочем, рано или поздно узнает: кто-то да доложит о новой наложнице.

– Но я не представляю... – Барма, и правда, не понимал, под каким предлогом Услава должна оказаться в княжеской опочивальне под утро. Ладно бы еще днем или вечером: она могла бы растапливать печь, носить воду или мести пол. Но сейчас – это подозрительно.

– Пусть разденется и ждет его! А лучше – сделает вид, что уснула! – у Велемиры на все был готов ответ.

– Я думаю, ты права в том, что на сегодняшний день Услава не заинтересовала его, – Барма не видел причин отрицать очевидное.

– Ну и что... К утру все переменится. Не представляю себе такого, чтоб викинг прогнал со своего ложа спящую девицу, особенно если она нагая... – тараторила Велемира. Ее житие с Трувором началось примерно так, как она описала. – Ступайте. И поскорее. Надеюсь, завтра смогу тебя поздравить, – подмигнула Велемира и, развернувшись, пошла прочь.

Барма проводил княжну озадаченным взглядом. Она шла деловой походкой уверенной в себе персоны. Часто скверный нрав женщины только сильнее распаляет пыл ее поклонников. Но иногда он делает ее отвратительной кикиморой. Примеров таких немало: вот хотя бы Хлебослава и Велемира. Впрочем, он, Барма, мог бы дополнить множеством имен этот список капризных баб, весь успех которых заключался лишь в том, что они сумели прилипнуть к влиятельному мужчине. Мало ли тут таких ступало по этим самым дорожкам. Вместо того, чтобы выполнять свое святое предназначение и радовать дарованных им богами благодетелей, эти наглые ничтожества пытаются издеваться и руководить. Хоть где-то, хоть кем-то. Пусть руководят муравьями в своем садике.

– Пойдем, – Барма подал руку Усладе, помогая ей сойти с повозки. Девушка слышала весь разговор главы вече и княжны. Барма знал об этом. Также он приготовился к тому, что Услава сейчас потребует с него объяснений. Хотя нет, она не потребует. Она не из тех, кто мучает его, заставляя оправдываться даже тогда, когда он невиноват.

Барма и Услава подошли к красивому высокому терему, рядом с которым горели пламенники. Возле крыльца стояла грозная охрана. Увидев главу вече и его спутницу, страж отошел в сторону: приказ Велемиры пропустить в терем девушку.

– Что ж... Доброй тебе ночи... – вымолвил Барма, оглядев Усладу напоследок.

– Доброй ночи, – ответила Услава, поставив ногу на ступеньку.

– Обожди, – Барма задержал Усладу за руку. Ему на ум почему-то пришел тот день, когда он впервые увидел князя Рюрика. И в тот же день их знакомства владыка Новгорода, кажется, проломил кому-то череп. Да, так и было, князю что-то не понравилось, причем, что-то не столь уж возмутительное, как можно было бы решить, узрев последствия гнева. Всего лишь какое-то неуместное слово, какое-то несвоевременное возражение.

– Что такое? – не поняла Услава. – Велемира велела торопиться.

– Пойдем, – Барма сжал ладонь Услады в своей руке, увлекая девушку следом за собой и прочь от покоев важного гостя.

Недоумевающая Услава едва поспевала за Бармой – торжественный наряд стеснял ее. И вскоре они оказались возле небольшой отдельно стоящей избы, заросшей плющом. Даже окна в ней заплелись. Крыльцо было тесным, зато высоким. Это была та изба Бармы, в которой он вел приемы и в которой собирался заночевать сегодня.

В горенке оказалось прохладно и темно, лишь свет луны, пробивающийся сквозь ажур листьев, чуть освещал обстановку. Барма запер дверь на засов и приложил ладонь ко лбу. Он понимал, что собственными руками ведет свой корабль на мель. Но что если он больше не хочет дальних плаваний? Что если он желает тихую гавань для своего судна? Может, ему не расположение Рюрика нужно, а нужна Услава? Или, может, ему необходим отдых...

– Знаешь, наш государь не только прославленный воин и мудрый правитель. Он опасный и непредсказуемый человек. Быть с ним рядом – это как гулять по полю, над которым сверкают молнии. Рано или поздно молнии начнут бить по полю, – пояснил Барма недоумевающей племяннице. – Я передумал. Тебе не нужно к нему ходить.

– Но я же сказала, что хочу этого, – вдруг вымолвила Услава.

– Правда? – слова племянницы расстроили Барму, хотя он вроде изначально жаждал, чтобы она действовала по своему собственному желанию. – Он что, так полюбился тебе?

– Я не разглядела его, – ответила Услава уклончиво.

– Тогда как ты можешь хотеть к нему? – Барма не постигал, что имеет в виду племянница жены.

– Я хочу не к нему. Я хочу не возвращаться в поместье, – ответила Услава. А Барма даже встрепенулся. Он тоже не хочет возвращаться в это поганое поместье, где его ждут, чтобы снова и снова облить грязью и вычерпать последние силы. Он больше не сильная река, он теперь иссыхающий колодец, из которого выхлебали всю его мощь. – Мне все равно где быть, лишь бы не там. Если есть какие-нибудь женихи для меня, то я согласна на любого... Если нет, то я могу уйти из дома и отправиться служить в храм или помогать кому-то по хозяйству... Я умею шить... Могу ткать...

– Что ты такое говоришь... – в сердце Бармы речь Услады внезапно отозвалась каким-то ужасным эхом. Эта девушка ни на кого не надеется, как и положено сироте. И все-таки она ищет помощи. Но ей нельзя верить чужим, потому что она хорошенькая и слабая, и ее очень легко обидеть. Он сам постоянно пенял на то, что она живет у них. Затем Хлебослава начала заедаться к ней. Дочери Бармы тоже оказывались недовольны ею по каким-то своим женским причинам. И вот к чему это привело.

– Мне всю мою жизнь тяжело. Тяжелее чем было, наверное, не будет... – неожиданно произнесла Услава.

Барма никогда не интересовался жизнью племянницы, особенно той порой, когда она жила с родителями. Не было ему дела до этого. Он и сейчас не хотел этого знать. Единственное, что он видел – ее смирение и трудолюбие не ведут ее никуда. И тут вдруг он почувствовал, что хочет взять ее под свою защиту. Как и в любом мужчине, в нем, оказывается, есть потребность защищать. И не исполняя ее, он, кажется, несчастлив. Потому что перестал чувствовать в себе силу. Ведь за Хлебославу не надо заступаться. И даже, напротив, ему самому порой приходится отбиваться от нападок вымотанной супруги, часто срывающейся на крик, слезы и обвинения. Вот он и перестал ощущать себя тем, кем по сути является, как и любой глава семейства: защитником и благодетелем.

– Я буду оберегать тебя сам, – Барма наконец дал себе волю, обняв Усладу, о которой помышлял все эти дни, вопреки желанию оставаться равнодушным. Не ведая того, она пробудила в нем нечто, давно забытое. То, что делало его счастливым. И суть, конечно, не только в ее внешности и новизне. Но и в том, что она действительно нуждается в нем, в своем покровителе. И он не станет передавать ее на попечение каким-то другим мужикам. Ей без разницы, с кем быть, как она сама призналась. Но только ему не без разницы, с кем будет она. И уж лучше, он оставит ее себе самому. – Ты не вернешься в то ужасное поместье, – Барма прижал к себе Усладу, ощутив, как в его теле будто вспыхнуло пламя. Он словно печь, которая все эти годы была остывшей, засыпанной золой. И теперь в этой печи снова полыхает жар. – Ты будешь жить в своем доме. И ни в чем не станешь нуждаться, – шептал Барма, вдыхая аромат пушистых волос Услады. Последняя, к его удивлению, не выражала своего отношения к происходящему: она не отбивалась от настойчивых объятий главы вече, не напоминала о своей тетушке и ни о чем не спрашивала. Возможно, она была растеряна. А возможно, корыстна. Но Барма не видел ее расчетов, потому что был занят только собой. – Моя девочка, тебя больше никто не обидит, – Барма и сам не понял, в какой момент потерял голову. Ведь, кажется, он не был влюблен в Усладу, да и, вообще, давно не влюблялся. Но сейчас ему виделось, что она не просто девушка, а будто созданная богами именно для него отрада. Да он же, наверное, умер бы через неделю, если б она не появилась. Он вроде бы еще не столь стар, у него почти нет седых волос. Но он все это время ощущал себя дряхлым стариком. И теперь он пораился, как много у него сил и желаний, дремлющих до сего дня. Он удивился и тому, что Услава не только не отвергла его, но и помогла ему распутать завязки на ее воротнике. Ему было без разницы, во что она одета, в ней его привлекли не нарядные платья.

Раннее утро оказалось холоднее ночи. В маленьком домике, затененном старым плющом, было стыло. Барма погладил плечо Услады, спящей возле него. Ее кожа была бархатной и упругой, словно только сорванный лепесток. Ему нравилось в этой девушке все, даже ее неопыт-

ность, которая лишь сильнее распалила его. Нет, он не любил Усладу столь сильно, как, к примеру, когда-то любил свою жену. Но тем не менее он ни на мгновение не пожалел о том, что отказался от своего первоначального замысла и оставил Усладу себе. Укрыв ее, он вознамерился поспать и сам. Опустил веки, невольно прислушиваясь к звонкой трели жаворонка за окном. Пение этой птицы не было выдающимся, но оно казалось мелодичным и приятным. Раз его некогда нежный соловей больше не поет для него, для своего Бармы, глава вече готов удовольствоваться и жаворонком. Так Барма и погрузился в сон.

– Чем ты занят? – удивленная Хлебослава повисла над Бармой, опираясь кистями рук в бока. Ее взыскательный взор не сходил с его спины: он как раз заканчивал делать отжимания. Обычно Барма не выполнял подобных упражнений, это-то и озадачило Хлебославу. – Если тебе нечем заняться, то помоги мне по хозяйству! Натаскай воды, раз уж не позволяешь ввести в дом слуг!

– Хорошо, выбери себе служанку, – Барма поднялся на ноги, отдышался и двинулся на выход, даже не глядя на супругу. Он уже не воспринимал ее как женщину, она не нравилась ему, но он и не испытывал к ней уважения, какое обычно питал к мужчинам, она для него нечто среднее.

– Неужто?! – изумилась возмущенная Хлебослава, которая все еще стояла подбоченившись. – И с чего такая щедрость? Дождался, пока я совсем сгубила свое здоровье в этом доме! – Хлебослава была не так уж неправа. Она вырастила много детей без посторонней помощи и даже без помощи самого Бармы. И теперь уже подросшие дети стали ей подспорьем. Да, она устала, и все же самое трудное позади. – Куда ты идешь?!

– Я иду в мовницу. Приготовь мою одежду, – Барма пошел в баню, которую затопила Хлебослава. Он, и правда, давно перестал ценить ее труд. Но разве он один виноват в том, что происходит? Да, его вина, может, и есть. Но он не собирается думать об этом. Ему плохо здесь, и он больше не желает этого терпеть.

– Ты не останешься на вечерю? Я полдня стряпала сычуги! – Хлебослава пока еще ничего не понимала, хотя и чувствовала что-то неладное. Вообще, она редко готовила торжественные кушанья вроде любимых Бармой начиненных мясом и грибами желудков молодых козлят – лишь к гостям и по праздникам. Обычно ее стряпня была незамысловата – каши, блюда из репы и переваренная птица. И вот теперь когда она так старалась, он даже не похвалит ее! – Я потратила столько времени, а ты уходишь!

– Я снова виноват перед тобой? – процедил Барма. Он теперь уже не мог поверить в то, что когда-то любил эту женщину. Впрочем, он любил ее совсем другой. Она превратила себя в чудовище, вечно недовольное и злобное, к которому страшно приближаться.

– Ты бы мог предупредить. И я бы не парилась у печи! – Хлебославе было обидно, что она потратила силы на приготовление сложного блюда для мужа, который не станет ужинать, оказывается. Ей и детям можно обходиться более простой пищей. Он даже не понимает этого, хотя она много раз просила его не делать так. Но он никогда не слышит ее просьб. Он забрал Ясыню, вопреки воле матери, и вот чем все кончилось. Она никогда не сможет простить ему того, что он сделал.

– Я приду завтра, – решил предупредить Барма, раз уж она так этого требует.

– Почему это?! – возмутилась Хлебослава. – Ты не сможешь уложить Звенемиру? Ты же знаешь, как беспокойно она стала спать!

– Государю понадобится мое участие... Вот я и останусь в детинце пока... – Барма даже не заботился о том, чтобы измыслить что-то более убедительное.

– Ты можешь понадобится ему в ночи?! Он уже и в нашу жизнь влез! Скоро он переедет к нам жить! – негодовала Хлебослава, доверчиво полагая, что причина новых терзаний их семьи есмь далекий владыка.

– Он пожелал назначить наместника...Мы будем заняты до позднего вечера в гриднице...Затем пир...А потом придется ждать пока все разойдутся...

– И где ты будешь там ночевать? – не поняла Хлебослава.

– Ну где-то вместе с его гридями, – невозмутимо отвечивал Барма.

– Когда он вернет нам Усладу? Мне нужна ее помощь! – напомнила Хлебослава.

– Я же сказал, выбери себе служанку из наших деревенских...

– Так когда я увижу Усладу?! – Хлебослава никак не могла объяснить, отчего у нее уже много дней присутствует дурное ощущение, когда она думает о племяннице. И да, это ощущение заставляет ее раздражаться еще сильнее.

– Ты ее не увидишь, я же сказал, она теперь собственность государя...

– Ну и что! Пускай владеет, но и нам позволит видаться! – настаивала Хлебослава.

– Не положено...– Барма ответил так убедительно, что Хлебослава даже перестала спорить на эту тему.

– Ты подрезал бороду? – Хлебослава наконец заметила перемены в супруге.

– Так лучше? – единственное что спросил у нее Барма.

– Лучше! Будто помолодел, – Хлебослава сдвинула брови: обычно Барма уделял не слишком много внимания своей внешности. Обычно он вообще ничего не делал для себя самого. Впрочем, как и она. Ей тоже было не до прихорашиваний давно уж. – Как новый пояс? Удобен?

– Не хуже старого, – Барма затянул на талии новый пояс.

Глава 4. Брат

– Ты должен подумать о завтра уже сегодня, молодой князь, – негромко звучал голос старого боярина Мирко в тишине княжеского терема. Впрочем, терем – это громко сказано. Скорее, княжеская изба с двумя большими крылечками. – Перуника тебе не союзник.

– Но она моя сестра. К сожалению... – молодой князь Ладоги напряженно потер переносицу.

– У тебя есть и другие сестры, которые, однако, не злоречат о тебе и не пытаются сделать так, чтобы твой княжеский престол отошел другому... – рассудительно напомнил Мирко. Он не просто считался советником Миронег, он был верным соратником прежнего князя и наставником нынешнего с малолетства. Его слова Миронег не умел ставить под сомнение. – О них и заботься. А змею, что пригрел на своей груди, опасайся.

– Я не опасаюсь женщины! – гаркнул Миронег нарочито громко. И сказал неправду. На самом деле он с некоторых пор стал остерегаться Перуники, родившей мальчика и провозгласившей своего ребенка сыном Рёрика.

– А следовало бы, – наставительно заметил седоголовый Мирко. – Она не так уж и не права. Варяг, может, прежде и не помышлял о Ладоге как о своем городе. Но если тут у него найдутся княжна и сын – то ты сам окажешься лишним, каким бы доброхотным он к тебе ни был все это время.

– И что ты предлагаешь?! Разве я могу что-то предпринять?!

– Можешь. Содей так, чтобы ребенка не было... – Мирко не был слишком злым. Он лишь очень сильно любил своего воспитанника, который был ему дорог, как собственный сын. К тому же Мирко был в Ладоге вторым человеком после Миронег. Каким же он будет по счету, если князем сделается Рюрик? – Ребенок – это единственное оружие твоей сестры. Женщины часто используют своих детей в битве с мужчинами.

– Что ты глаголешь?! Ужели я похож на детоубийцу?! – возмутился Миронег предложению своего наставника.

– В таком случае сделай так, чтобы ребенка не было хотя бы в твоих хоромаш... Его могут умыкнуть, скажем.

– Кто же? Гуси-лебеди?! – закатил глаза Миронег. – Если ребенок исчезнет, то это будет более чем странно! Да и непросто сие. Он всегда с Перуникой и нянькой. Да и вообще, я не желаю зла ребенку. Я пока что еще не опустился до такой низости! – и правда, несмотря на задиристый нрав, Миронег обычно вымещал свою злость на тех, кто был в силах дать ему отпор: это подогревало его интерес к жизни, делая ее слаще и насыщенней.

– Я тоже не желаю ему зла. Пусть бы жил в какой-то семье, окруженный заботой... – Мирко умел быть убедительным. – Я могу все устроить. Ладога слишком мала теперь, шила в мешке не утаишь. Я могу отправиться к Белому озеру и там найти ребенку достойную семью...

– Нет, я не хочу даже обсуждать это. Да и потом, есть один ребенок – значит, будет и другой. Перуника теперь не слезет с Рёрика.

– Лучше, несомненно, срезать дерево, чем трясти на землю его бесконечные плоды... Перуника отныне всегда будет угрозой...

– Ты прав. К сожалению, прав... – вынужден был признать Миронег, вспомнив решительную и наглую сестру, которая не была к тому же обделена и внешними данными, важными для мужчины. – У тебя есть какие-то задумки?

– У меня *были* задумки... – в отличие от то вскакивающего с лавки, то бегающего по горнице Миронег, Мирко невозмутимо сидел за столом и лишь иногда пощипывал бороду. – Выдать ее замуж и отправить отсюда куда угодно. Вообще неважно куда. Но чтобы тут ее не

было. Однако молодой князь не прислушался к моему совету вовремя. И теперь слишком поздно.

– Еще какие-то замыслы посещают твою главу? – Миронег остановился возле Мирко, уперев ладони в стол.

– Посещают... – Мирко уже все обдумал. – Во-первых, что бы ни случилось с Перуникой, подозрение ни в коем случае не должно пасть на нас. И сейчас как раз подходящий момент – у нас гостит княгиня Новгорода и законная жена Рёрика. Что если она, одержимая ревностью и обидой, захочет отомстить сопернице?

– Дива? – переспросил Миронег. – Навряд ли я заставлю ее атаковать Перунику.

– Княгиня не обязана сама пачкать руки в крови разлучницы... – объяснил Мирко. – Я заметил, что, помимо варягов, ее сопровождают трое новгородцев. Она могла бы отправить одного из своих соотечественников, чтобы тот заколол ее врагиню...

– Ну и как это устроить? – Миронег обладал стремительным умом, но в интригах и подлостях был слаб, как и положено порядочному человеку. – Зачем провожатым Дивы нападать на Перунику?

– Главное не то, что происходит на самом деле. Правда никому не нужна. Главное то, что видит глаз... И то, что потом скажут люди, зачастую не знающие подробностей, но все домысливающие... – Мирко даже взял паузу, чтобы собеседник мог постичь смысл его высказывания. – Что же узрят видoki в нужный нам момент? Дверь в покои княжны отворится... – Мирко отвел руку в сторону, словно открывая упомянутую дверь. А Миронег сразу живо представил себе описываемую своим наставником картину. – Бездыханная Перуника распростерта на полу. Из ее груди торчит рукоять кинжала. Над ней склонился новгородский молодец...

– И как его заманить в покои Перуники?!

– Надо сделать так... Перво-наперво, необходимо воспретить Перунике покидать ее избу до тех пор, пока княгиня Новгорода гостит в нашем городе. Воспретить Перунике посещать не то что застолье, но даже баню и отхожее место – пусть слуги принесут ей корыто, ночной горшок и бочку с водой. Будем действовать во время пиршества. Одного из новгородских гридей услатить к ней под каким-то предлогом, допустим, сказать ему, что его зовут или что-то еще. Он может даже не знать, кто там станет его ожидать. Но сделать это необходимо таким образом, чтобы не привлечь внимания... А во время пира как раз все будут заняты...

– Но ведь в дальнейшем он станет все отрицать! Скажет, что его кто-то подставил, заманив в избу Перуники!

– Любой на его месте станет отрицать. Каждый убийца отвергает вину... – резонно заметил Мирко. – В конце концов под пыткой он, думаю, признает все, что необходимо... А точнее, что его отправила княгиня Дива.

– Но что после этого сделается с самой Дивой? – Миронег не испытывал теплых чувств к своей несостоявшейся невесте, но и не желал ей зла. – По сути, она окажется виновницей тяжкого преступления...

– Ей хуже уже не сделается – она и так изгнана... – рассудил Мирко. – Когда скорбная новость о кончине Перуники дойдет до ушей Рёрика, княгиня Новгорода будет уже очень далеко. Само собой, что мы не станем ее задерживать... Пусть и дальше держит путь в Дорестадт.

– Это против здравого смысла: буде мы отпустим преступницу как ни в чем не бывало... То есть я хочу сказать, что если б такое произошло в действительности, нам следовало бы возмутиться...

– Можем и возмутиться. Но зачем нам лишние хлопоты с могучим супругом Дивы? А так будет похоже на вражду двух женщин, победительницей из которой вышла законная жена... – Мирко был стар и на своем веку повидал многое. Потому его ум быстро измышлял основание для любых созиданий. – А ты сам, княже, слишком захвачен страдами государственными,

чтобы вникать в подробности этой вражды двух несчастных. Тем более Перуника тебе не родная кровь. Дива, безусловно, станет горячо отвергать все обвинения. И ты имеешь право поверить ее княжескому слову, а не признанию какого-то гридя... В этом случае всем будет очевидно, что она виновата, с его слов. Кроме нее, кончина Перуники никому невыгодна. Но вместе с тем ты прослывешь великодушным, ведь согласишься ей и отпустишь ее с миром. А когда объявится Рёрик, ребенок уже будет воспитываться в семействе «отца»...

– Какого еще «отца»? – истинно недоумевал Миронег.

– Ну как же... Ведь молодой князь, должно быть, догадывается, что его сестра давно уже не пребывает в невинности, а с потерей мужа и вовсе распоясалась.

– Что знаешь? – Миронег накренился над столешницей. Он всегда чувствовал, что Перуника не тихая девица, вышивающая у окна. Она больше похожа на неуправляемого викинга, занятого если и не грабежами, то любовными похождениями. Миронег лишь не мог уличить сестру в ее грешках. Впрочем, он и не обязан был. Он брат, но не отец и не блюститель над ней.

– Знаю, что между ней и Стожаром, сыном Стогостя, имелись неуместные сношения... – Мирко передал сплетню, которую до сего дня скрывал от своего вспыльчивого воспитанника. Мир в княжестве, мир с подданными – все это важнее глупой гулящей Перуники. Не нужно на нее отвлекаться. И не нужно из-за нее затевать вражду родов.

– Когда?! – отшатнулся Миронег. Подобное он воспринимал как нанесенное ему оскорбление.

– Не надо горячиться. Нам это теперь на руку... – поспешил успокоить молодого князя Мирко. – И да... Два-три года тому назад. Может и ближе. Не так давно.

– Не в то лето, когда у нас был Рёрик? – размышляя, Миронег принялся в волнении закусывать щеку – это было формой высшего напряжения.

– В то лето, когда у нас был Рёрик, она, скорее всего, не отлипала от него самого, – предположил Мирко. – Хотя кто знает... Ведь женщины чувствуют себя счастливыми, если их юбка занимает ум нескольких мужчин, а не одного. Однако кого интересуют даты, давно ушедшие и забытые? Мы отдадим ребенка в семью Стожара. Это красноречивее любых дат.

– Он, кажется, женат, у него и самого дети... – вспомнил Миронег.

– Да, Стожар давно женат. У него одна супруга. Еще с юношества. И Перуника знала о его семье... А что до Стогостя, то он будет рад внуку от княжны. Можно отдать на попечение ему, он же будет приходиться ребенку дедом, – рассудил Мирко, лично и тесно знакомый со всеми значимыми людьми в маленьком княжестве.

– А если Стожар станет отрицать отцовство?

– Не станет. Не посмеет... Но если пикнет слово поперек, то я поговорю с ним лично... – Мирко умел склонять людей на свою сторону и убеждать. Как правило, успех зависел от потраченного на переговоры времени.

– Я тебя понял... Мне надо подумать... – Миронег снова стиснул переносицу.

– Мыслить нет времени, молодой князь. Доподлинно известно, что Рюрик собирается к Белому озеру этим летом. А значит, сюда в первую очередь явится. Это случится совсем скоро, нельзя нам медлить боле.

Перуника отдыхала в прохладе затененной горницы. Ее ложе было забросано множеством подушек – маленьких, больших, средних. Княжне нравилось спать, утопая в пуху. Рядом на постели играл ребенок: он перебирал бусы и браслеты Перуники в ларце.

– Князь, – служанка приземлилась в поклоне, уступая дорогу Миронегу.

– Выйди, – повелел Миронег служанке сестры.

– Чем тебе помешала моя помощница? – хмыкнула Перуника, все еще валяясь на перинах. Она не собиралась приветствовать Миронегу как-то иначе.

– Я пришел сообщить тебе... – Миронег закусил щеку, словно что-то обдумывая в последний раз. – От сего момента и до самого отъезда Дивы тебе воспрещается покидать твои покои. Даже на крыльцо выйти тебе не позволяю. Если тебе что-то понадобится – то попроси слуг пособить тебе...

– Что?! – задетая за живое Перуника приподнялась на локте. – Ты не можешь меня запереть под замок из-за нее! Здесь хозяйка я, а не она!

– Здесь хозяин я. И я могу сделать с тобой все, что захочу, – констатировал Миронег хладнокровно. – И я предвещаю... Если ты переступишь порог своей горницы, высунешь нос хотя бы на крыльцо... То я прикажу забрать у тебя твоего ребенка. И ты больше никогда не увидишь его.

– Только попробуй! Это сын Рёрика! – заорала Перуника. – Я все ему расскажу! Ты и раза вздохнуть не успеешь после такого!

– Каким образом ты все ему расскажешь? – после угроз сестры Миронег окончательно уверился в том, что она вознамерилась свергнуть его. И, кажется, не испытывает к нему родственных чувств. О боги, как он мог быть столь наивен и полагать, что у них есть что-то общее, родственное... – Может быть, ты из тех, кто вещает из мира мертвых?

Молчание повисло в горенке. Перуника сначала не поняла, что он сказал. А вскоре догадалась. Но не его слова дошли до ее разума, а ожесточенный взгляд, которым прежде он не смотрел на нее.

– Ты убьешь меня? – усмехнулась Перуника нарочито презрительно.

– Убьешь. Побьешь. Запрешь. Отдашь. Продашь. Кто мне помешает?

– Как ты смеешь! – вспыхнула оскорбленная Перуника. – Я княжна!

– Ты шкура продажная. Ради своей выгоды приготовилась выставить меня злодеем перед моим другом. И я, пожалуй, имею право соответствовать образу, созданному тобой. Коли ты так этого жаждешь... – прищурился Миронег.

– Ты испугаешься! Ты всего боишься. Боишься данов, которые нападут на Ладогу. Боишься варяга, который в Новгороде. Боишься неурожая ягод и грибов! Ты называешь Рёрика «другом» потому, что боишься противостоять ему! – выплеснула Перуника. Она знала, что брат не терпит только одного – когда его называют трусом. Было опасно так дразнить его, но она не могла удержать свой язык за зубами.

Миронег не стал больше ничего говорить. Правой рукой он ухватил Перунику за затылок и грубо упер ее лицо в подушку, с силой надавив несколько раз. Ребенок Перуники сидел здесь же, он продолжал копошиться в шкатулке. Он был так занят, что даже не видел, как его мать сейчас окажется удушена.

Перуника пыталась повернуть голову и сделать вдох. Но она не могла и сдвинуться, Миронег крепко вжал ее в лебяжий пух, который теперь казался ей камнем. Перуника почувствовала острую боль в носу. Сильнее этой боли был только страх за ребенка, сидящего рядом с левой рукой Миронег. Перуника испугалась за сына, которым постоянно устрашала брата. Что помешает Миронегу взяться за ребенка, у которого не будет матери?

Брыкаясь и мыча в подушку, Перуника задыхалась. Воздуха в ее груди было не так много. Но тут Миронег отпустил ладонь. Княжна отпрянула от подголовья, словно перегнутая палка. В ее глазах стоял ужас, ее нос сильно болел, и теперь ей было страшно уже по-настоящему. Она схватила ребенка и прижала к себе, опасаясь, что Миронег причинит вред ее маленькому сыну.

– Итак... Из этих покоев тебе выходить запрещено, – повторил Миронег невозмутимо. Он всегда удивлялся, почему некоторым людям недостаточно простых слов. Почему они понимают только угрозы. – Запрещено и незачем. Оставь Диву в покое. И усвой, что ты и сама на покое. Рёрик не помнит о тебе. Дива отослана. Но у него уже новая жена. Это не ты.

– А кто?... – прошептала Перуника, которая тут же забыла о том, что происходило с ней в предыдущее мгновение. Услышанная новость оказалась для нее важнее.

– Чернобровая красавица Вольна, кажется так...А впрочем, ты можешь выпросить у людей Рёрика лично, пока они не отплыли из Ладоги. Кто-нибудь да поделится с тобой сплетнями...

– Я не понимаю их...– Перуника никак не могла поверить своим ушам. Она была уверена, что покорила суровое сердце грозного варяга, путая свою доступность с предполагаемым очарованием. И она была убеждена, что коли на Диве он женился из-за княжества, то ее саму, великолепную дочь лесов, не забудет никогда и при первой же возможности ринется к ней в Ладогу.

– Поговори с новгородцами, сопровождающими Диву...– как ни в чем не бывало посоветовал внезапно доброхотный Миронег. – Я надеюсь, ты усвоила, что я тебе сказал...– Миронег поднялся на ноги. – Если хотя бы тень твоя выползет из-под этой крыши, ты больше не увидишь своего ребенка. Не сердь меня.

Миронег вышел на крыльцо, где его ожидало двое дружинников и слуга. Молодой князь прищурился, глядя на шумящий кронами лес. Мирко прав...Главное не то, что происходит на самом деле. Главное то, что видит глаз.

– Тороп, приблизься...– подозвал Миронег своего слугу, который был посвящен во все личные дела своего хозяина. – У меня будет к тебе поручение...Тебе нужно сходить к одному человеку...

В честь прибывших гостей было устроено пиршество. По сравнению с торжествами, проходящими в Новгороде, праздник в Ладоге казался скромным. И все же он удался. Молодой князь приложил все усилия, дабы блеснуть гостеприимством. Он приказал выставить на столы не только мед местного изготовления, но и дорогое виноградное вино, привезенное из Византии. Простая, но аппетитная пища вызывала интерес гостей, поскольку они пробыли в пути много дней и питались это время кое-как. В пировании принимало участие значительное количество народу. Тут было ополчение Миронег, проводимые Дивы и часть дружины Рёрика, оставшаяся еще год назад в Ладоге.

– Еще не так давно Ладога не уступала Хедебю, Бирке и Волину! – нахваливал Мирко родной город. – Защищаемая крепостью, построенной еще князем Любшей, Ладога была неприступна много лет!

– Трудно поверить...– отозвался Прохор, настроенный недоверчиво. – Крепость находится на другом берегу, кажется...

– Наш город раскинулся по обеим сторонам реки. Самый сильный удар приняла на себя крепость...Там все сожгли. Тяжело среди руин. Мы ушли сюда...– пояснил Миронег.

– Двадцать лет назад здесь гремел известный торг! – продолжал свой рассказ Мирко. – Наши пристани и доки были заполнены кораблями, как стручок горошинами! И все-таки ладожане не торговцы, они привыкли к труду. Наши ремесленники были ведомы повсеместно! Особенно стеклоделы! Таких искусников мало где можно было сыскать!

– А наши косторезы? Вспомни Козу, какие редкие вещицы он мастерил! Я и у заморских умельцев не видывал подобного...– поддержал кто-то из гостей.

– Но истая наша гордость – это судостроители...– продолжал Мирко. – Что бы ни случилось с Ладогой, сколько раз бы ее ни сжигали – первым всегда строится док!

– Каждый кулик свое болото хвалит, – шепнул Прохор на ухо Надеже. Эти изначально недружные новгородцы были приневолены к совместному времяпрепровождению и, кажется, стали привыкать друг к другу.

– Будет лодка – будет и все остальное! – поддержал кто-то за столом речь Мирко.

– Кроме пашен...Земледелие в вашем краю, кажется, тяжелый труд...– подметил наблюдательный Гуннар.

– Это так. Почвы бедные. Всюду лес. А рек с их заливными долинами мало. Люди выращивают намного меньше, чем могли бы, потому что нет лугов. В нашем краю, чтобы посадить репу и горох сверх привычного, необходимо сперва вырубить лес, выкорчевать пни, только так можно добыть поляну. Мы высаживаем самое необходимое на лужках близ Волхова... Они наше сокровище. Так что у нас не может быть намного больше жителей, чем уже имеется. Если бы не богатства леса и рек, то наши жители голодали бы.

– Реки – ваше сокровище, – согласился Гуннар. И правда, на столе было много рыбных блюд и еды из водоплавающей птицы.

– Но реки же и наше слабое место. Враг бесшумно и незаметно подкрадывается к стенам города... Мы всегда должны быть готовы к налету... – старый Мирко пережил не одно нападение и знал о чем говорит. – В этом городе нельзя жить, думая о далеком будущем. Тут важен сегодняшний день, потому что завтрашний может не настать.

– Ладога прекрасное, но опасное место... – подтвердил Миронег. – Варяги непрестанно обрушиваются на наш город, сжигают его, но он возрождается из пепла.

– Три года назад на Ладогу вновь напали... – сообщил Мирко, поразив новостью тех, кто не знал об этой стороне жизни ладожан. – Более всего жаль бронзолитейную мастерскую... Мастер уцелел. Но ушел из города вместе с семьей.

– Как и многие другие, – подытожил Миронег. Такие разговоры огорчали его: он видел, что люди покидают город, но ничего не мог с этим поделать. Не в его это было власти и силе. Он старался править мудро, но что-то не сложилось с самого начала, словно ужасный рок преследовал его.

– Ладогу могли бы спасти крепкие стены... – предположил кто-то из пиршественников.

– Возможно, общими усилиями мы сможем отстроить их... – согласился старый боярин Мирко. Только он не указал, чьи это будут усилия.

Обычно Дива была любознательна и слушала подобные рассказы с интересом. Но только не сегодня. Сегодня ее голову занимали думы, касающиеся ее самой. И на сей раз ей было не до чужих невзгод. В какой-то момент она устала от пиршества, на котором присутствовала лишь из приличия: ее пригласили вместе с сестрами Миронег, которые сидели возле нее и иногда перешептывались между собой.

– Благодарю за гостеприимство... Восхитительный пир... – Дива поднялась из-за стола. – Но, боюсь, мне требуется отдых...

– Для Ладоги большая честь приветствовать жену князя Рюрика на своей земле, – обходительно ответил Миронег.

Дива побрела в свою избу. Гриди остались на пиру. Проводить княгиню отправились только Прохор и Надежа, вынужденные сопутствовать друг другу.

– Я не наелся, – посетовал Надежа по дороге. – Зачем она так быстро ушла?..

– Ты в путь отправился живот набивать или жену твоего князя охранять? – отозвался Прохор.

В передней на широких лавках, выступающих местом для отдыха и сна, расположились Прохор, Надежа и Перята. Последний гридь не был на пиру – он с утра чувствовал недомогание. Единственное, что принимал его измученный желудок, была вода. Ею Перята и питался весь день, отказавшись от праздничных яств во имя будущего исцеления. Ведь если хворь не пройдет до плавания, то страшно вообразить, что ждет Перяту на корабле. Надежа достал из-под лавки игральную доску. Это было единственное занятие, которое позволяло переносить подобные вечера – то есть вечера, в которые гриди служили неотступными стражами княгини.

Но поиграть не удалось. На крылечко вбежала маленькая девочка. Ее косички разлетались в стороны при каждом ее подскоке и подпрыге.

– Тебя вызывают! – тон маленькой посланницы не терпел возражений, а ее перст указывал на Прохора.

– Куда это? – удивился гридь.

– В избу! – ответила девочка с деловым видом.

– Я никуда не пойду, – Прохор не собирался оставлять пост.

– Тебя тогда! – малютка указала на Перяту. Чем она руководствовалась – было неясно.

– А зачем? – недоумевал гридь, поднимаясь с лавки, на которой только расположился.

– Да какая разница! – зевнул Надежа. – Хоть пройдешься. А то в избе весь день пухнешь.

– Куда идти-то? – недоумевал Перята, одергивая рубаху, прилипшую к телу.

– Я покажу! – ответила девчушка-гонец и прыгнула с верхней ступеньки крыльца сразу на землю.

– Скоро вернусь... – пообещал Перята землякам.

А Дива тем временем зашла во внутренние покои избы. Облокотилась о косяк, уперев лоб в ладонь. Неприютное чувство чужого дома. Как бы ее ни встречали, какими бы блюдами и почтительными речами ни угощали – ничто не дает ей забвения. Мысли съедают ее изнутри, как муравьи гусеницу.

Горели свечи, но в горенке никого не было – вероятно, юная служанка куда-то убежала.

Дива сбросила с плеч шерстяную свитку, потерла шею, которая отчего-то болела весь день. Наверное, так сказываются тяготы путешествия – ничего подобного она и представить себе не могла, когда жила в Новгороде. Оказалось, что дорога – сущая пытка для женщины. Наказание ей измыслили на славу: хуже засовывания в реку, хуже *ordalium* и прочих предложенных истязательств. Хорошо, хоть сейчас несколько дней она в избе живет. Но что будет дальше, в море? Впереди дорога еще более трудная и долгая.

Стащив с головы кичку, Дива пошла в спальню – она хотела поскорее лечь в постель и забыться сном. Шагнув в комнату, затворив за собой дверь, Дива на миг опешила. Перед ней стоял человек. Прямо в ее покоях, в которых никому нельзя находиться, кроме нее и служанки!

Наученная горьким опытом, Дива тут же распахнула уста, собираясь завизжать во весь окрест – охрана совсем рядом, в сенях, они услышат ее крик и прибегут на помощь!

Но Дива не успела и пикнуть: разгадав ее намерения, мужчина тут же зажал ее рот ладонью, дабы она не возвала к своим оберегателям. Ведь единственное, что она могла – это кричать. Повергнутая в смятение Дива постаралась оттолкнуть от себя незнакомца. Но он быстро развернул ее спиной к себе, прижав к своей груди. Он держал ее слишком крепко, не позволяя ей выкрутиться, впрочем не делая больно при этом.

– Тихо, тихо, – едва шевеля губами, прошептал незнакомец Диве на ухо. – Не кричи... Ты разве не узнаешь меня?

Дива замерла и сосредоточилась. Она теперь не видела его лица, но в ее глазах еще стоял его образ. Сначала ей казалось, что она никогда прежде не знала этого человека, и он, точно, чужой ей. Но вдруг в ее памяти что-то щелкнуло, она вспомнила его! Выдохнула с облегчением и перестала брыкаться. И он тут же отпустил ее. Развернувшись, Дива еще раз оглядела его, желая удостовериться в том, что не ошиблась.

– О боги, Орислав... – Дива узнала двоюродного брата, которого видела еще очень давно, когда была маленькой девочкой. – Что ты тут делаешь? Как ты очутился в Ладогe?

– Отец хочет забрать тебя в Ростов, – шепотом продолжал Орислав. – Отправил меня для того, чтобы я помог тебе бежать...

– Зачем? – недоумевала Дива, которая никак не могла отдышаться после обрушившегося на нее братца.

– Как это «зачем»?! Тебя изгнали на край света. Из твоего гнезда, из твоего города. Я помогу тебе. Но нельзя терять времени. Погугорим по дороге...– Орислав взял Диву за руку, собираясь подойти к окну, через которое, очевидно, сам пробрался в дом.

– Нет, обожди...– Дива забрала свою руку из ладони брата.

– Не страшись, я все устрою. Нас не застигнут, если не будешь шуметь, – пообещал братец. – Мне токмо нужно знать, что ты в согласии со мной...

– Я не согласна, – вдруг ответила Дива.

– Как это? Почему?! – Орислав уставил на Диву недоуменные вежды. – Почему ты не даешь помочь тебе?!

– Потому что мне уже не нужна помощь. Вот если б меня собирались казнить...А так... Меня всего лишь выслали на какое-то время из города, где меня все ненавидят...Так будет лучше для меня же...А со временем, может, он заберет меня обратно...– Дива действительно надеялась на это. И тут же в голову ей пришла мысль, что и Любава уповала на подобное когда-то.

– Ты на что себя обрекаешь? – поразился Орислав, который ожидал от сестры совсем противоположного. – Он не воротит тебя в Новгород! Ты до последнего дня своего безутешного жития будешь одна! Одна! У тебя не будет ни мужа, ни детей. Тебе не разрешено ни то, ни другое! Ты станешь чахнуть в ожидании того, что никогда не произойдет...– зашипел Орислав. А Дива на его словах совсем сникла. – Ты пойдешь со мной. Мы вырвем тебя из лап злодея. Он больше не будет тебе мужем. Мы найдем тебе более достойного супруга!

Дива слушала брата, и его слова о грядущем пугали ее. Но еще больше ее пугали перемены. Пойти сейчас, куда-то...Когда все уже решено. А вдруг она еще будет счастлива, вдруг Нег вернет ее?..

– Мою жизнь не прожить заново. И то, что есть, не поменять. Но я для себя другой участи и не желаю...– вымолвила Дива, обдумав тщательно каждое слово. – Мне не нужно то, что ты предлагаешь.

– Это достойно похвалы, что ты столь верная и честная жена. Но не клади себя на алтарь, которому не нужна твоя жертва...– предупредил Орислав. – Иначе в конце пути ты поймешь, что все дни твои прошли бессмысленно, – Орислав взял в ладони лицо Дивы и оглядел ее серьезно. – Ты не нужна своему варягу. Он уже получил, что хотел. Но когда ты усвоишь это – будет слишком поздно.

– Ты не постигаешь...– Дива и сама едва понимала себя. Она так часто ошибалась и поступала опрометчиво, что уже не могла доверять советам своего разума. Единственное, к чему оставалось прислушиваться – это к сердцу. И оно подсказывало ей, что не должна она теперь идти в Ростов к дяде, на сторону которого ее стараются привлечь уже не в первый раз. Сначала приезжал хитрый посол, теперь настойчивый братец. – Для меня нет подвига в том, чтоб быть верной и честной. Для меня это не жертва. И мне это легко. Понеже мои глаза не видят других мужчин.

Воцарилась пауза. Ошеломленный Орислав обдумывал услышанное. Он и в мыслях не допускал того, что у Дивы может иметься какая-то симпатия к агрессору, оставившему ее сиротой.

– Да твои глаза, похоже, уже вообще перестали различать что-либо! – прошипел Орислав, теряя терпение.

– Может и так. Ведь они застланы слезами...

– О боги, – Орислав потер лоб. Он уже понял, что внезапным натиском Диву не взять. – Послушай, я не виню тебя. Ты слабая женщина, которая не может выстоять против варвара. И тебе кажется, что твои почтение и покорность спасут тебя. Ты пытаешься убедить себя в том, что если будешь послушной, то он не станет тебя терзать...– Орислав пытался мысленно поставить себя на ее место, но едва ли мог это сделать. – Но ты заблуждаешься. Все вокруг,

мужчины и женщины, понимают только язык силы. И он поймет, когда узнает, что ты сбежала! Таким образом ты дашь ему отпор раз и навсегда. Варяг усвоит, что он тебе не хозяин!

– Ты меня не слушаешь, Орислав... – Дива чувствовала только одно – она очень сильно хочет к Рёрику, и он дорог ей таким, какой он есть. Даже если он не заслуживает ее любви и преданности – она все равно любит его. И это чувство внутри нее, независимо от него, ведь он даже не знает об этом.

– Нет, это ты не слушаешь, – Орислав встряхнул Диву за плечи. – Уразумей в конце концов: когда тебя посадят в ладью, тебе уже никто не поможет! Утонуть в море или достигнуть берегов Фризии – будет одинаково. Оттуда я не вызволю тебя. Ты увянешь там, как сорванный и верженный цветок. Не губи себя. И не будь гаванью для корабля, который не появляется в порту. Отвяжись от него, он тебе не муж! – настаивал Орислав.

Дива присела на лавочку и на ее глазах навернулись слезы. Не было еще ни дня, чтоб она не плакала с тех пор, как покинула Новгород. И сейчас ей было страшно оттого, что слова брата окажутся правдой.

– Не надо плакать. Мы все исправим, – Орислав говорил решительно и строго, как раз так, как требовалось, чтобы привести в чувство и вселить уверенность в отчаявшуюся душу. – Мы разведем ваши пути в стороны, отвяжем тебя от него! Все будет так, как мы хотим!

– Я благодарю тебя за заботу. Но я не смогу отвязаться от него, потому что нас связывает неразрывное... – вздохнула Дива.

– Это что, интересно знать?!

– Дочка... – вздохнула Дива. – И я никогда не увижу ее, если пойду с тобой.

– Да что за глупости... – Орислав уже еле сдерживался, чтоб не взять ее за шиворот и не увести отсюда силой. Они не виделись много лет, но разговаривали так, словно последняя их встреча была вчера. Они родственники, их неразрывные узы не слабеют со временем.

– Это не глупости, Орислав. Она – вся моя жизнь, – Дива вспомнила о ребенке, и ей стало невыразимо печально, невыносимо горько. – Ты не понимаешь меня, потому что у тебя может быть много детей. А у меня она одна. Других, вероятно, и не будет.

– Хорошо. Послушай меня... Слушай, – Орислав взял Диву за руку. – Я тебе обещаю... Я даю тебе слово, что твоя дочка будет с тобой. Мы выкрадем ее. Она вернется под твоё крыло. Но для этого ты должна пойти со мной.

– Ты рвешь мое сердце... Мы не выкрадем ее... Она не просто ребенок. Она дитя князя. Она совсем маленькая, но охраняют ее усердно. И не только няньки...

– Тогда мы возьмем дружину моего отца... – прошептал Орислав, и его очи сверкнули мстительным огнем. – И ты вернешься в Новгород. Но уже не покорной страстотерпицей, а хозяйкой. И не в слезах, а с мечом. Мы отобьем город, который издревле принадлежит нашему роду. Я женюсь на тебе. И мы будем править вместе. Твоя судьба переменится, ты никогда больше не будешь плакать и зависеть от чужака.

– Ничего не поменяется, Орислав, – усмехнулась Дива. Ее не удивило предложение Орислава. Не являясь близкими родственниками, они могли вступить в брачный союз. Волхвы учили, что в случае тесного родства потомство может оказаться нездоровым, а посему не женятся лишь на тех, «с кем вместе едят». Так что Орислав годится для союза. Но даже ей, простодушной и расстроенной Диве, понятно, что его предложение – новая западня. Оказавшись в руках Орислава, плакать она не перестанет. Ибо уже сразу ясно, что и он вознамерился жениться на ней лишь из-за видов на престол Новгорода. Кажется, на свете не родилось человека, который бы женился на ней просто так, ха-ха. А ведь нет, был такой. Пересвет. Он самоотверженно любил ее целомудренной и преданной любовью. Почему же она никогда бы не смогла полюбить его в ответ, даже если бы он остался жив? Почему ее сердце прикипело к тому, который, кажется, более всех любит себя самого... – Между вами не так уж много различий...

– Не сравнивай меня и этого дикаря! – яростно повелел Орислав, погрозив взглядом. – Я твой брат. И я никогда не обижу тебя.

– Ну это так только сейчас кажется... – покачала головой Дива, окончательно убедившись в том, что перед ней такой же деспот, как и ее собственный муж. Этот, пожалуй, и вовсе при-
бьет. Да, отчего-то ей именно так чувствуется, что он гораздо злее, чем ее Нег.

– Посмотри на себя, неужели ты не видишь, что ты нездорова? – Орислав не так уж заблуждался. – Твой взор потух. Твое лицо ничто не выражает. Ты даже не улыбалась шуткам на пиру. Ты не слышала ничего вокруг себя. Ты в глубокой тоске, которая изведет тебя. Ты умрешь от горя, если немедленно не сойдешь с пути, по которому ступаешь. Тебе нужно захотеть исцелиться и жить радостной жизнью. Ты должна желать этого, жаждать быть счастливой и любимой. И я все это могу тебе дать. Только пойдем со мной. Я буду рядом. И стану для тебя всем, в чем ты нуждаешься.

– Я никуда не могу пойти, не могу свернуть в сторону, Орислав, как же ты не разумеешь? – Дива никак не могла понять, почему он до сих пор продолжает настаивать на своем, ведь она уже все объяснила ему.

– Это из-за него? – Орислав истинно не постигал необъяснимых чувств Дивы. Прав был посол – она непредсказуема и непонятна.

– Да! – гаркнула Дива на всю избу, позабыв обо всяких предосторожностях.

– Это потому, что у тебя не было других мужчин прежде, – невозмутимо объяснил Орислав. – Кстати говоря, я вспомнил: когда ты была маленькая, то хотела выйти замуж за меня. Помнишь? Ты говорила об этом нашим батюшкам и требовала свадьбу, подарок жениха и корону с жемчугом, – усмехнулся Орислав, вспоминая детство Дивы и то, как гостил в Новгороде когда-то.

– Пряслю Макоши, Орислав, да сколько мне тогда было?! – усмехнулась Дива.

– Не помню, – Орислав, и правда, будучи еще юношей, не обращал внимания на маленькую Диву. – Но зато теперь твое желание может исполниться, – Орислав вдруг обнял Диву, но уже не совсем по-братски. Он был из тех людей, для которых в стремлении к цели не существует значимых помех, особенно таких, как изменчивые принципы. Он никогда не зарекался, ведь всегда допускал возможность любого события. – Ты не представляешь себе, как отратно нам будем вместе. Он для тебя чужой навсегда. А я – твой родной. Мы с тобой сделаем то, о чем остальные могут только шушукаться. Мы заберем Новгород из чужих рук, – ладонь Орислава прошла по плечу Дивы, мягко скользнула по ее шее. – У нас есть все для успеха. Ты должна довериться мне. Посмотри, какая ты красавица. Не понимаю, как Гостомысл посмел отдать тебя в Изборск. Ты и варягу не должна принадлежать, такая стать должна оставаться в нашем роду, – прошептал Орислав, коснувшись губами шеи Дивы.

– Ты что! – ошарашенная Дива отпихнула от себя брата. Она стала догадываться, что он готов на все, чтобы сманить ее на свою сторону. – Прекрати, ты меня пугаешь!

Дива хотела еще что-то сказать, но тут различила шум в сенях. И ужаснулась. Неужели кто-то слышал их с Ориславом голоса и всю эту возню?! А может, кто-то видел, как он входил сюда?! И теперь за ней пришли?!

Кровь отхлынула от лица Дивы. Она даже пошатнулась. Ей нельзя оставаться наедине с мужчиной, особенно незнакомым, особенно в своей спальне. На что это будет похоже?! Да она не успеет и слова молвить в свое оправдание!

– Княгиня... Дива! – раздались голоса. Заскрипела дверь в сенях, послышался топот шагов. Кто-то зашел в горенку.

– Что ты наделал... – прошептала Дива, глядя на Орислава. Она только сейчас поняла, что нельзя было им говорить тут. Надо было найти какое-то иное место, менее опасное. Конюшни или пристань подошли бы больше, в любом случае Орислава никто не знает, никто бы не раскрыл в нем княжича. – О, Перун, что делать!

– Иди к ним, не пускай их сюда... – Орислав подтолкнул Диву к двери.

– Они видели тебя... – испугалась Дива.

– Нет, никто меня не видел, иди, – Орислав юркнул за дверь, уложив руку на эфес кинжала, спрятанного под полой накидки. Несмотря на свои последние слова, он допускал, что кто-то мог заметить его, тайком пробирающегося в избу Дивы через окошко со стороны леса.

Дива растворила дверь и вышла из спальни, едва передвигая ноги. Она даже перестала дышать, когда увидела Миронегу, стоящего на пороге. Рядом с ним было еще несколько человек, в том числе служанка Дивы и Надежа. Они ждали ее, это было видно по их лицам.

– Я ничего не... – начала Дива заплетающимся от ужаса языком.

– Княгиня, прошу прощения за вторжение... – вежливо извинился Миронег. – Мы собираемся отправиться на вечернюю прогулку вдоль реки и полюбоваться лебедями. Если окажется удобно выйти с нами, то мы будем рады сопроводить...

– Про... Про... Прогулку? – заикаясь, начала перепуганная Дива.

– После обильных возлияний и чревоугодия всегда следует пройтись перед сном...

– Ах да... – Дива бросила взгляд на дверь спальни, где прятался Орислав. Все верно, она должна уйти на прогулку, забрать с собой служанку и охрану, тогда брат сможет выйти незамеченным из ее покоев.

– Если княгине нужно собраться...

– Я вполне готова... – наспех накинув на голову платок, а на плечи – свитку, Дива почти выбежала из своего терема. Вот она, истинная ее натура. Она не хочет сражаться. Она хочет убегать. Но ее постоянно принуждают к какому-то бою.

Весенняя река была полноводной и широкой. По ее глади скользили белоснежные фигурки, исполненные невероятной грации. Помимо Миронегу, Дивы, их охраны и слуг, прогуляться вышли и младшие сестры ладожского князя. Они были одного возраста с Дивой, но выглядели гораздо беззаботнее. Они чирикали, словно воробушки, перебивая друг друга.

– На лебедей можно любоваться бесконечно... Это самые красивые птицы на свете... – задумчиво произнес Миронег.

– Эти птицы невероятно красивы, но они настолько же и жестоки... – дополнил речь князя кто-то из охотников. – Гнездящиеся лебеди, словно голодные волки, не жалеют чужих детенышей, убивают всех утят в водоемах... И не останавливаются, пока не забьют клювом последнего утенка.

Дива запнулась о кочку на тропинке. Последние слова будто острием иглы воткнулись в ее сердце. Почему-то на ум пришло, что часто Вольну уподобляли лебедю.

– Сюда! – девчушка указала на дверь избы.

Перята зашел в сени. Там на лавке дремал один из стражников, приставленных охранять Перунику. Тут же на пороге возникла и она сама.

– Ты прибыл из Новгорода, так ведь? – обратилась княжна к Перяте.

– Точно из Новгорода, – подтвердил Перята.

– Ты живешь на княжеском дворе? Князя Рюрика видишь?

– Часто охраняю его, – похвастался Перята.

– В таком случае ты все знаешь о нем... – Перуника возбужденно теребила в руках тесемку от воротника. После слов брата о Рёрике она не находила себе места. – Это правда, что у князя Рюрика новая жена?

– Новая? – не понял Перята.

– Очень красивая, говорят... – расстроенная Перуника никак не могла унять волнение.

– Ах да, Вольна... – подтвердил Перята.

– Что «ах да»? – Перуника вперила вопросительный взгляд в гридь.

– Да, очень красивая... По двору идет, словно лебедушка плывет... Так многие ее с лебедем и сравнивают, – расписывал Перята.

– Расскажи, какая она... – Перуника хотела сначала прогнать Перяту за его отвратительные сказы, но потом любопытство взяло верх.

Был поздний вечер. Звезды и луна, отражаясь в речной глади, освещали прогульщикам путь. В густых сумерках слышались пения дроздов и зарянок, заглушаемые смехом и болтовней сестер Миронег.

– Это правда, что Новгород такой большой, и его не обойти пешком за день? – интересовалась одна из сестер Миронег у Дивы.

– Да, большой, – Дива не пыталась близко сдружиться с сестрами князя Ладоги. Она лишь отвечала на их вопросы. А они щебетали, как весенние малиновки, громко и заливисто любопытствуя о далеком граде.

– А правда, что там княжеские терема строят невероятной красоты? Будто таких высоких и просторных еще свет не видывал!

– Да, строят... – в голове Дивы проскользнула неуместная мысль о том, что теперь все терема останутся Вольне. Разумеется, ей самой, опальной княгине, сейчас должно быть не до теремов. Но ведь не только терема отойдут сопернице, но и сам князь. И весь город! Об этом нельзя не думать...

Глаза Дивы заметили вдаль на горизонте яркий всполох. То блеснула в ночном небе дальняя зарница. Молнии и грома пока не было слышно. Но, кажется, грозная непогода уже подступает к Ладоге.

Миронег тоже поддерживал беседу, но только с мужчинами.

– Что это за холмы там вдалеке? – поинтересовался Надежа.

– Это не холмы... Это могилы... – ответил Миронег, отвернувшись от поросших травой курганов. В Ладоге многие простились с жизнью раньше срока.

В этот момент к Миронегу приблизился слуга. Изначально верный прислужник не отправился на прогулку со своим князем и гостями. Видимо, сейчас он решил изменить это и присоединиться к своему господину. Шепнув что-то на ухо молодому правителю, слуга пошел чуть поодаль ото всех.

– Пора возвращаться, – вдруг скомандовал Миронег.

– Мы отошли совсем недалеко, – начал протестовать кто-то, увлекшийся созерцанием гордых и печальных просторов Ладоги.

– На сегодня достаточно... – отрезал Миронег. – Перун катит... – князь бросил взгляд вдаль, где вспыхивали зарницы. Разгневанный громовержец метал молнии в отдалении.

Вернувшись на дворы, прогульщики уже собирались расходиться.

– Надеюсь, княгиня осталась довольна созерцанием окрестностей... – вежливо попыток жил Миронег вечерние гуляния.

– Ладога поистине прекрасна... Благодарю за прогулку... – Дива уже хотела поскорее удалиться в выделенные для нее покои.

Но тут вдруг собравшихся привлек шум, доносящийся из крайней избы.

– Что такое? – картинно удивился Миронег, глядя на домик сестры. – Что там происходит? Разве я не приказал Перунике сидеть в ее горнице?

– А вот, кажется, и страж... – Мирко указал на одного из дружинников Миронег, приставленного охранять Перунику. Страж лишь шел к избе княжны.

– В чем дело? Как ты посмел отлучиться? – грозно обратился Миронег к бжежатоу.

– Я невиноват, – страж пожал плечами. – Служанка княжны Перуники сказала, что меня призывает князь... Я поспешил на зов. Однако не застал тебя, княже... – объяснил стражник Миронегу.

– Так... Что она задумала?.. – выронил будто бы невзначай Миронег. При этом многие смолкли. – Ступай, Простак. В следующий раз не спущу, если пост свой покинешь...

– Я, пожалуй, пойду к себе... – Дива не хотела знать ничего, что касается соперницы. Эта женщина была ей слишком неприятна.

– Пусть княгиня задержится ненадолго, – Миронег оглядел Диву с непроницаемым лицом.

Дива хотела что-то ответить, но Миронег уже был на крыльце. В следующее мгновение он распахнул дверь в избу сестры, и на улицу вырвались вопли и детский плач. Миронег прошел в сени, открыв обзор тем, кто находился на улице. В избе, помимо княжны, было еще двое мужчин. Один из них никак не мог выйти – это был Перята. Дорогу новгородцу преграждал другой мужчина – высокий детина, стоящий в дверном проеме.

– Я не оставлю своего сына в этом вертепе, который ты тут устроила! – гремел голос детины.

– Это Стожар! – сообщил Мирко собравшимся на случай, если они не знают. Прогульщики переглянулись между собой недоуменно.

– Ходят слухи, что у них с Перуникой... – начал чей-то голос и смолк.

Нахмурившись, Дива обернулась, пытаясь узнать, кому принадлежали последние слова. Но не смогла обнаружить в толпе хозяина голоса, знающего больше, чем присутствующие. Так что там у Стожара с Перуникой?!

– Это не твой ребенок! Я не отдам его тебе! – кричала Перуника.

– Это мой ребенок. Он будет отныне со мной. А ты можешь и дальше таскать к себе в горницу кого ни попадя... Лучше с мачехой, чем с такой матерью, как ты! – Стожар вышел из горницы, держа на руках заливающегося плачем ребенка Перуники. Последняя кинулась за сыном, но была оттеснена обратно. Она вопила и требовала вернуть ей малыша, но никто не обращал внимания на ее крики.

– Стожар, в чем дело?! – притворно строго спросил Миронег у выходящего подданного, которого сам же сюда и поместил.

– Я пришел за своим сыном, князь! – начал Стожар возмущенно.

– А вместо этого нашел мою сестру и какого-то мужика, закрывшихся в горнице? – Миронег взялся пояснить окружающим, что произошло. – А ты кто такой?! – закричал Миронег на Перяту, не давая больше слова Стожару.

– Да я... Меня позвали, я и пришел... – начал Перята, и тут же был перебит возмущенным Миронегом и гудящей толпой.

– Перуника! Сколько еще ты будешь позорить меня! – заорал Миронег. – Я запретил тебе являться на пиршество. И вот чем ты заняла себя!

– Он тоже поэтому не пошел на пир, наврав, что у него брюхо крутит?! – вспомнил кто-то из гридей о хвори Перяты.

– Вот как вы все выдумали! – «горячился» Миронег. Один раз он даже чуть не рассмеялся. Он тщательно продумал все, но занедуживший живот Перяты запланирован не был. Однако как кстати получилось. – Ты за этим моего стража отправила вон?! Да как ты посмела, гульня! Ты срамишь наш род!

– Это все не так! Мы ничего не делали! – в смятении оправдывалась Перуника, видя, что со стороны все выглядит крайне нелицеприятно. Она пока не понимала, что угодила в ловушку. А также недоумевала, почему Миронег орет на всю улицу: ведь раньше он всегда защищал честь их семьи, даже запрещая сестрам некоторые наряды, которые казались ему нескромными. – Это все совпало... Я всего лишь хотела узнать у него о... Да ты же сам... –

Перуника хотела сказать, что именно Миронег посоветовал ей поговорить с одним из прибывших и выспросить все новости о Рёрике. При этом брат не разрешил ей выходить из дому. Получается, он сам подтолкнул ее к тому, что произошло?

– Замолчи, негодная! – Миронег отвесил Перунике оплеуху, а после толкнул ее обратно в избу, дверь в которую быстро захлопнулась.

Перуника упала на пол, утирая с лица кровь, которая потекла из ее носа после того, как брат ударил ее. Перуника прижала ладонь к лицу и оглядела свою побагровевшую руку. Никогда прежде Миронег не бил ее столь сильно. И это его действие вдруг в один миг отрезвило ее. Непросто так он переменялся, не просто так он кричал на весь двор о том, что раньше тщательно скрывал. Все не просто так. Всему есть причина. Он больше не любит ее, как тогда, когда она была маленькой девочкой. И он теперь не боится ее, как боялся всего пару дней назад, когда она грозила ему своим ребенком, обещающим занять престол Ладogi.

– Рёрик скоро придет и... – простонала Перуника.

– Придет. И найдет здесь шлюху, о которой будут все судачить... – дополнил речь сестры Миронег. Он не был подлым и хитрым. И не смог бы измыслить всего этого чудовищного действия, если б его наставник Мирко не подтолкнул его к этому. И все-таки Миронег, будучи своевольным, не послушал старика. Он не стал убивать сестры, ставшей ему опасным врагом. И не стал устраивать все так, чтобы виноватой оказалась его несостоявшаяся невеста. Плачущая Дива, которая даже если и виновата в чем-то, то уже сполна ответила за все, оказавшись изгнанной. Не хватает только оклеветать ее, обвинив в тяжком преступлении.

– Я расскажу ему, как ты отнял нашего ребенка, – Перуника понимала, что своими словами всегда делает себе только хуже. Но ее громадное самомнение и длинный язык орудовали отдельно от ее воли.

– Это не я отнял *твоего* отпрыска, – поправил Миронег. – Отец. Стожар. И он захотел забрать сына от такой матери, как ты. Это все видели.

Воцарилась тишина. Перуника обдумывала последнее изречение брата. И когда его смысл дошел до ее воспаленного мозга, она залилась слезами.

– Прости меня, верни моего ребенка, – привыкшая к безнаказанности Перуника не была готова нести ответственности за свои поступки, не говоря уже о словах. Ее мелодичный голос исковеркался рыданиями. Ее рев был слышен не только на дворе, но и, кажется, на той стороне Волхова, где покоилась крепость князя Любши. – Я буду молчать... Я ничего никому не скажу... – Перуника повисла на руке Миронег, осознавая, что он единственный, кто может ей помочь. – Прости, помоги, умоляю... Я больше не буду... Я... Я...

– Пошла прочь... – Миронег стряхнул с себя обезумевшую Перунику. Он никогда прежде не полагал себя жестоким. Но почему же тогда сейчас ему не жаль ее...

Дива стояла на улице, безмолвно раскрыв рот. Она помнила тот вечер, когда впервые увидела Перунику, как та унизила ее, причинила ей боль, поиздевалась вволю. И вот теперь все то же самое княжна Ладogi испытала на себе. Но только в гораздо большей степени. Возможно, получив непоправимый урон. Громкий голос Мирко, наставника Миронег, вывел Диву из оцепенения, в которое она впала, незаметно для самой себя.

– К нашему прискорбию, Перуника всегда была такой... Ни одно лето не обходится без подобных сюжетов... – с осуждением подвел итог Мирко.

Глава 5. Прозревающая

Птичьими трелями и журчаньем ручейков пела в Новгороде весна. Некоторые дни были теплыми и ясными, другие – дождливыми и прохладными. Но все они оказывались одинаково насыщенными для жителей, загруженных срочными весенними работами. Женщины откладывали рукоделие, мужчины оставляли плетение лаптей, все уходило в поля, огороды и скотные дворы. Старики собирали березовый сок. Ребятишки тоже помогали. Старшие девочки следили за младшими детьми. А мальчишки отправлялись на лодках в плаванье по речкам и озерам – добывать яйца диких уток и гусей. Ценные находки аккуратно укладывались в корзины с сеном. Из найденных яиц вылупятся птицы, которые будут жить на подворье и кормить людей.

Но не все были заняты тяжким трудом на полях и скотных дворах.

– Арви, сколько еще ты будешь тянуть время? – отчитывала помощница Умилы тиуна, затворившись с ним в гриднице. Посторонних тут не было, и приспешники Умилы могли говорить, не таясь. – Сейчас самый подходящий момент – Рёрика нет, и мы можем хоть вновь запихнуть Вольну в реку! А лучше прикажи Агату свернуть ее лебяжью шейку! – Гудрун не отличалась хитростью лисицы, зато была готова к немедленным мерам: решительности в ней имелось предостаточно. Потому памятозлюбная Умила и отправила ее в Новгород.

– Во-первых, прекрати разговаривать со мной, как со слугой, – сквозь зубы ответил Арви, негодуя, что над ним оказался человек, гораздо более глупый и в целом ничтожный. Кажется, он сам, прославленный тиун, жаждал власти не столько для того, чтоб командовать другими, сколько для того, чтоб не быть безвольной куклой в руках всяких недоумков. – А во-вторых, напряги разум и постигни: так просто свернуть Вольне выю нельзя – она не простой какой-то человек. Нужен продуманный замысел. Что-то более тонкое, чем обычное убийство. Необязательно лишать ее жизни, достаточно отнять ее силу.

– Пусть отравится и умрет! – стояла на своем служанка Умилы, так и не уразумевающая простых истин, которые до нее пытался донести Арви.

– Так нельзя... О боги, какая же ты тупорылая... – раздраженно выдохнул Арви.

– Да ты на себя посмотри, спесивец хвастливый! – задетая за живое Гудрун уже приготовилась вопить во все горло – любые примечания, касающиеся ее мыслительных способностей, были для нее болезненны. Она знала, что не очень красива, но зато полагала себя умной.

И тут вдруг раздался стук, в гридницу заглянул брежатый.

– Вольна пришла. Жаждет иметь разговор... – доложил страж.

Арви и Гудрун переглянулись. А в сенях уже слышались уверенные шаги.

– За поставец, в угол! – цыкнул Арви, указывая Гудрун, где она может укрыться.

Служанка Умилы подхватила подол и юркнула в затененный угол. И в этот же миг дверь гридницы вновь отворилась, порог переступила изящная стопа – новые кожаные черевички, расшитые жемчужинами, сияли на ногах Вольны.

– Арви, я желаю устроить небольшой праздник... Жен всех значимых людей приглашу на званый обед в пиршественные избы... – Вольна решила взять пример с Дивы, которая как-то раз устраивала нечто подобное. Правда, Дива делала это для того, чтобы иметь обо всех представление и быть лично знакомой. А Вольна полагала явить себя и свою мощь тем женщинам, которые прежде ходили к ее врагине. Пусть знают, кто теперь новая хозяйка Новгорода! – Твоя задача – все обделать должным образом...

– Перво-наперво, поздороваемся... Доброго дня! – Арви подметил, как быстро нагледла Вольна. Если раньше они приятельствовали, то теперь она говорила с ним высокомерно, как с бесправной челядью.

– И тебе того же, – надменно изрекла Вольна.

– Прошу на эту скамью...– Арви поторопился усадить Вольну, дабы она ненароком не наткнулась на затаившуюся в тени Гудрун. – Здесь будет удобно...Стало быть, званый обед...

– Да, я хочу, познакомиться со всеми женщинами, чьи мужья влиятельны, – подтвердила Вольна, усаживаясь на скамью и расправляя складки пышного подола, расшитого бусинами. Такой наряд, скорее, праздничный, чем повседневный. Но его хозяйка из тех, кто всегда одет безупречно. – Некоторых, впрочем, я уже знаю...Кстати...Я тут видела намеренно бабу Дира. Она не поздоровалась со мной!

– Не может быть! – нарочито возмущенно отозвался Арви. Он попросту не смог сдержаться: Вольна и сама ворвалась к нему без приветствий, зато к себе требует особого почтения. – Впрочем, я не стал бы заострять внимания на этой оплошности. Ее уважаемый супруг слишком дорог для нашего князя.

– Я еще дороже! – отрезала Вольна. – И я не желаю мириться с непочтительностью. Поговори с этой женщиной или ее мужем. Чтоб больше такого не было! И кстати, эта мерзость Любава также не приветствует меня. Не знаю, насколько ценен Лютвич, но я не стану терпеть пренебрежения.

– Уверен, что вскорости никто не посмеет обделить уважением любимицу князя...– заверил Арви, который ожидал, что речь сейчас пойдет и о Росе, которая избегала всяких встреч с Вольной.

– Я не любимица князя, а его супруга! – упрямо повторила Вольна.

– Но не в глазах Новгорода...– возразил Арви. – Нужен обряд женитьбы, понятный городу и его жителям...

– Ладно, к этому мы вернемся позже...– Вольна не стала спорить. Этот вопрос мучил и ее саму. Она много раз пыталась явить окружающим свое самодовольство и способность быть независимой и гордой, дескать, ей никто не нужен, зато она нужна везде и особенно князю. Хотя совершенно очевидно, что все было наоборот, и она очень боялась потерять Рёрика. – Итак, званый обед. Вначале этого столования я хочу преподнести всем этим бабенкам какие-нибудь подарки...– одним лишь словом Вольна выдала свое истинное отношение к ожидаемым гостям.

– Прекрасная мысль, – не мог не отметить Арви. Сама Вольна не додумалась бы до такого: слишком много в ней себялюбия. Так что, надо думать, подсказала Васса. Последняя дружна со многими женщинами, которые прежде бывали на встречах, устраиваемых Дивой, и где княгиня могла подарить им что-то памятное в знак дружбы и взаимного уважения.

– Я знаю...– тон Вольны сегодня звучал строго. – Тебе нужно позаботиться об этом. Пусть доставят что-нибудь заморское. Но не украшения. А, например, специи или судно для еды...Любую утварь. Также мне понадобится помощь приказчика, домоправительницы и поварих. Пришли их ко мне...– Вольна встала с места, собираясь удалиться. Она могла бы и сама отправиться искать перечисленных слуг – но будут ли они выполнять ее распоряжения в той степени, в которой требуется? Для этого нужно, чтобы их к ней отправил тиун. Уж ему-то они не посмеют отказать. – И вот еще что...– будучи уже в дверях, Вольна придержала край роскошного платья. – Роса пусть тоже приходит на мой праздник...– неожиданно постановила Вольна, даже заставив себя улыбнуться. Впрочем, ее тон не терпел возражений. Она хотела, чтобы сестра Дивы посетила ее праздник и была у нее в подчинении.

Как только дверь за Вольной захлопнулась, из пыльного угла вылезла Гудрун. Арви же пока стоял молча, но выглядел отнюдь не добро. На его лице нарисовался звериный оскал. То, что Вольна залезла уже в личное, в его семью – разозлило тиуна больше всего прочего. Росу он ей не отдаст.

– Если б Умила знала, как Вольна тут верховенствует уже! Да нашу госпожу удар хватил бы немедля! – служанка Умилы вновь ткнула Арви в упущение. – Как ты допустил все это! Теперь еще этот праздник! Почему ты позволяешь Вольне все это?!

– Затем что ее праздник – это наш шанс... – Арви мстительно прищурился. – Она получит свой поганый обед... А мы поможем ей его устроить...

Роса сидела у распахнутого окошка и вышивала. Ветерок теребил ее челку. На коленях княжны лежала рубаха Арви – пальцами пользоваться было нельзя, иначе задуманные узоры не будут обладать охранной силой оберегов. Возле ног Росы на полу лежал котенок и шкодничал: обхватывал лапками ее лодыжку. Ему хотелось играть. Темный хвостик иногда подергивался в охотничьем задоре, а на светлой мордочке озорными бусинками блестели глазки.

За рукоделием время шло медленно. Разные мысли посещали голову княжны. Вот, кажется, все у нее благополучно: добрый муж, теплый дом, живет она на укрепленном княжеском дворе. Нет у нее нужды ни в чем, нет и печалей. Или есть печали? Грустно почему-то. День полон хлопот, а как будто не хватает чего-то. Словно все напрасно. Ребенок нужен. Рождение дитя придаст смысл всему происходящему. Ведь для нее, Росы, нет смысла в самой себе или в муже. У нее есть потребность заботиться о ком-то. Но мало ей заботы лишь об Арви. Недостаточно ей его одного. А будь на месте Арви Трувор – ей бы также не хватало чего-то? Кажется, их с Трувором любовь была столь прекрасна, что ни в ком нужды бы не было, все бы они могли найти друг в друге. Но если так, то почему же она тогда утратилась слов Велемиры о том, что Трувор простой воин, за которым нет будущего... Ее напугала бедность и неустроенность, ее напугало, что однажды красавец-любимый бросит ее, как пророчила Велемира. И Роса выбрала надежного супруга – княжеского тиуна. Может статься, она не любила Трувора столь сильно, ведь, оказалось, что для нее он не важнее всего остального. Наверное, она поступила верно. В любом случае уже ничего не переиначить. Нужно радоваться тому, что есть. А есть главное – постоянство и определенность.

Роса отожгла нить над пламенем свечи и запрятала край. Приходилось избегать узелков и использования лезвия, дабы обережный орнамент не потерял могущества. Колядники даруют силу и удачу, родимичи уберегут от опасностей, всеславцы оделят духовной мощью и оградят от разлада в семье.

Послышался шум шагов на крыльце – тиун прибыл. Он бы мог отобедать в стряпной, как часто делали многие. Но Арви всегда приходил к Росе. Правда, в последнее время в скверном расположении духа.

Роса торопливо макнула руку в стоящую на подоконнике миску с водой и сбрызнула рукоделье, затем подула на узор и в конце встряхнула рубаху. Работа была завершена: оживленные четырем стихиям всевластные символы рассыпались по рукавам и горловине рубахи – с таким доспехом тиуну теперь не страшен любой враг.

Арви переступил порог. Вид у него был не то недовольный, не то задумчивый. Он положил котомку на конник у входа и присел туда же и сам, потеряв высокий лоб, разломленный морщинами.

– Что-то случилось? – забеспокоилась Роса, торопясь к супругу. За ней следом побежал и котенок, на ходу цепляющий коготками вязанное копытце на ее ноге. Ему представлялось, что носок хозяйки – это мышка.

– Сие случилось давно, – кивнул Арви, сбросив с плеч старую епанчу. Тиун мог бы позволить себе заказать у портного новый безрукавный плащ, но зачем, если и этот в идеальном состоянии и прослужит еще долго. Расточительность не нужна в этом доме.

– Ужели опять эта женщина? – Роса поторопилась забрать одежду у мужа из рук и повесить на оленьи рога у двери. Она испытывала к нему привязанность. Никого не осталось у нее, кроме него. Велемиры нет. Диву выслали. Есений снова куда-то запропастился. Про Трувора можно забыть. А тиун все-таки всегда рядом и добр к ней.

– Она... – тиун двинулся к умывальнику. Даже не уточняя имен, Роса и Арви отлично понимали друг друга. – Боюсь, я не смогу отвезти тебя на торжище послезавтра, как обещал... –

Арви наполнил ладони приятной теплой водой, заботливо нагретой Росой, и ополоснул лицо. Он проделал сей простой ритуал несколько раз, после чего ему немного полегчало.

– Что опять она наделала? – Роса протянула Арви рушник вытереть лицо. Край полотна почти доставал до пола, и за него тут же уцепились цепкие лапки – котенок хотел внимания и игры. Но был вынужден веселить себя сам, поскольку никого, соответствующего его возрасту, в избе не было.

– Она заплыла слишком далеко... И теперь не видит берега. Ей кажется, что она многоценная персона. Когда на самом деле она пустое место, – Арви сел за накрытый стол, который уже ожидал его. Роса хотела бы узнать больше и все же не стала приставать с расспросами. Но всем видом показывала, что ей интересно. Завидев, что жена смотрит на него не отрываясь, Арви пояснил, – она уже издергала меня своими распоряжениями. Ей постоянно что-то требуется. В последний раз она нарисовала столь обширный список товаров, которые нужно привезти для нее из Царьграда, что, боюсь, мы разоримся. Кроме этого, поймала где-то зодчих, занимающихся стройкой на Ильмене. Ей возжелалось, чтоб они все переиначили: выстроили ее терем в три раза больше чем тот, что рассчитывался для твоей сестры... Она заказала уйму материй, дабы ее будущие покои были отделаны достойно ее великой особы... Эта пролаза уже и в строительство встряла, требуя больше гульбищ, крылечек и окон... А я должен пособлять ей. Как будто других забот у меня нет, как возиться с этой дурой, – угрюмо произнес тиун.

– Как это так? – онемела Роса. – Да ведь наш князь в отъезде! Кто ей позволил?! – на самом деле Росу возмутило не то, что все действие разворачивается в отсутствие князя, а то, что простолюдинка Вольна старается превзойти Диву – потомка благородных кровей.

– Никто... – усмехнулся Арви. – Не понимаю, как вообще он может любить ее, – для практичного тиуна любовь тоже была частью каких-то расчетов. – А теперь она пожелала устроить празднество – пригласить на него жен дружинников Рёрика и боярынь. Хочет показать свое влияние.

– Какая дерзость! – всегда мирная Роса не могла скрыть возмущения. – Необходимо что-нибудь с этим сделать! Остановить ее как-то! Арви, ради меня! – Роса смотрела на мужа взглядом подстрекателя. – Это невыносимо!

– Да, это все отвратительно, – признался Арви, у которого даже не было аппетита. Он перемешивал в миске кашу с грибами, и было видно, что кушанье не увлекает его. В итоге он совсем отодвинул миску. – Я ведь знал, что так будет. Умила была права: надо избегать столь сильных привязанностей князя. Его влечение – род недуга. Это он наделил свою хабальницу такой огромной властью. И теперь нам ее не заправить. Твоя сестра была все же терпимей.

– Кстати говоря... Я хотела попросить... – начала Роса неуверенно, теребя в руках хвостик косицы. – Я переживаю за Диву. Можно отправить ей письмо от моего имени? Или, если это трудно, хотя бы попросить матушку нашего князя в двух словах рассказать о ней: здорова ли она...

– Я узнаю у Умилы о твоей сестре, – Арви посмотрел на Росу и улыбнулся: какая она все же милая. Такая деликатная и воспитанная. – Не переживай, никто ее не обидит.

– Кроме того, ведь там где-то еще и моя Велемира... Может, и о ней есть какие-либо вести, – Роса снова оглядела Арви с просьбой в глазах. Она понимала, что если про Диву выяснить довольно просто, то со старшей сестрой дело обстоит сложнее. Роса полагала, что Велемира также в Дорестаде, только непонятно, где именно она там остановилась. – Возможно, матушка нашего князя что-то знает и о ней...

– Тогда я должен, уж точно, не «матушке нашего князя» писать, – Арви усмехнулся. Его забавляло, как Роса называла Умилу. – Ведь твоя сестра, несомненно, вовсе не в Дорестаде.

– Как это? А где? – удивилась Роса, сдвинув брови. – Она сказала, что ее отправили в Дорестада по каким-то делам и...

– Да какие могут быть дела у склочной пакостницы в столице великих земель?! – Арви рассмеялся. Как-то так вышло, что они с Росой не обсуждали тему отъезда Велемиры: Арви не было интереса до старшей княжны, а Роса довольствовалась объяснением сестры.

– Но она сказала, что это было решение моего супруга и князя... – Роса оторопела.

– Мое? Нет, мой цветок. Нет. На сей раз я чист. Она сама вызвалась сопровождать золото, очевидно, даже не зная толком, куда отправляется, – Арви вернулся к миске с едой. А Роса присела на лавку рядом с ним.

– Я не понимаю. Что это за загадка? Прошу пояснить, если возможно, – Роса почувствовала дуновение сомнения.

– Ты порой бываешь права, моя елень: определенная загадка тут есть, – согласился Арви. – Ведь вопреки тому, что было объявлено, будто золото едет в Дорестафт, оно отправилось совсем в другую сторону – в Изборск. Так безопаснее. Да и в Изборске никто не должен был знать наперед... Там, как известно, князь поставил верных людей на посты во главе со своим племянником Годфредом, которого, как я намерен рассказывать тебе, убили...

– К чему же вся эта история с золотом? – пропищала Роса, не зная, как подступиться к главному занимавшему ее вопросу.

– Оно понадобилось на расходы, которые повлекло за собой установление нового порядка. Но, как видишь, затруднения все равно возникли, и мы потеряли Годфреда. Так что князь неспроста скоро собрался да выступил в Изборск. Сейчас лишь он один в состоянии все расставить по местам. И да, он всегда таков. Тысячи слухов ходят окрест него, а где истина неясно. Вот и злато, по сплетням, двинулось в Дорестафт. Многие так думали. И твоя сестра в их числе... Так что мы не отправляли ее никуда, особенно во Фризию. Запомни это, моя елень...

– Да, это так, что наш князь самый грозный и могучий владыка... – Роса уже совершенно ясно чувствовала, что упустила нечто важное, нечто такое, что сейчас сокрушит ее. – Но зачем же отправлять в Изборск полдружины? – Росу, естественно, интересовало другое: зачем туда ушел Трувор!

– Знаешь, Рёрику с самого начала думалось, что в Изборске нас еще постигнут беды. И он отправил туда золото под надзором верного человека. Вероятно, тебе известно, моя кудесница, что наш князь и этот наглец Трувор, некогда слывшие друзьями, ныне едва разговаривают...

– Да, это все знают. Хотя причины и сокрыты... – Роса трепетала от волнений, пытаясь не выдаться. И все же каждый раз, когда она слышала имя Трувора, ее сердце начинало биться быстрее. Она знала, что навсегда потеряла его, но также и чувствовала, что они все еще связаны. Она любила его, но была нерешительна и слаба для того, чтоб сражаться за свою любовь. А между тем она чахнет от тоски. Она вроде любит и своего Арви, надежного, преданного. Но ей не хватает в нем того, что есть обычно в молодых мужчинах – задора, плотского влечения в любое время суток, а не лишь по особым дням и согласно какому-то неясному распорядку. Она только сейчас поняла, что, как и ее котенок, ищет в этом доме то, чего тут нет. Котенок повзрослеет, так и не наигравшись. А она состарится, так и не насытившись лишаящей рассудка страстью и пылкими ласками. Если б она сразу вышла замуж за Арви, то есть не зная Трувора, то ей бы и в голову не пришло теперь все это. Но в том-то и беда, что она знает, чего хочет. Но никак не может этого получить от спокойного пожилого мужа.

– Причины, и правда, сокрыты... – продолжал тем временем Арви. – Но в чем бы они ни состояли, видно, Рёрик все же любит старого друга и желает тому добра, поэтому и отправил его в Изборск. Тем самым верный Трувор оказывался надежно пристроен, да и, кроме того, не мозоля глаза нашему повелителю. При деле, нести службу на благо нашего кормильца. Думаю, Рёрик с самого начала не собирался возвращать Трувора в Новгород. Кстати, теперь, ввиду последних событий, наместником в Изборске будет назначен как раз Трувор... – вспомнил Арви главную новость.

– Как...Быть не может, – простонала Роса. Руки ее дрогнули. Трувор теперь наместник?!

– Что с тобой? – от внимательного Арви не укрылось волнение, охватившее супругу. Он отложил ложку в сторону. – Что это тебя так обеспокоило?

– Я...– Роса пребывала почти в ступоре, но все же сообразила, что неверным словом может загубить свое настоящее и будущее. – Супруг мой сказал, что «в Изборске нас еще постигнут беды». Как же тогда моя Велемира? Я лишусь сна, доколе не получу вестей о том, что она жива и здорова, – закончив речь, Роса и сама удивилась, как это только у нее нашлось столько бессовестности так возмутительно обманывать мужа!

– Ах, это...– кивнул тиун. – Не думаю, что тебе стоит о ней тревожиться. Если женщина рвется куда-то, то это неспроста. Думаю, там есть, кому позаботиться о ней...

– Она рвалась в поездку? – переспросила Роса. У нее шелохнулись догадки, пока не обретшие форму.

– Да! Правда, не в Изборск, а в Дорестафт, – рассмеялся Арви.

– Почему же мой муж не предупредил ее, что дружина идет в Изборск? – проямлила обессиленная Роса. Она не была смелой и отчаянной, поэтому отступилась от своего Трувора, которого любила меньше, чем свое определенное наперед, обеспеченное будущее. Но ведь все-таки любила! Если бы она только знала, что вскоре он займет ответственный пост княжеского посадника...

– Во-первых, Рёрик повелел, чтоб мы не трепались об этом где попало. А во-вторых, моя кудесница, я не привык, чтоб девица, притом юная княжна, самовольно отпраивлась в путешествие с княжеской дружиной, – Арви в самом деле было плевать на Велемиру, и он даже не затруднился предупредить старшую дочь Гостомысла, что в Дорестафт она не попадет. – Ладно еще, сестра Славаты! Он почти везде таскает ее за собой, потому что они сироты. Но это, скорее, исключение...Что с тобой? Тебе нехорошо? – Арви заметил перемены в жене.

– Я просто переживаю за Велемиру, ведь, как выяснилось, она среди чужих людей, – ответила Роса. – И когда же я вновь увижу ее?

– Не располагаю сведениями, моя елень, – Арви доел кашу и стал собираться обратно в гридницу. – Скорее всего, она присмотрела себе жениха среди тех, кто охранял золото.

– Но она ничего мне не сказала...– Росу захватили неприятные догадки.

– Ну, может быть, не хотела волновать тебя...– Арви накиннул на плечи епанчу и стал не спеша прилаживать бронзовую застежку.

Роса не могла дожидаться ухода мужа. И когда дверь за ним наконец захлопнулась, обессиленная княжна сползла на порог. На ее глазах навернулись слезы, которым теперь она позволила пролиться. Все вроде бы хорошо и благополучно, но не так, как истинно желается.

А тем временем, перекаtywаясь на спинке и игриво подергивая лапкой, возле Росы вился котенок. Ему хотелось порезвиться. Но не до него здесь было.

Глава 6. Владычица

Арви и Гудрун стояли на крыльце Вольны и стучались в ее закрытую дверь. Совершенно точно, что хозяйка избы была дома, но почему-то медлила. Вскоре послышались шаги в сенях. А позже дверь отворилась – нарядная Вольна оглядела пришельцев.

– Это Гудрун – наша домоправительница, следит за порядком на княжеском дворе, – объяснил Арви Вольне после приветствий. – Она готова помочь с устройством праздника. Ей можно доверить все хлопоты: она и стряпухам указания даст и приказчика озадачит...

– Надо будет также пригласить гостей... – дополнила Вольна список задач.

– Я позабочусь о том, чтобы каждая гостя оказалась лично уведомлена... – нарочито услужливо пообещала Гудрун.

– Кстати, о каком числе гостей идет речь? – любопытствовал тиун.

– Ну я не знаю даже... – Вольна не располагала цифрами. Ведь часть дружинников жила не на княжеском дворе, а в городе. – Пусть придут жены тех гридей, которые обитают здесь, на дворе...

– Все жены? – уточнил Арви, царапая что-то на бересте. – Позволю себе заметить, что этих жен будет достаточно много... Сей обедец выльется в значительные траты... Князь Рёрик, как известно, задумывает поход к Белому озеру... И окажется весьма недоволен внезапными расходами, особенно столь крупными...

– Может быть, следует пригласить только наиболее важных гостей? – подсказала Гудрун, бросив на Арви отрывистый взор, словно советуясь с ним. Тиун никак не ответил на этот взгляд своей сообщницы: не нужно им перемигиваться, Вольна может что-то заметить.

– Чтобы сократить расходы? – Вольна задумчиво приложила палец к подбородку.

– В конце концов любимых женщин может оказаться больше, чем самих мужей... Жены, наложницы, невесты – не всех же звать... – развил мысль Гудрун Арви. Он намеренно преувеличил число возможных приглашенных: многие из женщин жили не на дворе, а некоторые и вовсе ждали мужей в родных землях.

– И правда, – согласилась Вольна. – В таком случае мы пригласим жен только тех наших соратников, которые действительно важны... – вывела Вольна. – Жаль, Ньер без жены. Жена старшего дружинника была бы кстати на моем празднике. Но ведь жена огнищанина не менее важна... Можно пригласить жену Хельми...

– Кажется, она изменница... – напомнил Арви.

– Ах да... Такая нам не нужна, – спохватилась Вольна.

– Как быть с женами Дира и Лютвича? – уточнил Арви, все еще царапая что-то на бересте. Он намеренно не стал произносить имя Любавы.

– Этих мне не надобно... – Вольна не собиралась потчевать тех, кто хоть раз был к ней недостаточно почтителен. – Арви, Роса посетит праздник? – Вольна хотела удостовериться, что сестра Дивы придет к ней на поклон.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Арви, забросив бересту в котомку. И его глаза вновь сверкнули двумя мстительными кристаллами.

На улице смеркалось. Солнце плавилось в малиновом закате. Его отблески уже почти не освещали гридницы. Арви сидел за столом и размышлял в полумраке, потирая горбинку на носу. Человек с таким суровым профилем не станет плясать под чужую дудку. И заставить не получится. Вольне следовало знать это.

С улицы доносились крики детворы, разыгравшейся в сумерках. А в гриднице было тихо. Только писк одинокого комара крайне нервировал Арви. Говорят, так пищат самки, они же и кусают. Впрочем, в скудном освещении не отследить кровопийцу и не поймать.

Арви почувствовал легкое дуновение возле руки – комар присел и тычет хоботком в добычу. Но он, тиун, не станет добычей глупого комара. Он лишь прикинется добычей, чтобы преподать комару последний урок.

И лишь только комар кольнул кожу тиуна, последний прихлопнул кровососушего, не дав тому и капли своей крови.

Закончив битву с комаром, Арви резко встал из-за стола и подошел к окну. Отодвинув занавеску и перегнувшись через подоконник, он подозвал слугу.

– Аскриний уже укатил? – Арви видел главу вече сегодня на дворище, тот приезжал на своей резвой тройке.

– У конюшен его видал! – отозвался слуга.

– Пойди и останови его, если он еще не умчался... Попроси пожаловать ко мне в гридницу тотчас... – распорядился Арви. – И скажи, чтоб писарь вернулся на свое место. Мне понадобится его служба... И пусть принесет свечей.

Арви вернулся за стол и вновь принялся мять нос. Все верно, Вольна заслуживает того, чтобы потерять свое влияние. И кажется, сейчас он ненавидит ее куда больше, чем Диву. Последняя хотя бы не помышляла причинить Росе беспокойство.

В гриднице посветлело. Запахло воском. Мудр – писарь Арви – поочередно зажигал свечи.

– Прикрой ставни, комары летят, – распорядился Арви. И тут же в дверях показался Аскриний, который прибыл на зов тиуна. – Я пригласил тебя, Аскриний, на важную беседу... – начал тиун после приветствий. – Нам необходимо разобрать несколько рядовых случаев, которые происходят у нас повсеместно... Речь пойдет о преступлениях...

– Каких именно? – уточнил Аскриний, несколько не удивленный тем, что его позвали в столь поздний час – на улице уже темно, в это время следует готовиться ко сну, а не беседовать.

– Да каких угодно... Мало ли что может случиться... Кража, побои, убийство... – Арви пока сам не решил, какое из преступлений окажется вскоре на виду у всего города. – Важно не это, а то, как действует Новгород, когда случается злодеяние... – Арви развернулся к писарю и повелел, – Мудр, будь добр,крепи нашу беседу с главой вече, перечислив в роспись основные положения.

– Слушаюсь, тиун, – писарь приготовился делать пометки.

– Начнем со знаков вины или невиновности в случае совершения злодеяния, – начал тиун.

– Прошу простить мне мою любознательность, однако к чему все это? – поинтересовался Аскриний. – В нашем княжестве множество деревень и городов. Везде свои правила и порядки. И свои пути, по которым шагает следствие... А в случае противоречий у нас есть князь, который разрешит спор...

– Наш глава вече, как всегда, видит дальше орла, – тиун был готов к вопросам. – В том то и дело, что в нашем едином княжестве слишком много правил и порядков. Их следует привести к единому образу. Ибо если происходит злодеяние, то, как известно, человек ищет правды, часто обращаясь ко всей общине во главе со старостой. Однако в последнее время сыскивается множество недовольных решениями старост. Якобы последние судят пристрастно, и порой не считаясь ни с какими убеждениями. Страждущие не останавливаются и приходят, действительно, к князю, желая вынести несправедливости на его суд. Дабы не отвлекать правителя по каждому пустяку, мы и разработаем единый образчик действия...

– То есть, князь не желает принимать прошения от населения? – осторожно уточнил Аскриний.

– Желает. Но только те, которые заслуживают внимания, – уклонился Арви, который на самом деле хотел только одного – заручиться традициями Новгорода в предстоящей схватке с Вольной, план которой уже наметил. – Государь не может вникать в каждую безделицу вроде

кражи курицы из курятника или поджога сарая с барахлом. Оставим рассуждения и продолжим исследование...Итак, каковы могут быть свидетельства и каким путем им следует быть добытыми?

– Во-первых, рота, – начал Аскриний, почесав затылок. – То есть, торжественная клятва. Разумеется, по небольшим происшествиям...

– Пометь, Мудр. Рота или Присяга, егда иных доказательств не имеется...– надиктовал вывод Арви. – И чаю, во время этого действия мы прибегаем к пыткам? – уточнил тиун, уловив смысл присяги по-своему.

– Разве такое возможно? Никаких пыток. Мы не дикари.

– Что ж...Сделай запись, Мудр, – неохотно повелел Арви писарю. А после недолгих размышлений, все-таки добавил с ехидной улыбкой, – рота, добытая без применения пыток. Конечно, токмо если преступление не совершено против государя. В противном случае указанные методы допустимы под надзором...Продолжаем.

– Внешние признаки и вещественные подтверждения...– продолжил Аскриний.

– Какие в частности? – уточнил для записи тиун. – Будем определены. Именно эти выводы окажутся зачитаны на площадях. Разумеется, послежде, как князь одобрит нашу работу. Так что призываю к четкости.

– Тиун, здесь не может быть четкости. Ведь в зависимости от происшествия условия могут разниться. И мы не в силах предусмотреть все наперед...– пояснил Аскриний.

– Сейчас не время умозрительных рассуждений. Свод законов нуждается в ясности, – настаивал Арви, довольный тем, что у него вообще имеется «Свод законов», которым он готов всегда прикрыться, словно щитом.

– Ну что ж, скажем, в случае избияния такими доказательствами можно считать синяки, кровоподтеки, переломы, порванную одежду и все в этом роде...

– Но надо ведь еще доказать, что побои нанесены конкретным лицом...

– В этом могут помочь показания очевидцев, то есть видоков и послухов, – пояснил Аскриний. – Послухами можно считать даже тех, кто слышал о случившемся от кого-либо еще...

– Превосходно...То есть любой сплетник, – уточнил тиун, бровь которого поднялась вверх.

– Не совсем, – поправил вечно спокойный Аскриний. – Послухами мы называем также тех, кто, обладая доброй славой, заслуживающей доверия, может дать собственную оценку участникам события. Их зовут, даже если они ничего не знают о случившемся злодеянии...То есть, просто выразить свое суждение...

– Подходит, – Арви не отказался и от этого надежнейшего метода. Мало ли какое дело придется рассматривать. В оружейной тиуна должно присутствовать разнообразие. И разумеется, речь идет не о простых крестьянских делах. Кого интересует судьба этих несчастных! Нужно проработать законы для случая, если потребуются судить более высокопоставленных лиц...– Пометь и это, Мудр...Это очень важно.

Обсуждения вероятных доказательств продолжалось еще долго. Арви не спорил и ничего не предлагал, а лишь непрерывно призывал писаря помечать все обсуждаемое. Сегодня они обсудят все с Аскринием. Позже на заседании вече занесут все это в Свод. И после можно будет приструнить Вольну законными способами, которые хороши тем, что навсегда оставят пятно на ее имени.

– Теперича нам следует обозначить основные ступени, по коим обязано шагать правосудие. Итак, с чего следует начать и чем надлежит закончить?! Как происходит обычно это в Новгороде? Расскажи по порядку...– попросил Арви, который хотел почетче спланировать грядущее.

– Сперва о свершившемся злодеянии объявляется в людном месте, уточняются также частности случившегося, – начал объяснять Аскриний. – Например, если это кража добра, то перечисляются признаки, по которым можно опознать вещь...Говоря проще, все жители ставятся в известность о произошедшем...

– Запиши, Мудр, это очень важно, – обратился Арви к писарю, даже привстав с места. – Сперва производится заклич...

– И если пропажа найдется по истечении трехдневного срока после заклика, то тот, у кого она обнаружится, будет считаться виновником, – продолжал Аскриний.

– Любопытно, – Арви уже понял, что следствие ставит перед собой всего одну задачу: скорее найти ответчика. И забыть дело. Так следует поступать с любыми крестьянскими делами. А не тратить время на них! – Но ведь виновник может оказаться простым скупщиком...

– Очень часто мы ведем одновременный допрос ранее опрошенных думаемых в злодействе, – сообщил Аскриний. – В основном мы обращаемся к этому способу при наличии в их свидетельствах противоречий.

– Запиши, Мудр. Необходимость прибегнуть к своду подозреваемых до заклика. Либо после него в течении трех дней!

– Тот, у кого обнаружится запропавшая вещь, должен будет указать, у кого она была закуплена...– объяснил Аскриний. – Сей свод продолжится до тех пор, пока не отыщется тот, кто не сможет вразумительно растолковать, где он приобрел сей предмет. Таковой и будет признан татем...

– А если свод пойдет за границы города? – задался вопросом Арви. – Где искать и кто виновник?

– Виновника в этом случае нет, и случай забывается, – пояснил Аскриний.

– Так не пойдет, – поморщился тиун. – Я как рассуждаю? Если свод будет заканчиваться в пределах села, то какой дурак пойдет обкрадывать соседа? Проще дойти до близлежащей деревеньки и спереть курицу там. Обязательно должен быть некто, кто возместит хозяину пропажу...

– Был бы хомут, а шея найдется...– усмехнулся Аскриний. – История одна была у кума Бойко. Его татем признали на третьей ступени...Конечно, неповинен он был: вещь купил на рынке. Но он муж упорный. Решил действовать, как полагается, и правду найти. Цену пропащей утвари несчастному хозяину он возместил да и пустился в поиск злодея сам...А цена немалая была, как сейчас помню...Несколько шкур черных лисиц отдал. Так вот он целый год и пропадал, все виновника искал...

– Ну и нашел? – справился Арви.

– Нашел. И к Гостомыслу на суд правый привел...

– Запиши, Мудр, – поспешил тиун. – Если свод выходит за пределы града, где исчезла вещь, он продолжается до третьего думаемого в злодействе. На него в этом случае и возлагается обязанность уплатить стоимость вещи...Не может же поиск длиться вечно, – удовлетворенно подытожил Арви: заодно и Свод законов дополнится, Рёрик вернется и будет доволен своим тиуном.

– А главное, если он уплатит собственнику стоимость, то получает право далее самому продолжать свод, – подчеркнул Аскриний.

– И это тоже пометь, Мудр...– оживился Арви.

– Ну и, пожалуй, самое действенное, но и самое редкое – это гонение по следу, – вспомнил Аскриний.

– Зимой по следам, что ли? – Арви сдвинул брови. – А как быть летом?

– Ну и летом тоже можно. Следы не только от саней бывают, но и от копыт. А также от лаптей...– пояснил Аскриний. – Иногда волоком несут, трава примята...Или вещь оброненная...Для этого нужно следопытов звать. У меня у брата в селе история ходила – девицу похи-

тили. По следам кровопийцу нашли. Сапоги-то у него оказались заморские, с каблучищем. У нас таких не мастерят. Так ведь искали и допрашивали уйму народу и все без толку. Покамест следы эти под окнами ейными не обнаружили. Вот как...

– То есть следы привели прямо к похитителю? – недоверчиво покосился Арви.

– Да, прямо к избе его, – подтвердил Аскриний. – Слава Перуну, следы особые были у него...

– И что ж, по дороге нигде не затерялись? – удивился Арви.

– Затерялись, по всем вероятностям. Так ведь след с каблуком он особенный – из двух частей как будто состоит... Такой след легко узнать даже если затерялся. Сразу кто-то вспомнил о моднике том заморском...

– Мудр, отрази: отыскание татя по его следам. Если след приводит к избе, то хозяин бревенки считается злодеем... А если в село? И там прерывается...

– Ну тогда даже не знаю...

– Но, кажется, знаю я... – Арви довольно потер ладони: день был таким неприятным по утру. Но к вечеру у тиуна окажутся сделаны два больших дела, стоящих всех принятых мук. – А если в село, то, стало быть, ответ держит вервь, – заключил Арви, вспомнив пожелание князя о том, что хоть кто-то, но должен все же поплатиться за лихо.

– Вервь? – переспросил удивленный Аскриний.

– Вервь, – подтвердил Арви. Нет худа без добра: не будет проклятой Вольны, он бы еще долго не касался Свода. А тут прямо-таки само все получается, мысль льется плавно, словно тесто для блинчика. – Подобное отучит сельчан прикрывать негодников... Вспомни историю с Емельяном... Тогда ведь его местные жители пытались спрятать от нас...

– Ну да, действительно... – вынужден был согласиться Аскриний.

– Далее. А если след заплутался на большой дороге? Тогда что? У тебя ведь на все есть ответ... – пошутил Арви.

– Но только не на этот случай. Если след теряется, то на этом поиск прекращается...

Густые сумерки обволокли Новгород. Голоса людей стали тише – многие разошлись по домам. Мелодичное пение соловьев, дроздов и камышовок разлилось по дремлющей улице.

Васса сидела на лавке в своей теплой избе и облизывала ложку с медом. В гостях у нее был боярин Мирен, который приходил к ней теперь почти каждый день и засиживался до самого вечера.

– Иду я нынче мимо рынка, поворачиваю голову и вижу, как из-под земли дымок курится! – трещала Васса, а Мирен умиленно наблюдал за ней, порой даже не слушая, что она повествует. Подруга Вольны сегодня казалась ему совершенно особенной. Цветастая шаль укутывала ее плечи, а яркие губы то и дело улыбались. – И я, конечно, оттуда скорее прочь, мало ли дымовой набросится! – рассмеялась Васса.

– Наверное, смолу собирали, – пояснил Мирен, любясь жизнерадостной Вассой.

– Никогда не видела, как запасают смолу... – призналась Васса.

– У нас это один из самых важных промыслов. Больше смолокуров только в Смоленске да Полоцке... – Мирен был молод, смышлен и воспитан. Другой бы на его месте, может, и не дожидался бы, пока Васса насытится медком, а постарался бы усладить ее уста иначе.

– Это ж очевидно: где еще искать смолу, как не в Смоленске! – хихикала Васса, вновь запихивая ложку в туесок с янтарной гушей.

– Думаю, что наоборот он, скорее, потому и Смоленск, что там добывают смолу... – заметил Мирен.

– И все же этот дым из-под земли меня изумил! Я уж думала, может, узилище, какое... Новое...

– Прекрасная мысль... Надо подсказать заплечному мастеру новый вид пыток, – пошутил Мирен о палаче. – А вообще, выкапывается яма, в нее закладывается ель и сосна, а сверху – хворост, который поджигается. Потом яма закрывается дерном... А через несколько дней в подъямнике в бочке скапливается смола... Вот и вся хитрость...

– Как много ты всего знаешь... – восхитилась хитрая Васса, хотя и сама все знала не хуже него.

– Васса... – вдруг серьезно обратился боярин к своей собеседнице. Хотя разговаривать с ней без шуток было практически невозможно, поскольку ей всегда было весело. – Ты ведь станешь моей женой?

За окном ухнула проснувшаяся сова. Васса выронила из рук ложку. Но потом подняла ее. И да, Васса уже знала, что должна ответить. Улыбка ее поблекла. Язык замер. Одно дело морочить Мирену голову поцелуями и совсем другое – связывать с ним свою судьбу. Но нельзя выказывать свои сомнения. Этот боярин – единственное лекарство от нищеты и тягостной зависимости от Вольны. К тому же она, Васса, уже в том возрасте, когда стыдно быть незамужем. То есть если еще немножко подождать, то уже никто и не возьмет такую невесту. Она и сейчас-то уже покажется для большинства пересиженной.

– Столь неожиданно... – Васса опустила глаза в пол. – Не знаю, что и сказать... Очень внезапно...

– Чего же тут внезапного? – Мирен не заметил ничего странного. – Я все обдумал. Мы сами решим свою судьбу... – Мирен имел в виду, что, несмотря на протесты его родни, не рассматривающей бедную Вассу в качестве невесты, они все равно смогут пожениться.

– Я тоже, я тоже... – Васса сейчас думала не о своем ответе, а о том, верно ли она поступает, поддавшись соблазну. Вроде бы и выхода у нее другого нет. И кажется, Мирен самый лучший из всех встречавшихся ей женихов.

– Значит, ты согласна? – Мирен обнял Вассу и прижал к себе.

– О, да, – Васса осознавала, что обязана согласиться. Лучшего предложения она еще не получала. Стало быть, и не получит.

– Поженимся как можно скорее! Через неделю! – с жаром постановил Мирен.

– Ну... Не знаю, – Васса опешила: еще и так быстро! Вот если б потянуть время и удостовериться в правильности принятого решения... – Князь в отъезде... И я... И нам... Будет лучше, если он вернется сперва...

– А причем здесь Рюрик? – удивился Мирен, который не желал медлить попусту.

– Ну как же... – Васса и сама не знала, причем здесь Рюрик, но надо же было хоть что-то возразить. – Ну... Эээ... Он милостивый наш покровитель. И мы должны проявить уважение и дождаться его... Даже эта изба выделена мне по его приказу... Да и ты сам при нем! А Вольна – моя подруга... Негоже его не дождаться...

– Ты права. Дождемся его возвращения. И тот час сыграем свадьбу! – настаивал Мирен.

– Ага, – кисло отозвалась Васса. Она и не помышляла, что в нее можно так крепко влюбиться. Особенно удивительно то, что в этот раз она не прилагала обычных усилий, а вела себя непринужденно, общаясь с боярином, словно с добрым другом. То ли дело с другими женихами: старалась произвести впечатление и очаровать. Но все оказывалось тщетно: или жених не тот, или она сама не подходила жениху. Может, Мирен – ее судьба? То все потуги напрасны, то само покатилося в руки, будто с ледяной горы!

– Тебя что-то тревожит? – Мирен хотел поцеловать Вассу, но она как будто пропустила поцелуй или не поняла намерений жениха.

– Токмо то, что неизвестно, когда объявится владыка, – спохватилась Васса, понимая, что поступает опрометчиво, выказывая колебания вместо радости.

– Ты любишь меня? – боярин оглядел избранницу серьезно, отчего ей стало не по себе.

– Очень... – соврала Васса. И вдруг ей стало неприятно от самой себя: ведь Мирен – хороший человек. Ну почему же ее в нем привлекают только его богатства... Как бы полюбить его? Нужно попытаться это сделать. Она сможет полюбить хорошего человека, который позаботится о ней.

– Мое сердце разрывается, егда я ухожу от тебя по вечерам. Не могу дождаться момента, когда мы останемся с тобой вдвоем. Станем засыпать и просыпаться под одной крышей, – Мирен бережно поцеловал Вассу.

Обычно Васса обожала поцелуи. Не считала их чем-то бесстыдным и позволяла себе вдоволь. Итак, ее перецеловало множество губ. Жаль, среди них не оказалось любимого. Но поцелуи, тем не менее, ей всегда нравились – прижаться к сильному мужчине, обнимающему ее и терзаемому более существенными желаниями. Сколько радости, и все это без риска для чести.

И все-таки поцелуй Мирена оказался не слишком приятен Вассе. Впервые в жизни она целовалась лишь потому, что так нужно, а не потому что ее влекло сие занятие и сам молодец. Благо, поцелуй оказался недолгим. Васса чувствовала себя так, словно обманывает Мирена. Так и есть, она не хочет его, ее мутит от его прикосновений, но молча терпит и даже делает вид, что ей нравится ласкаться с ним. Сам он невиноват ни в чем, он не урод и не противный, но Вассе он не нравится, и все тут. Не хочется допускать его к себе. Но ведь придется...

– Я тоже, я тоже жду не дожусь... – Васса хотела, чтоб он уже побыстрее ушел, оставив ее в покое хотя б на сегодня.

– Может, мне остаться? – предложил Мирен в надежде, что Васса, как и он, томится муками любви.

– А люди что скажут! – взвизгнула невеста. Этого еще ей не хватало! – Мы должны быть благоразумны. Будем надеяться на то, что владыка скоро вернется... – расчетливую Вассу было непросто совратить раньше срока. Да и сам совратитель не отличался наглостью и настойчивостью.

– Хочу быть с тобой, – желание Мирена было простым и искренним. Ему ничего не нужно было от Вассы, кроме нее самой.

– Я так занята эти дни... – щебетала Васса, решившая сменить предмет беседы. – Вольна задумала праздник. Нужна моя помощь, – объяснила Васса.

– Да, если где праздник задуман, то надо звать тебя, – Мирен видел в Вассе добродушие и смешливость, но не замечал праздность и приземленность. – Так и что за праздник Вольны?

– Созывает жен тех гридей князя, которые живут на дворище и занимают какие-то важные посты... – Васса вернулась снова к своему туесу с медом. Поцелуи Мирена хотелось поскорее чем-то заест. А лучше даже запить. Но не теперь. А когда он уйдет.

– Нельзя так делать. Остальные, которые живут здесь же и не занимают выдающихся постов, обидятся. Надо всех звать, – высказал свою точку зрения Мирен.

– Может, еще и боярынь пригласит. Жену Аскриния, Бойко, Белогуба и прочих... – разглагольствовала Васса.

– Этих-то точно не надо трогать... – посоветовал Мирен.

– Почему? – любопытствовала Васса.

– Ну потому что они могут отказаться от приглашения. А если и придут, то окажутся чем-нибудь недовольны в итоге... – пожал плечами Мирен.

– Почему? – удивилась Васса. – Разве у Дивы остались сторонники? Я помню, как многие осудили ее.

– Ну это было тогда. А сейчас всем жаль ее. И особенно ее жаль женщинам, которые могут оказаться на ее месте... Старая жена уходит, ее место занимает новая. Не всем это понравится... – Мирен обладал добрым сердцем и понимал даже тех, кому в обществе, управляемом мужчинами, было отказано в понимании и снисхождении.

– Может и так... Но Вольна готовит всем им подарки... – вспомнила Васса.

– Которые только еще сильнее озлят тех, кто окажется не приглашен на ее праздник, – улыбнулся Мирен, умиляясь Вассе, ковыряющейся ложкой в засахаренном меду.

Этот день на княжеском дворе выдался крайне суетным – был устроен званый обед. Слуги носились с цветами и ветками, украшая праздничные избы. Скоморохи дули в дудки. Поварихи сновали возле печи. А стольники не успевали подавать новые блюда. И в итоге вся прислуга вздохнула с облегчением, когда праздник подошел к концу и гости стали разбредаться по домам. Теперь оставалось убрать столы, подмести полы и открыть на ночь окна.

Вольна, Арви и Гудрун стояли в пиршественной избе и обсуждали, как все прошло. Нарядная любимица князя выглядела довольной: ведь праздник в ее честь состоялся, вопреки всем опасениям.

– Наш обед вышел на славу, – Вольна удовлетворенно потерла ладоши. Тут же рядом с ней стоял огромный сундук: он был завален дарами, поднесенными новыми подругами.

– О да, и яства, и скоморохи... Все было достойно самих богов, – согласился Арви, качнувшись на пятках.

– Однако я заметила, что не все откликнулись на мое приглашение... Например, Роса... – вспомнила Вольна. – Она не пришла. Почему так, Арви?

– Небольшое недомогание, – тиун с самого начала не собирался отпускать Росу на праздник. Но и не собирался бодаться с Вольной по этому вопросу. – Надеюсь, сие не будет воспринято, как знак неуважения...

– Не будет, конечно... – милостиво ответила Вольна. – Ведь ты сам так много сделал для устройства сегодняшнего обеда... Но, помимо Росы, я заметила отсутствие и других лиц... Не было жены Бойко, жены Аскриния... Хорошо, хоть старуха Белогуба пожаловала... – Вольна не питала уважения к своим гостям и даже не пыталась этого скрыть. – Как много осталось еды... – Вольна проводила взглядом служанку, уносящую блюдо с птицей. – Однако я удивлена, что наше столование так быстро окончилось... – Вольна не могла не заметить, что ее гости будто куда-то торопились. – Я полагала, мы просидим до темноты...

– Очевидно, гости думали поспеть на еще одно сборище... – пояснил Арви невозмутимо.

– Какое еще сборище? – сдвинула брови Вольна, отвернувшись от сундука с подарками.

– Ну так жена Дира тоже задумала на сегодня праздник. Правда, вечерний. Надо полагать, он уже начался... – пояснил Арви как ни в чем не бывало.

– И много на этом празднике будет людей? – сдвинула смоляные дуги бровей Вольна.

– О да, очень много. Все те, кто не был приглашен на наш праздник сегодня. И те, которые его уже покинули. Словом, все желающие...

– Но как это возможно устроить? – хмыкнула Вольна. – Мы пригласили не всех, а уже понесли немалые издержки... Что в таком случае может устроить какая-то жалкая жена Дира? Откуда у нее столько еды?! Да и где она найдет столь огромную избу, чтобы вместить всех?!

– Ну во-первых, она не такая уж жалкая... – начал по обыкновению перечислять Арви, который во всем любил порядок, даже в речи. – Не сегодня так завтра Оскольд и Дир выступят в поход как воеводы... И их поддерживают многие, что уже видно. Не вдвоем же они отправятся в Киев... А во-вторых, жена Дира не готовила яств и не искала избу... Она и ее подруги устроили увеселение на лоне природы, прямо на поляне близ Волхова... Мужчины заготовили им дрова для костров, каждая из женщин принесла с собой еду, как говорят, и теперь там весело и сытно...

– Это же какой-то вызов мне! Она что, против меня пойти вздумала?! – разозлилась Вольна, услышав, что у нее появился новый враг.

– Возможно, стоило пригласить ее на наш праздник, – высказался Арви.

– Я одного не пойму: откуда в ней столько дерзости?! – ярилась Вольна. – Я любимая женщина нашего князя! Как ее вообще зовут?!

– Ну, если рассматривать только с этого угла обзора... – загадочно проскрипел тиун. – То можно понять, откуда в ней столько этой дерзости... Она ведь не только жена Дира. Когда-то она была возлюбленной нашего князя, как говорят... Ее имя Лея.

Воцарилась пауза. Вольна устала удивленные глаза на Арви.

– Ее брат и наш князь были друзьями... – встроилась в беседу Гудрун, все это время хранящая молчание. – Затем ее брата убили... Лея осталась одна. Наш князь заботился о ней, кажется, вплоть до появления самого Дира...

– Чтобы Рёрик отдал свою любимую какому-то Диру?! – не поверила Вольна во всю услышанную историю.

– О, Лея не совсем обычная женщина... – заверил Арви. – Она аки лесной пожар. Пожирает все вокруг и сражаться с ней нельзя... – нарочито восхищенно изрек тиун. – Она необыкновенно веселая, хитрая и очень соблазнительная, как считают многие... Не каждый в силах быть с такой женщиной. Ее не удержать в клетке. Либо она свободна и неподвластна никаким правилам, либо ее нет. Скажу по секрету, – Арви понизил голос, – сдаюсь мне, именно она руководит своими мужчинами, а не они ею.

– Своими мужчинами? – не поняла Вольна.

– Ходят слухи, что она не только жена Дира, но и вдохновительница Оскольда, его истинный друг... – передала сплетню Гудрун шепотом.

– Она связывает этих мужчин крепче, чем известковой раствор камни в стене... – подтвердил Арви.

– А ее муж? Разве он позволяет такую дружбу? – недоумевала Вольна, которой казалось, что Арви и Гудрун лишь разыгрывают ее в продолжение шуток скоморохов.

– Я же уже сказал, Лея – женщина необычная. Ее мужу надо либо принять жену такой, какая она есть, либо придется ее убить... – пожал плечами тиун.

– Я видела ее! Она уже не молоденькая! – возмутилась Вольна, которая до сих пор не могла верить своим ушам.

– Все познается в сравнении. Относительно Дивы она не молоденькая. Относительно меня она еще ох как молода, – усмехнулся Арви.

– А относительно нашего князя – она в том возрасте, когда может легко нравиться мужчинам, ее прелести еще занимают их умы, – дополнила Гудрун.

– Она опытная соперница. Гораздо опаснее глупых девиц... – подтвердил Арви.

– Я надеюсь, она скоро уйдет вместе с Оскольдом и Диром в их поход! – Вольна потеряла виски – у нее разболелась голова. То ли от напряженной обеденной трапезы, то ли от полученных новостей.

– Как сама захочет... – вздохнул Арви. – В Новгороде у нее свой дом, все обустроено... И отсюда наш князь ее никогда не выгонит. А поход опасен. Впрочем, она любит путешествия. И все же думаю, без веских причин она не уйдет. По крайней мере, до тех пор пока ее мужчины не сложат к ее ногам город, готовый растворить перед ней двери теремов и гульбищ.

– Значит, надо как-то вынудить ее уйти вместе с ее мужиками, – Вольна наконец высказала мысль, которую Арви и Гудрун от нее ожидали. Вынужденные думать против Вольны, тиун и служанка Умилы незаметно для самих себя чуть сблизились, оставив позади распри.

– Нужно сделать все возможное, чтобы отныне ей не было так уж приятно в нашем Новгороде... И она должна знать, что не может претендовать на любовь нашего правителя...

– Она еще и на Рёрика вздумала притязать?! – изумилась Вольна. И тут же раздался грохот – захлопнулась крышка сундука с подарками. Вольна даже вздрогнула. – Я думала, у них все в прошлом...

– Кто знает, кто знает... Когда речь идет о таких женщинах, как Лея, все может повториться вновь и вновь... – объяснил Арви. – Ведь она бы не посмела перебить наш сегодняшний праздник собственным, если б не была уверена в том, что останется безнаказанной. Разумеется, Рёрик никогда не окажется зол на нее, а она всегда сможет отшутиться и отсмеяться...

– Я думаю, она так дерзка и независима из-за короны... – выдвинула ошеломляющую догадку Гудрун.

– Какой короны?.. – после паузы спросила Вольна, поочередно глядя то на Арви, то на Гудрун.

– Вещица редкой красоты – diadema – маленькая корона, украшенная синими яхонтами... – прошептала восхищенная Гудрун, поглядывая на Арви, который нарочно не смотрел на нее, чтобы не выдаться. – Этот прекрасный венец ей подарил Рёрик, как говорят...

– Он подарил ей корону? – неприятно поразила Вольна.

– Когда-то давно. Но зато очень красивую... – повторила Гудрун. – Сияет как звезды. Глаз не отвести. Женщина в такой короне может считать себя самой главной из всех.

– Из-за железяки?! – возмутилась Вольна. – А я родила ему наследника!

– И другие родили ему наследников, – поправил Арви, качнувшись на мысках сапог.

– Корона не железная... Она из серебра, – добавила Гудрун. – Синие яхонты и сверкающие адаманты делают ее не только красивой, но и очень дорогой вещью... Восхитительная работа. Она будто из кружева... Словно застывшие снежинки, усыпанные драгоценной россыпью...

– Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему Лея ощущает вседозволенность... – выразил Арви свою мысль. – Обладательница короны чувствует себя королевой всюду, а особенно в землях самого дарителя... Ведь исключительные права и превосходство над другими, подаренные Лее вместе с короной, видимо, не имеют срока давности...

– Наверное, потому, покинув наш праздник, женщины поспешили к ней... – вывела Гудрун, снова бросив взгляд на Арви. План, который он измыслил, казался ей верхом изыщества и коварства. И это даже заставило ее проникнуться к нему уважением, хотя изначально она пыталась его всячески задеть.

– Это оскорбительно и возмутительно... – Вольна чувствовала себя униженной. Она опустилась на лавку, поскольку вдруг ощутила сильную усталость. – Нужно что-то с этим сделать...

– С Леей? – спросила Гудрун вкрадчиво. Им с Арви было необходимо подбить Вольну на нечто ужасное, за что позже она понесет наказание, согласно «Своду законов».

– Хотя бы с короной... – огорченно вздохнула Вольна.

– Может быть, следует забрать эту корону у нее? – предположила Гудрун. В то время пока осторожный Арви молчал: сам лично он не делал никаких заявлений и в открытую не подстрекал Вольну к чему-то.

– Каким образом? – Вольна потеряла лоб. – Вы же сами сказали, что она живет не на дворе, а в городе...

– Но сейчас она на устроенном ею же увеселении... – подчеркнул Арви.

– В доме, скорее всего, никого нет... – добавила давящая в себе улыбку Гудрун, переглянувшись с Арви тайком.

Вольна подняла глаза на стоящих рядом Арви и Гудрун. В их участливых лицах она видела готовность помочь ей. Что придавало ей сил. Ведь, по большому счету, кроме Вассы и Рады, никого у нее не было: ни одну, ни другую за диадемой в чужой дом не отправишь.

– Как нам наша хозяйка прикажет, так мы и поступим, – выговорила Гудрун нарочито покорно.

Повисла тишина. Вольна думала. Давным-давно она запретила себе бояться. И каждый раз как у нее появлялся страх, она приказывала себе действовать. Ведь под лежащий камень вода не течет. Всегда нужно что-то делать. Так и страх быстрее рассеивается.

– Заберите у нее эту корону...– закусив губу, постановила Вольна. – А потом выбросьте в Волхов...

– Выбросить?! – одновременно спросили Арви и Гудрун.

– К нам ни один след не должен вести, – Вольна пока еще не утратила разум.

– Есть у меня кое-кто на примете. Сделает все тихо и быстро, – заверила Гудрун.

Глава 7. Ярило Вешний

Изборск щебетал птицами и звенел ручьями. На улице сияло ослепительное солнце. Рёрик спал в безмолвной горнице, ставни были плотно закрыты. Ни свет, ни шум двора не беспокоили сон княжеский. Но тут на окно опустилась голубка. Ударив крылом в закрытые ставни, она негромко заворковала. Рёрик шевельнулся во сне. Нежное воркование голубки, мягкое и тихое, вторглось в его грезы. Он открыл глаза. И не понял, ночь теперь или день, так темно было в покоях. Рёрик даже не успел ни о чем подумать, как раздался стук в дверь.

Зевая, Рёрик поднялся с постели и пошел открыть. На пороге стоял страж.

– Нег, тут Дива... Твоя княгиня... – доложил брежатый.

– Чего? – не понял Рёрик со сна. – Как это?.. Она же должна быть во Фризии...

– Но она здесь. Сбежала от своих оберегателей... Она тут...

Рёрик хотел что-то сказать. Но брежатый отступил в сторону и исчез в тени. В сенях послышались шаги. За окном все также ласково ворковала горлинка. А перед Рёриком вдруг возникла Дива. Платье на ней было дорожное. Но она не выглядела усталой, а напротив, радостно улыбнулась, увидев его. И без слов, будто легкая бабочка, устремила ему навстречу, припала к его груди. Рёрик смотрел на нее и никак не мог поверить в то, что это действительно она. Хотя он, конечно, знал, что это она.

– Не сердись и не ругай... – прошептала Дива, прикинув к нему.

– Не сержусь и не ругаю, – Рёрик обнимал Диву и никак не мог разомкнуть объятия. И не мог оторвать от нее глаз. Он только сейчас понял, что очень соскучился по ней. Он даже не думал, что умеет так сильно скучать по кому-то. – Не надо было убегать от охраны... – Рёрик никак не мог понять, как ей удалось ускользнуть от его гридей. Неужели они так плохо охраняют ее? Как вообще он мог отпустить ее с такими растяпами, от которых столь легко можно улизнуть? С ней могло что-то случиться.

– Я не от них убегала. Я же к тебе бежала, – ответила Дива, подняв на него свои голубые глаза, которые каждый раз зачаровывали его.

– Ко мне? – Рёрик часто думал о ней в последнее время. Она, словно воздух, была для него повсюду и нигде конкретно.

– Больше не отправляй меня никуда... – прошептала Дива. И с ее головы спал платок, пшеничные волосы рассыпались по плечам.

– Не отправлю... – Рёрик провел ладонью по ее голове, вспомнив аромат ее волос, пряных, будто скошенные травы и цветы.

– Я хочу всегда быть с тобой... – Дива вдруг прижалась к нему крепко. Ее руки скользнули по его плечам. – Я хочу всегда быть твоей...

– Ты всегда моя, – Рёрик больше не сдерживал себя, сжал Диву в своих объятиях и поцеловал ее губки, которые неожиданно ответили ему. И Рёрику показалось, что в его жизни не было мгновения счастливее. Ведь он давно уж не ожидал от нее взаимности. Он привык, что она шарахается от него, как от дикого зверя. Может быть, он и есть такой. Однако ведь не всегда же и, точно, не с ней. А сейчас она целует его жарко. Может, снова дразнит, как тогда, когда они ловили проклятого янтарного. Может, раззадоривает для каких-то своих целей, как делает обычно. Все может быть. Но пусть она даже не надеется снова обвести его. Сегодня он не отпустит ее. Он устал быть без нее.

– Делай со мной, что хочешь, – Дива потянула за узелки и в следующее мгновение сбросила свою одежду. Прильнула к Рёрику, обвив его шею руками. – Приласкай меня хоть однажды.

Рёрик, и правда, прежде не бывал ласков с ней. Но ведь потому что ей это не было нужно. Сейчас же все по-другому. Он гладит ее робкий животик, осторожно целует ее шелковую грудь,

вздымающуюся от волнения. Ей нравится то, что он делает с ней. А ему и самому это необходимо, словно так он старается удостовериться в том, что она не оттолкнет его и не испарится. Но, кажется, она не собирается упорхнуть от него на сей раз. Она податлива, как ручей. Закусывая губу, она тихо стонет в его объятиях. Перебирает ножками, чуть царапает его спину. Ее тело небезучастно, как бывало раньше. Оно отзывчиво и льнет к нему.

Голубка за окном ворковала все громче. И Рёрику подумалось, что птицы не должны быть такими настойчивыми. Ее голубиный голос наполнил все горенку, ворвавшись в покои, словно ураган в незапертый сарай. Рёрик открыл глаза. Вместо Дивы увидел лишь темнеющий свод потолка. Она растаяла с приходом утра, как и положено сну. Зато голубка на месте, воркует на окне, она-то и разбудила его.

Рёрик провел ладонями по лицу, словно умываясь. На миг его как будто коснулось горячее дыхание. Но это был лишь последний призрак отступившего сна. Теперь, помимо упорного воркования, Рёрик слышал множество звуков: задиристый лай собаки, веселые визги детворы, звонкий смех девиц, крик какой-то бабы, очевидно, призывающей кого-то к себе... Как это он сразу не догадался, что Дива лишь снится ему? Ведь в этом сне не было ничего правдивого. Она бы никогда не пришла к нему сама. Никогда бы не нежилась в его объятиях. И самое главное, не смогла бы убежать от своих провожатых!

Закрыв глаза, Рёрик постарался вспомнить подробности сновидения. Но оно уже почти стерлось из его памяти. Осталось лишь ощущение нежности, которое пригрезившаяся Дива не забрала с собой.

В затененной плющом избушке пахло горячими пирогами. Стол был застелен нарядным рушником, на котором стояла глиняная крынка с молоком. Картину дополнял кувшин с синими цветами, такими яркими, как высокое весеннее небо.

– Я хочу, чтобы ты остался на обед, – Услава сидела на лавочке, словно на постели, обняв свои колени, угадывающиеся под белоснежным подолом легкой рубахи. Ей нетрудно было оставаться чистой и умиротворенной. Поскольку сама она даже не кухарничала в этом доме. Но такого и не требовалось. Ведь рядом были стряпные избы, где можно было взять готовых блюд.

– Не могу, я должен появиться дома... Хлебослава, наверное, заждалась... – Барма одевался, собираясь в дорогу. Набросив на плечи корзень, подаренный ему еще Годфредом, Барма пытался приладить к плечу непослушную пряжку.

– Ну и пусть ждет, – голос Уславы был негромок и мелодичен. И все же внимательного слушателя он не мог бы обмануть. Вот только Барма сейчас внимателен не был, по крайней мере к своей новой возлюбленной он не присматривался.

– Так нельзя. Я должен, – Барма не отказывался от своих обязанностей. – Кстати. Нашелся подходящий дом для тебя. Хозяева в нем больше жить не будут. Его продают.

– Этот дом не в детинце? – сразу догадалась Услава.

– Нет, он в посаде... – вместо того чтобы застегнуть пряжку, Барма лишь уколол плечо. – Но это совсем недалеко отсюда... Тут пешком быстро.

– А если на город кто-то нападет? Я не успею добежать до детинца.

– Говорю же, успеешь, здесь близко, – заверил Барма. – К тому же на Изборск уже давно никто не нападал.

– Почему я не могу остаться в этой избе? – Услава не хотела сдаваться. Но в отличие от Хлебославы, яростно отстаивающей свою правду, Услава не кричала и не грозила. Она была тихой. Еще будучи ребенком, она никогда ничего напрямую не просила у родителей, а подготавливала младших сестер, и те просили от своего имени, но для Уславы.

– Здесь я веду приемы, – Барма несколько слукавил. Он не хотел оставлять Усладу в этой своей приемной избе, поскольку очень скоро все поймут, что происходит между ним и этой девушкой. А ему такое не нужно.

– Но как я буду жить на подоле? Здесь есть еда... – вздохнула Услава.

– У тебя будет еда. За это не переживай, – Барма, конечно, не имел в виду готовые яства. Услава в силах приготовить и сама.

– Но ты весь день здесь...

– Я буду часто приходить, – Барме было по пути в любом случае: его поместье тоже располагалось на подоле.

– Если ты переселишь меня отсюда, как я тогда смогу снова увидеть князя Рюрика? – вдруг спросила Услава. Ее голос был все такой же ровный и тихий. Непонятно, зачем она вообще задала этот странный вопрос. Может, чтобы заставить Барму ревновать. Но зачем? Он ведь и так с ней. А может быть, у нее есть какие-то иные расчеты...

– Зачем тебе его видеть?! – Барма даже перестал собираться.

– Ты же сам хотел, чтобы я и он... – начала Услава.

– Но сейчас уже не хочу. Неужели непонятно? – не постигал Барма.

– Почему? – спросила Услава как ни в чем не бывало.

– Ты еще спрашиваешь? – возмутился Барма. – Ты теперь моя. И только!

– Понятно... – отозвалась Услава.

– Я думаю, завтра мы отправимся осмотреть дом...

– А если мне там не понравится? – мурлыкнула Услава. Она быстро получила власть над Бармой. И теперь он уже не мог критически относиться к ней. В его глазах она была слабенькой глупенькой девочкой.

– Будем нанимать плотников и строить, – Барма уже забыл, как совсем недавно она была готова на все, лишь бы не возвращаться к Хлебославе.

– Я не справлюсь одна с большим домом, – посетовала Услава. – А здесь в детинце много челяди, всегда можно позвать кого-то на помощь.

– О боги, значит, у тебя будут помощники... – пообещал Барма. То, чего Хлебослава добивалась несколько лет, Услава сумела получить за пару ночей.

Когда легкая двуколка Бармы подкатила к поместью, было время обеда. Летом в этот час дети обычно спали. Иногда вместе с ними могла прикорнуть и Хлебослава. Не оттого, что желала возлежать на перинах в лености, а оттого что сон мог сразить ее нечаянно, когда она ттилась уложить беспокойную Звенемиру. Барма спешился и двинулся в молчаливый дом.

В сенцах было прохладно и темно. Барма поймал себя на мысли, что старается не делать шума. Он не хочет будить обитателей, заснувших этим полднем. Пусть спят. Сундук у входа был распахнут, из него торчали вещи: видно, кто-то из детей искал одежду и забыл захлопнуть крышку. Хотя можно ли назвать этих взрослых девушек детьми? Может, это вовсе не детское неряшество, а взрослая недобросовестность и безответственность? И подрастающие дочери стали вызывать в Барме раздражение. В детстве такого не было, он любил их и иногда даже играл с ними. Но с тех пор, как они стали вмешиваться в их с Хлебославой ссоры, вставать на сторону матери – он стал чувствовать только одно: дочери – это оторванный ломоть. Сейчас они защищают мать, затем уйдут к мужьям, а отец всегда будет плох для них. Никакие его старания ради них не будут оценены.

Барма зашел в пустую горенку, сел на лавку, уложив локти на стол и уперев лоб в ладони. Окна были растворены, но в горнице все равно оставалось сумрачно: очевидно, свет задерживался тканью, которую прицепили на раму, чтобы не пустить в дом полчища комаров, лютых в это время года.

– Ты голоден? – голос Хлебославы разрезал тишину спящего дома. – Я могу принести твои любимые сычуги из погреба...

Барма поднял глаза и оглядел жену. Он был не голоден. Но не стал отвечать ей отрицательно. Идя сюда, он ожидал, что их встреча с женой начнется с криков и ревов, но ничего такого не произошло. Это было для Бармы чуть подозрительно: измотанная Хлебослава давно разучилась держать себя в руках. Странно, что она не вопит во все горло, укоряя мужа за его отсутствие в течение двух дней и особенно ночей. На нее это непохоже.

– Я сейчас... – Хлебослава отправилась в погреб, приняв молчание за положительный ответ.

Сычуг еще не было на столе, но Барма уже наперед знал, что и они бессильны что-либо изменить.

– Вот... – Хлебослава вернулась быстро и стала собирать стол. Она ничего не говорила, хотя обычно расспрашивала Барму о новостях. Часто они обсуждали знакомых, которые нередко расстраивали их каким-то образом. В этой семье было много именно таких разговоров – направленных против кого-то.

Барма молча ел, не чувствуя вкуса любимых кушаний. Он пережевывал это сложное блюдо с таким же отрешенным равнодушием, с которым корова жмывает зимой сено, глядя в темную стену коровника.

– Где ты был? – негромко спросила Хлебослава. Еще вчера она бы не спустила ему подобного. Но уже сегодня ей все видится по-другому: не надо на него кричать. Не надо сейчас и не надо было прежде. Он, конечно, всегда заслуживал упреков – он себялюбец и гордец, никогда не думающий о ней, о своей жене. Но ведь если он отойдет в сторону, то этому дому легче не станет. Да и она сама, Хлебослава, только сейчас поняла, что муж дорог ей, вопреки всем ее обидам. Ей нужно, чтобы он был рядом. И в горе и в радости. И пусть их житие давно уж превратилось в страдание, но они вместе должны быть, даже если мучают друг друга. По крайней мере она сама, Хлебослава, никакого другого мужа себе и не желала. Может, это и не любовь. Ну а что это еще тогда?

– В детинце... – мрачно ответил Барма. Он не хотел больше врать, унижая ложью самого себя: неужели Хлебослава – госпожа ему, чтобы он боялся ее гнева.

– Почему не приходил домой? – Хлебослава явственно чувствовала, что случилось нечто, что перечеркнет всю ее жизнь. Мягким покорным голосом она будто пыталась защититься от этого, не допустив положения, когда ей могут сказать, что-то плохое в лицо. Также как сейчас она подала его любимое блюдо, словно оно сможет задержать главу семьи в доме, где все остальное ему опостылело.

– Был занят... – Барма отложил ложку в сторону. Он посчитал, что все-таки правду ей тоже не следует пока говорить.

– Чем был занят? – все также сдержанно спросила Хлебослава.

– Чем-то... – Барма был удивлен неожиданным самообладанием своей супруги. Почему она не могла быть такой всегда? Зачем она возмущенно вопила по любому поводу, будь то разбитый горшок или новости княжества...

– Тебе нравится еда? – Хлебослава не ждала похвалы. Она надеялась на то, что ошиблась, предположив, будто муж остыл к ней. Его внешний вид и поведение указывали на то, что он уже не тот же самый Барма, не тот ее рачительный и мудрый супруг, радеющий о благополучии только этого дома.

– Слава, собери мою одежду и сложи в котомку... – Барма встал из-за стола. – Я поживу в детинце...

– Как это?... – опешила Хлебослава, которая никогда не допускала, что он может куда-то деться. Ее Барма всегда с ней: верен и терпелив. А она в свою очередь старается для него, всю жизнь свою она кинула ему под ноги, ни дня не жила ради себя. – Зачем в детинец уходить?

– У меня много хлопот с приездом князя... – отвечал Барма и пошел к поставцу, где в корзинке на верхней полке хранились его личные вещи: некоторые украшения и памятные предметы. В доме было тихо. Прежде Барма наслаждался бы этим покоем. Но сегодня эта могильная тишина свидетельствовала о том, что этот дом умер для сердца Бармы.

– Но для этого необязательно покидать поместье! – Хлебослава была права: от княжеского детинца до жилья Бармы было рукой подать.

– Обязательно... – Барма больше не хотел ничего с ней выяснять. А видя, что она не складывает его вещи, как было велено, он сам принялся собирать котомку.

– Ты хочешь от меня уйти? – Хлебослава почувствовала, как к горлу подступил ком.

– Как я могу? – Барма не мог бы бросить Хлебославу. По правилам, ему не воспрещалось завести себе еще одну семью, но при этом не пренебрегать уже имеющейся. Речь, конечно, не о любви: он не обязан обожать безразличную ему женщину, но должен помогать ей до конца своих дней. – Для тебя ничего не поменяется: ты по-прежнему будешь занята собой и своими детьми...

– Собой?! – возмутилась Хлебослава. И ее показное спокойствие улетучилось. Да она порой не успевала даже умыться, не то что заниматься «собой» в значении прихорашиваться и красоваться, примеряя бусы и зыркая в серебряный поднос на свое отражение. – Разве я собой занималась все это время?! Я не досыпала, не доедала, половину жизни меня тошнит и рвет! А другую половину я без сна ночью и без покоя днем! Каждый год я рвала свои недра, рожая тебе детей, половина из которых умерли! Эти младенцы исчезали один за другим, оставляя мне боль и покаленное тело! И теперь ты говоришь, что я занята собой?! – кричала Хлебослава, которую взяла неодолимая обида.

– Ну вот и славно... Теперь ты отдохнешь... – рассудил Барма, не понимая, как циничны его слова. Несмотря на суровый внешний вид, мужчина не менее восприимчив к печальям, чем женщина. И вот теперь Барма видел лишь себя самого и свои переживания. Он не готов терпеть все это и дальше, не готов мучиться в доме, где ему уже ничего не нужно. Он хочет, чтобы ему было хорошо.

– Отдохну?! Ты использовал меня всю мою жизнь, а теперь выбросил в костер, как сломанную игрушку?! – Хлебослава была тысячу раз права, рассказывая ему о своих бедах. Она только не могла знать, что он не понимает ее. Это не в его животе зрели дети, которых потом нельзя было накормить материнским молоком. Это не он сам изменился до неузнаваемости под действием тяжелых лет, не щадящих даже самую утонченную красоту. Это не он сам погряз в домашних делах, которые никем не считались важными и не уважались.

– Я не выбросил в костер... – пожал плечами Барма. Он полагал, что раз продолжит снабжать Хлебославу и детей всем необходимым, то большего и не нужно. Ведь, по сути, так и было в последнее время. – И если я использовал тебя – то это прекратится. А ты продолжишь использовать меня и дальше. Обеспечение у тебя останется, не переживай. Но сам я не хочу оставаться с женщиной, которой не нужен как мужчина.

– Значит, дело все-таки в другой женщине! – вспыхнула Хлебослава, которая подозревала эту причину и до их разговора. – Ты предал меня! Я всю жизнь была верна тебе! Всю жизнь я была только для тебя! И теперь, когда я уже не так красива, как раньше, ты нашел мне замену!

– Представь себе, я тоже был верен тебе. И я не нашел замену. Я просто хочу быть там, где я нужен... – Барма закинул на плечо котомку и двинулся в сени.

– Обожди, давай погугорим, обсудим все, – спохватилась вдруг Хлебослава.

– Нет, слишком поздно... – Барма почувствовал долгожданное облегчение: он выиграл. Хлебослава наконец признала, что он нужен ей. Но, как уже он сам сказал, слишком поздно – он не останется здесь, что бы она ни делала. А Хлебослава делала многое: она принялась кричать, плакать, настаивать, умолять, хватать мужа за рукава, распинаться в дверном проеме,

мешая ему пройти. Проснулись дети, которые поспешили на помощь матери. Но их подмога не дала желаемых плодов – Барма лишь еще пуще поспешил отсюда прочь. Его ждала молодая Услава и новые приятные впечатления.

А Хлебославу ждала нестерпимая мука. Скорбь, боль и отчаяние захватили ее. Хотя Барма не помогал ей по дому и с детьми, давно не лелеял ее и не хвалил, а время от времени и обижал. Но то, что он ушел, превзошло все его проступки, в ее глазах. Это было унижение и предательство, которые невозможно было снести. Словно с нее живьем содрали кожу, не могла Хлебослава ни есть, ни пить. Она то корила себя во всем, то обвиняла Барму. Дети пытались утешить ее, но становилось только хуже. Тщетное желание вернуть супруга сменилось ненавистью и болезненным озлоблением. Хлебослава не могла понять, что между ней и Бармой есть лишь одно существенное различие: она была готова терпеть что угодно и сохранять семью, а он не желал быть несчастным даже ради этой же семьи.

Ярило Вешний выдался ясным и теплым. Солнце припекало, ветер утих, по небу лениво плыли пышные облака.

В избе Велемиры шла суматоха: сборы на праздник, который должен был продлиться с зари и до ночи. Княжна наряжалась, желая на торжестве быть самой красивой женщиной для Трувора. Последний же до сих пор возлежал на перинах и зевал, хотя и ему уже следовало бы начать собираться.

Во дворе слышались голоса, которые ворвались в горницу через распахнутое окно. Особые обрядовые песнопения должны были привлечь внимание Ярилы:

– Ярило просыпайся, Ярило наряжайся!

– Землю отмыкай! Росу выпускай!

– На поле ядренистое, на поле колосистое! – пели голоса за окном.

– Я не понял, что значит «Землю отмыкай»? – заслушавшийся песней Трувор чуть не вывихнул себе челюсть зевотой. Он никак не мог заставить себя подняться. А все потому, что он и его друзья во главе с Рёриком вчера опять легли под утро. Велемире не нравился такой распорядок дня, но она понимала, что необходимо перетерпеть.

– Это праздник плодородия и мужской силы! – торопливо цепляя колты к своему красивому убору, нравучала Велемира. – Отмыкать землю, значит, сделать с ней то, после чего появятся плоды! – пояснила Велемира.

– Дай-ка я тебя разок отомкну, – шутливо предложил Трувор, ухватив Велемиру за подол и потянув к себе.

– Да что ты! – весело рассмеялась княжна, польщенная вниманием и страстью любимого. Височные кольца так и зазвенели на ее кокошнике. Не отличающаяся значительными внешними данными Велемира чувствовала себя желанной и красивой рядом с Трувором. Впрочем, как и любая другая женщина, оказывающаяся возле него. – Собираться надо... Нас уже ждут во дворе... Родной мой, – Велемира устремила свои исполненные любви глаза на Трувора, которого боготворила. Она впала в зависимость от его ласки, которую он отдавал легко, а может, и не только ей. – Потерпи до вечера... – Велемира уже поверила в силу своих женских чар, вообразив, что Трувор, и правда, томится в ожидании ее благоволения.

– Ох, я не вытерплю... – нарочито мученически простонал Трувор, подыгрывая Велемире.

А на дворе собралось множество народу. Все жители от мал до велика вывалили из жилищ, чтобы зреть, как Ярило, держа в деснице ветвь, а в шуйце – мёртвую главу, на своем белом коне объедет небосклон, благословив плодородием землю. Своими дарующими жизнь лучами он коснется молодоженов, мечтающих о потомстве, после чего можно будет ждать

наследников. Он также обязательно посетит леса и прикажет волкам не трогать домашних животных, заблудившихся или отставших.

Трувор и Велемира вышли на двор, где шли обряды и звучали песни.

– Пойду найду Рёрика, – Трувор двинулся к гриднице, оставив Велемиру наблюдать за коровами, которые, минуя калитку, перешагивали через брошенный кем-то пояс. Сие обрядовое действие должно было сберечь буренок и помочь им вернуться домой целыми и невредимыми.

Велемиру не увлекало стадо, поэтому она начала приглядываться к людям, которые были тут же во дворе. Она думала найти приказчика – пусть пришлет ей плотника, надобно поправить летние ставни. Но вместо него увидела иное знакомое лицо. Уверенной походкой Велемира двинулась к цели под шум песен и заговоров.

– Ярила Вешний, коровушек наших паси! – пел кто-то во весь окрест.

– Ярила Вешний, от волков их спаси! – поддержал кто-то зычно.

– В поле да за полем, в лесе да за лесом! – пропели все хором.

– Дай скотине траву да воду! А злому медведю пень да колоду!

– Услава... – обратилась Велемира к племяннице Бармы, стоящей среди наблюдающих за обрядом. – Почему ты до сих пор не готова?!

– Не готова? – переспросила Услава.

– Трувор и Рёрик собираются в город на празднование и молитвы, – напомнила Велемира, полагая, что Услава знает о планах и потому-то здесь и топчется. – Я думала, ты уже ждешь возле павозок! Возьми с собой накидку, к вечеру может быть холодно!

– Ладно... – согласилась Услава.

Празднование прокатилось по всему Изборску, перекинулось на деревеньки. Если с утра изборчане были заняты распашкой полей, то уже к обеду плясали и отдыхали. Но не все могли позволить себе предаться веселью в честь Ярилы. Волхвы на площади совершали обряды, от которых зависел грядущий урожай. Неясные магические действия привлекали зевак. Люди обступили посланца богов и наблюдали за ним, почтительно сохраняя тишину, никто не разговаривал и не смеялся. Ввиду последнего, Рёрик и Трувор не стали подходить близко.

– Что-то я не вижу сегодня Бармы, – Рёрик наконец заметил отсутствие на прогулке главы вече, который обычно сопровождал князя в Изборске. Сегодня в городе было много гуляющих. И все-таки Трувор и Рёрик переоделись в простых горожан для своего собственного удобства и чтоб не волновать изборчан лишний раз. Охрана, разумеется, была при них.

– Не знаю, где он, – пожал плечами Трувор.

– Может быть, Услава ведает? – подсустилась Велемира, подпихнув племянницу Бармы поближе к Рёрику.

– Да... Я ведаю... – ответила Услава, подняв на Рёрика глаза. – Там купец Рядович, друг его... Собирается в дорогу, он с ним хотел повидаться...

– А, ясно... – Рёрика устроил ответ и он продолжил созерцать невразумительное зрелище, которое несколько заинтересовало его. Семь бочек были расставлены вкруг. В центре фигуры стояла огромная ступа, а возле нее старый жрец тряс в руках большим ситом. Лишь присмотревшись, можно было понять, что он переливает воду из семи бочек в ступу. – Это надолго? – поинтересовался Рёрик, не направляя свой вопрос кому-то конкретно.

– Пока не наполнят бочку... – ответила Услава.

– Решетом они эдак и до осени не управятся, – усмехнулся Трувор.

– Пусть наполняют тогда... – Рёрик уже хотел пойти гулять дальше: праздник был хорошим предлогом для того, чтобы осмотреть город.

– Они уже заканчивают, – пояснила Услава, вновь глядя на Рёрика, словно вызывая его таким образом на разговор.

– Ну и отлично! – обрадовался Трувор. – Тогда можно уже идти на торжище! Там и скоморохи, и увеселенья, и еда! – Трувор мог развлекаться каждодневно. Он не уставал от подобного образа жизни. А вот Велемире такое давалось нелегко. Ей часто требовался покой. Она едва поспевала за неумным любимым и делала все, чтобы не надоест ему.

– Но обряд еще не окончен, – тихо заметила Услава.

– Неужели? – заулыбалась Велемира, задавая вопрос, который ждала племянница Бармы и который никого не интересовал. Когда-то ей самой, Велемире из Новгорода, не удалось занять месть возле Рёрика: ее перебила Дива. И теперь Велемире жаждалось утереть нос сестре руками другой женщины, в данном случае Услады. Первая и третья вполне могут быть дружны и не питать друг к другу неприязни.

– После ношения воды в решете волхв возьмет пест и будет толочь воду в ступе... – пояснила Услава. Она была действительно красива и молода, но не могла шутить или рассказывать захватывающие истории. Какому-то измученному непрекращающейся болтовней и шумом мужчине вроде Бармы было достаточно первых двух достоинств.

Лишь только Услава смолка, как волхв, и правда, взял в руки большой пест и стал с силой разбивать им содержимое ступы, словно выталкивая из воды то плохое, что могло накопиться в семи источниках. Со стороны же это действие выглядело забавно – можно было решить, что жрец просто дурачится.

– Похоже, мы всю свою жизнь заняты не тем, – усмехнулся Рёрик, обращаясь к Трувору и намекая на действия волхва, с виду не только лишенные смысла, но и сделавшие последнего уважаемым человеком без риска для жизни и утрат.

– Когда освободится место главного жреца, то назначь меня! – хихикнул кто-то из гридей за спиной князя.

– После того, как волхв закончит толочь в ступе, останется лишь заговорить воду, прописав по ней вилами... – продолжала Услава, хотя никто ни о чем ее не спрашивал. Велемира одобрительно кивнула, поскольку считала главным достоинством женщины ум. Ей казалось, что достаточно все хорошенько спланировать, чтобы оказаться замужем. Она не понимала, что речи Услады скучны. Хотя если бы их произнесли какие-то другие уста, то, возможно, они звучали бы любопытнее и вызвали бы интерес к персоне, их произносящей.

– Толочь воду в ступе – что за глупое занятие! – не постигал кто-то из дружины.

– Простая вода станет целебной сегодня... – объясняла Услава, которая не была стесненной или робкой, хотя со стороны могло так показаться из-за ее тихого тонкого голоса. – После этого ее разнесут по домам, добавив по канопке в каждую бочку с питьевой водой. Целебная вода передаст свою силу...

– На торжище пойдем? – обратился к Рёрику Трувор. Последнему уже не терпелось скорее подраться на кулачных боях или хотя бы выпить медка, прихваченного из погребов на прогулку.

– Впереди еще обряд кормления волков... – Услава решила выступить в роли путевода по Изборску. – Мужчины пойдут в лес и прикормят зверей подальше от дома, чтобы хищники не охотились на молодых животных...

– Ничего себе... – для порядка отозвался Трувор.

Смеркалось. Рёрик и Трувор гуляли по городу, иногда утоляя жажду глотками пряного нектара из таинственной баклаги. Верные гриди, а также Услава и Велемира сопровождали князя и его наместника. Услава делала попытки заинтересовать Рёрика – поясняла что-то или просто смотрела на него. Однако он не обращал на нее внимания. Возможно, был занят созерцанием города. А возможно, она была ему безразлична.

– Он даже не смотрит на меня... – тихо выронила Услава, когда они с Велемирой чуть отделились от остальных.

– Нужно подождать, – прошептала Велемира. Княжна была уверена, что ключ к успеху кроется в настойчивости. – Может быть, тебе запнуться?...А он тебя поймает...

– А если не поймает? Вдруг не успеет? – засомневалась Услава.

– Успеет. Говорят, он может поймать стрелу, – Велемира не доверяла подобным слухам и все же не преминула упомянуть, дабы вселить больше решимости в наперсницу.

– Я так не смогу...– Услава обладала слишком спокойным нравом для подобных дерзких проделок. Если бы понадобилось сравнить ее с кем-то из животного мира, то ей бы подошел образ мыши. Хотя по внешности она, безусловно, выгодно выделялась из серого множества.

– А что сказал твой дядя? Он дал тебе какие-то наставления? – уточнила Велемира, которая не знала, что между Бармой и Усладой возникла секретная связь.

– Он доверяет моему чутью...– ответила Услава. Она знала, что Барма отсутствует в городе. И потому легко отправилась на прогулку, не испытывая ни сомнений, ни угрызений. Она рассудила, что, выбирая из двух мужчин, нужно лхнуть к тому, которой сулит ей наибольшие будущности. Несмотря на миловидный облик, в ней было мало женской слабости и любви. Вот и ее дядюшка думал, что привязанность племянницы искренняя. И только Хлебослава всегда чувствовала, что с этой девушкой что-то не так. Но она не представляла себе, как лжива и черства Услава, готовая пройти по чужим костям.

– О чем вы там шепчетесь?! – слышался голос Трувора.

– Скоморохи позорище дают на площади...– ушла от вопроса Велемира.

– Позорище?! Хочу туда! – развеселился Трувор.

– Это понятно, – отозвалась Велемира. А затем шепнула Трувору на ухо, – «позорище» емсь от слова «зреть». Зрелище! А не позор...Хотя в последние годы, пожалуй, все это, и правда, превратилось в позор! – строгая Велемира осуждала срамные песенки и грубые шутки скоморохов, направленные на скрытую любовную сторону жизни.

На площади действительно резвилось несколько скоморохов в масках. Двое из них играли на дудочке и гусях. Другие выступали в веселом озорном представлении, изображающем сегодняшний праздник. Разыгранное действо не отличалось высокой нравственностью, иногда изображенные действия вгоняли в краску особенно чувствительных персон. Проказник-скоморох как раз пытался донести до зрителей, что именно необходимо сотворить Яриле Вешнему с землей, чтобы та породила урожай.

– Как такое может нравиться! – сетовала Велемира, обращаясь к стоящей рядом Усладе. – Срам и разврат!

– И кощунство, – поддакнула Услава. Они с Велемирой были похожи мировоззрением и манерой поведения, подчеркнута правильной на людях. – Нельзя высмеивать богов.

– Если мы останемся без урожая после таких выступлений, то это окажется неудивительно! – прокрипела Велемира. – Этих весельчаков следует наказать строго...– выразила свое мнение Велемира, обращаясь к Трувору и Рёрику. – Можно шутить безобиднее, не дразня богов!

В этот же самый момент один из паяцев изображал волхва. Одежда на нем была шутиливо раздута, подложенными под широкую мантию обручами – вырисовывалась преувеличенно грузная фигура служителя богов. Как раз сейчас изображаемый ведун водил по воде вилами с нарочито утомленным видом, что вызывало смех у зевак.

– Князь нравится представление? – неожиданно обратилась к Рёрику Услава, набравшись храбрости.

– Местами...– Рёрик был не в том настроении, чтобы разговаривать с кем попало. Именно так. Он говорил с Трувором, но беседы с посторонними были для него утомительны сегодня.

– Ты чего такой? – Трувор заметил, что князь грустит, несмотря на шутки, иногда слетающие с его губ.

– Задумался...– Рёрик не стал вдаваться в подробности. Он бы и не смог объяснить словами то, что чувствовал. Он достиг всего, чего желал, он преодолел множество преград и лихо сокрушил всех врагов, которые дерзнули противостоять ему. Но оказавшись на вершине успеха, он не ощущал себя счастливым. А даже напротив...Ему было...горько. Душа будто закована в неразрывные цепи. И в этот вечер захотелось самых низменных развлечений – пусть бы горели костры, пусть бы пели скоморохи, пусть бы мед и вино в баклагах не кончались, пусть бы на коленях сидела какая-нибудь девка и хохотала весело.

А тем временем, и правда, смерклось. Зажгли пламенники, дым от которых поднимался высоко в небо и, кажется, доставал до самых звезд. Рёрик и Трувор стояли чуть поодаль от места представления, но все же так, чтобы видеть выступление. В данный момент один из скоморохов показывал искусный трюк, который дивил публику. Его помощник вытаскивал в центр круга зрителей, которые с охотой принимали участие в сценке. Многие были уверены, что это настоящее волшебство, а не основанная на обмане зрения и проворстве рук уловка.

– Никакого уважения! – осуждала Велемира представление. Она не слыла мастерицей веселья: сама не могла выдумать ничего забавного, но, впрочем, иногда понимала, когда следует улыбаться чужим шуткам.

– Пусть лучше потешаются над волхвами, чем над наместником! – пошутил Трувор и сказал по сути правду.

На сцене вдруг появился еще один персонаж, который прежде не был замечен: скоморошница. Она была ярко одета, громко пела и смеялась задорно. Ее глаза светились огоньком, словно никогда прежде не было у нее на сердце никаких печалей. Она ходила среди толпы зевак и гадала по узорам на ладони каждому, кто желал проникнуть в суть туманного будущего. За это ей давали плату – в основном еду, хотя кто-то мог бросить в корзинку и какую-то безделицу. Увидев Рёрика, она сама подошла к нему. Возможно, поймала его взгляд. Он действительно смотрел на нее. Хмель захватил его голову. Разум отсеивал все лишнее, оставляя только то, что было необходимо для создания той картины счастья на сегодняшний вечер – костры, баклагы, девка. Охрана сначала встрепенулась, но не посмела вмешаться, видя, что князь беседует с женщиной.

– Сейчас я раскрою тебе твое грядущее, – кокетливо пообещала скоморошница, взяв Рёрика за ладонь. – Спроси, о чем хочешь.

– Что тебе нужно подарить, чтобы сегодня ты веселила только меня?

В княжеском детинце было тихо. Праздник завершился, и люди легли спать, поскольку на завтра их ждут тяжелые работы. Нельзя проспаться весну, нельзя ее и загулять. И лишь только из гридницы вырывался смех и веселые визги: пировала дружина, развлекаемая скоморохами.

– Покажи еще раз! – требовал повторить трюк один из захмелевших гридей, обращаясь к фокуснику. – Как он это делает?!

– Он чародей! – выразил догадку Трувор, не успевая проследить за действиями выступающего.

А князь тем временем поглядывал то на ловкача, то на свою гостью, весело хохочущую у него на коленях. Вечер получался именно таким, как ему хотелось. Правда, вместо костров горели свечи. Зато на столе красовался долбленный из корневища скобкарь, полный пива. По форме сосуд походил на пузатую утку, ручками-скобами которого являлись хвост и головка птицы. Тут же были разбросаны деревянные наливки с крючками, которыми еще до начала пиршества эти маленькие черпаки цеплялись за бортики скобкаря.

– А он чародей? – пьяным голосом уточнил Рёрик у скоморошницы.

– А как же иначе...– хихикала скоморошница.

– Правду говори...– Рёрик не очень верил в столь откровенные чудеса, которые производил ловкач. Скорее всего, какая-то уловка.

– Нет, он не чародей, просто быстро орудует, – шепнула на ухо Рёрику скоморошница. Она была веселой и легкой, как и положено в весеннюю пору. – Ты выглядишь утомленным...

– Ты сама усталая... – Рёрик был пьян, но подумал верно. Скоморошница уморилась. Сначала она и ее други развлекали толпу. Потом их привели сюда. Плата хорошая, отказываться было бы глупо. Но и усталость одолевает после трудного дня плясок и песен.

– Правда, – подтвердила скоморошница.

– Пойдем спать... – предложил Рёрик просто. Он не влюбился в скоморошницу, но она ему понравилась. Это две большие разницы для него.

– Я с тобой не пойду, – игриво заметила скоморошница.

– Почему это? – удивился Рёрик. Он не воспринял ее отказ всерьез. Он настроился, что она останется с ним сегодня. В его глазах, скоморошница – это нечто несерьезное, граничащее с теми же непристойными спектаклями, в которых она сама принимала участие.

– Потому что ты любишь кого-то другого, – прошептала скоморошница. – А я могу быть только с теми мужчинами, сердце которых свободно.

– И как же ты только догадалась? – поинтересовался Рёрик.

– Зело легко... – скоморошница широко улыбнулась. – Ты до сих пор не спросил, как меня кличут...

– Ах ты ж, точно... – согласился Рёрик сразу со всеми доводами. – Как тебя зовут?

– Зови меня Сойкой Пересмешницей... – ответила скоморошница после раздумий.

– Это имя?

– Это птичка... – улыбнулась скоморошница. – Яркая, веселая... И умеет подражать другим птицам, которые поют песенки...

– Да, это про тебя... – согласился Рёрик.

– А та, другая... Которую ты любишь... Она кто? Лебедь белая? – любопытствовала скоморошница.

Воцарилась пауза. На ум Рёрику шла только Дива. И он даже удивился, почему ему не вспомнились другие женщины, которые занимали его когда-то. Неужели он такой глупец, что страдает по ней?! Или, может, так действует разлука... Или нет, он все-таки глупец. Думал, что завоевал себе город, а на самом деле сам оказался в плену какого-то непонятного непривычного чувства.

– Нет... Не лебедь... – ответил Рёрик после раздумий. Он не обсуждал обычно подобные темы, его чувства были лишь в его душе, но не на его языке. И все же сейчас он не стал убегать от предмета беседы. К тому же обстановка располагала: его други что-то орали скомороху, все были заняты выступлением и весельем.

– А кто? – не отступала скоморошница.

– Тебе это зачем? – Рёрик впервые встречал женщину, которая легко и беззлобно обсуждала других женщин.

– Затем, что я помолюсь богам о тебе и твоей... – скоморошница задумалась, и ее лицо сделалось непривычно серьезным, но все таким же добрым. – О тебе и твоей горлинке... Попрошу богов сделать так, чтобы они привели ее в твои объятия...

– Правда? – Рёрик вдруг улыбнулся умиленно и счастливо. – Благодарствую...

Скоморошница заулыбалась и ее глаза заиграли теплыми огоньками. Она не была каким-то великим деятелем, готовым свершить могучие подвиги. Не была защитницей для угнетенных и обездоленных. Не была занята какими-то полезными делами вроде ткачества и прядения. Но умела иногда утешить того, кто заплутал в лесу печали и тоски.

– Какая ты славная... – Рёрик умел различать людей. И ему было ясно, что перед ним хороший человек, хоть и не выдающийся. – Проси что хочешь... – расщедрился Рёрик. Для хорошей не жалко сокровищ. Чего еще ей просить...

– Князь, не во гнев будет сказано... Одно у меня желание... – вздохнула скоморошница. – Не проси меня остаться. Отпусти меня к моему любимому...

– Ох, так у тебя есть любимый... – Рёрик не очень расстроился, а почему-то даже обрадовался за нее. У такой милой женщины должен быть любящий мужчина. – А как же тогда ты можешь быть «только с теми мужчинами, сердце которых свободно»?!

– Ну я же пошутила. Ни с кем я не могу быть, кроме него, – скоморошница и сама понимала, что играет в опасные игры. Всю свою жизнь. Скоморох голос на дудке настроит, а житья своего не устроит.

– И где же он?

– Ну... – скоморошница колебалась, не зная сказать правду или обмануть. Кто знает их, знатных людей. С ними надо осторожно. Одному скомороху, который про прошлого князя, Изяслава Изборского, слагал нелестные стихи – откусили язык щипцами. А ее подругу, которая точно также развлекала какого-то богача, похитили, и больше ее никто не видел, может, не жива она даже уже. А ее брата, который пел красивее самих богов, ослепили и оставили до конца жизни услаждать чужой слух. Там где власть, там нет закона.

– Не бойся, говори, – Рёрик был уже очень пьян, но ясности ума не утратил.

– Тот, что волшебство показывает... – кивнула скоморошница на фокусника.

– Ох, так, оказывается, чародей... – Рёрик немного удивился, что ее возлюбленный здесь и спокойно выделяет фокусы, пока она сама сидит на коленях у другого. – Как же только он отпускает тебя...

– Он верит в меня, – ответила скоморошница. – Так отпустишь?

– Конечно... Только не забудь помолиться за меня своим богам...

Велемира и Услава стояли под навесом и тихо секретничали. Несмотря на то, что приближалось утро, небо не прояснялось, а наоборот затягивалось тучами все сильнее. Собирался дождь.

– Ему понравилась эта поганая скоморошница, – злилась Велемира.

– Опять все тщетно, – расстроилась Услава. – Что же делать?

– Ну сегодня уже ничего не сделаешь. Он будет с ней. Главное, чтоб утром эта глупая шутиха не решила тут жить остаться... Ее только не хватало нам над собой!

– Если она останется, то все пропало, – Услава трезво оценивала свои успехи, которые были более чем скромные. Она не соперница даже обычной шутихе с ярмарки. Почему-то не лежит душа князя к ней.

– Скорее всего так... – подтвердила Велемира. – Дождемся утра, а там видно будет... Доброй ночи...

Велемира и Услава уже собирались прощаться. Однако вдруг увидели, как из гридницы выходят скоморохи и тянутся в сторону ворот. Они несут корзины и сундуки – похоже, княжеские подарки. Скоморошница тоже идет вместе со своими друзьями – ее легко узнать по яркому платью.

– Смотри, они покидают! – поразились Велемира. – И она тоже! Он ее прогнал! Он понял, что ты гораздо более достойная особа! По крайней мере, ты не смеешься над гнусными непристойностями! Не говоря уже об участии в этом сраме!

– Выгнал? – усомнилась Услава.

– Главное, что путь свободен... – Велемира повернулась к Усладе и поправила той волосы и накидку. – Ступай... И помни: более подходящего случая не будет.

Глава 8. Женский день

Этот день в Новгороде выдался хмурым. Дождя не было, но тучи сгустились на небе, обещая к обеду что-то. Несмотря на весеннюю пору, дул холодный ветер.

Вольна с самого утра чувствовала себя скверно: в последнее время у нее часто болела спина. Красавица не могла выявить причины. Кутаясь в платок, Вольна лежала на перине и слушала шум улицы. Это было не столь уж занимательно. Так что когда раздался стук в дверь, Вольна обрадовалась. То была Васса. Она обычно приходила в первой половине дня, часто к завтраку, и потом подруги проводили время вместе, занятые беседами и поглощением напитков и яств.

– Я уж заждалась тебя, – Вольна кивнула подруге, впуская ее в дом. Началось привычное словоблудие.

– Как спина? – забеспокоилась чуткая Васса.

– Плохо. Не помогает ничего. Уже неделю возлежу... Мажу... Мыслию, может, покой нужен... – посетовала Вольна, доставая привычным жестом из-под стола деревянную баклагу с хмельным медом. – Рада, кипрей завари нам погорячее...

– Знаешь, мне кажется, надобно другое попробовать. Совсем обратное, – предположила Васса, пододвигая Вольне две широкие канопки. – Может, эта хворь как раз от покоя и случилась? Мало на дворе бываешь. А дома токмо возлежишь.

– Ох не ведаю... – пожала плечами Вольна, даже в этот самый миг испытывая окостенелость в руках и ногах. С некоторых пор она стала ощущать себя старше собственных лет и не понимала отчего так.

– Ты все спишь. Эдак тело твое забудет, как ходить и бегать, – в силу своей общительной натуры Васса проводила много времени на прогулке. И у нее никогда ничего не болело. А засыпала она быстро и спала крепко. – Надо тебе встать да воды что ль потаскать в ведерках! Размять кости! – не то пошутила, не то сказала правду Васса.

– Ты в своем уме? – оскорбилась Вольна. А тем временем ее тело, лишенное всяческих нагрузок, действительно теряло упругость и силу. Как намокшая тряпка, оно становилось дряблым. И дряблость эта шла откуда-то изнутри – внешне Вольна пока оставалась хороша собой, ухожена и нарядна. Впрочем, при внимательном рассмотрении были заметны некоторые изъяны, возникающие от праздного образа жизни. Даже сейчас проворная Рада накрывала стол, а Вольна сидела на лавке и зевала у окна.

– Шучу... – Васса привыкла к тому, что любое слово может рассердить высокопоставленную подругу. – Весна пришла... Скоро лыко начнут собирать... – размышляла Васса, которая всегда была в гуще новостей. – На торжище утром встретила Пригоду. Говорит, крестьяне уже отправились срубать молодые лутушки, кору драть. Много дубового лыка дружина зараз себе на кольчуги и щиты забрала...

– Это правда. Оскольд с Диром в поход выступают. Вот и понадобилось снаряжение, – пояснила Вольна с видом знатока. Потянув канопку к губам, сделала глоток и ощутила, как по ее телу разлилось приятное тепло. Время было еще раннее, в такое обычно не пьют хмельного. Ну а с другой стороны, они с Вассой тоже не пьют. Они всего лишь добавили немного крепости в чай. Чтобы токмо согреться в столь неприятный день! А ей самой, Вольне, нужно снять это никак не проходящее напряжение. Чай с хмельным медом успокаивает ее, после такого напитка ей становится несколько легче.

– А сколько скота понадобится для похода... – развела руками Васса, тоже облизнув свой сосуд с лукавым чаем. Она все поспевала: и торжище посетить, и новости собрать, и с Вольной медов и вин испить. – Стадо!

– А как ты полагаешь! Без снеди в путь не ходят...

– Говорят, народ недовольтвует. Дань тяжела в этом году. Пригода поведала, что на том княжеские уроки не иссякают... – Васса взяла со стола деревянную ложку и опустила ее в туюсок с янтарным медом – ей нравилось подслащать им терпкое питье с созвучным названием. – Сколько дуба мореного заготовлено, а все мало выходит... И зачем князю именно этот дуб понадобился? – задалась вопросом Васса.

– Не ведаю... – зевнула Вольна. День только начался, а ее уже клонило ко сну. Наверное, пасмурная погода виной.

– Говорят, он прочен, как камень... Жаль, встречается редко...

– И добыть его тяжело. Такой дуб только на дне водоемов имеется... – вмешалась в беседу Рада, подметающая горницу. – Мой дед был чернодеревщиком... Он сказывал, что сие древо изменчиво и прихотливо. Как раз потому, что не один век под водой покоится. Как из реки его достанут, так тут же и распиливать надобно. Была история еще при старом князе: нашли много стволов таких где-то... И князь сразу повелел их все изловить. А потом терем выстроить такой, чтоб равных не было ему...

– Да? И где сей дивный терем невиданный? – справилась Вольна, кутаясь в платок.

– Терема так и не возвели. Все дело как раз в том, что дуб тот из реки-то выловили, а вот распилить не успели... – вздохнула Рада. – Ну и пропала вся древесина бесценная! Ведь коли оставить без догляду ее на несколько дней, так сразу все особенные свойства и потеряются разом. Князь тогда бушевал. Все думали, казнит деревщиков.

– Так казнил или нет? – хмыкнула Вольна.

– Нет, не казнил. Но ругал крепко. Полгорода слышало, – пошутила Рада, вспоминая князя Гостомысла, имя которого теперь упоминали все реже.

– И что за свойства у этого дуба? Прочен? – поинтересовалась Васса, засовывая в рот очередную ложку с медком.

– Дуб всегда прочен. Это все знают, – изрекла Вольна с видом мудреца, который постиг истину во всех формах ее проявления.

– Ну, он не только прочен, но и божественно красив... Говорят, трон самого Сварога высечен из дуба мореного, – сообщила Рада, вытирая взмокший лоб полотенцем. – Ведь древесина у него необычная: черная с прожилками серебристыми... Долго под водой томится, чтоб такой окрас приобрести.

– Теперь ясно, зачем *ему* именно этот дуб потребовался, – покачала головой Вольна, вспомнив Рёрика.

– Кстати, а егда же возвращается наш князь? – после длительных прений о дубе, спросила вдруг Васса.

– Не знаю. Мне не докладывается... А что такое?

– Да вот, думаю, как лучше все устроить, – нарочито беззаботно размышляла Васса как ни в чем не бывало.

– Что устроить? – Вольна не понимала, о чем говорит подружка, но ей стало вдруг не по себе.

– Мирен хочет жениться на мне, – сообщила Васса, огорошив этой новостью подругу. – А мы и порассудили, что надобно дождаться князя...

– Мы полдня обсуждали какую-то пустую ерунду, а теперь вдруг промежду прочим ты заявляешь, что идешь замуж?! – у Вольны было такое чувство, будто ей дали по голове обухом и она туго соображает.

– Ну да, а что в этом такого... – Васса значительно осмелела за последние несколько дней. Еще недавно она бы не позволила себе злить свою влиятельную покровительницу. Но теперь все иначе. Нет, определенно, Мирена надо брать! Стерпится и слюбится. А уже сейчас понятно, что жених отменный. Вон как лицо у подружки вытянулось!

– «Что такого»? – вскипела Вольна, пока Васса довольно скалилась. – Я думала, между нами нет тайн!

– Нет, конечно. Вот я тебе и ведаю самой первой, – улыбалась Васса, засовывая в рот пирожок с печенью и чесноком.

– Когда я справлялась у тебя про Мирена, ты отвечала, что он лишь знакомый! – напомнила Вольна.

– Так и было, – насмехалась Васса. – Но все столь быстро меняется...

– Значит, все это время ты его крутила, а мне и словом не обмолвилась? – нахмурилась Вольна.

– Ничего такого, – покачала головой Васса. – Не крутила я его вовсе. И не придавала значения его участию. Да что ты серчаешь? Я уповала, ты возрадуешься со мной вместе, – разумеется, Васса на это не рассчитывала.

– Я радуюсь. Но мне неясно, почему ты все сокрыла. Это же не пустяк какой! В чем причина?! – на этих словах Вольна нечаянно поймала взгляд Вассы, в котором ясно читался пугающий ответ. Несмотря на совместный досуг и смех, они давно уже не друзья. Кто первый переступил черту теперь неважно. Но доверия между ними больше нет. Хотя все это время они были взаимозависимы: Вольна кормила Вассу, а Васса молчала о секрете Вольны, который не ведал ни один человек, живущий в Новгороде. – Я счастлива за тебя, – переменялась тут же Вольна, понимая, что вскоре ей уже нечем будет воздействовать на Вассу. И уж лучше худой мир, чем добрая ссора. – Но и обижена немного, что ты от меня утаиваешь... Я-то тебе все доверяю, – примирительно закапризничала насторожившаяся Вольна. – Ты же знаешь, как я за тебя пекусь...

– Мне нечего было доверять, – спокойно соврала Васса. – Брось обиды. И давай лучше все обсудим. Мы с Миреном думали, что лучше устроить свадьбу на Ярилин день... Но князь отсутствует и решили отложить...

– Ты любишь Мирена? – первым делом спросила Вольна, воскрешая в памяти образ молодого боярина. Кажется, он не особенно красив, не славен отвагой на полях брани. Зато у его семьи есть имя. И состояние.

– О да, любовь накрыла меня, словно бурные волны Дуная! – Васса извлекла урок из истории Вольны и не откровенничала ни с кем из женщин. И да, никому на свете не сможет Васса признаться в том, что идет замуж по расчету. Мирен должен быть уверен в том, что он любим.

– Истинно говоришь? – засомневалась Вольна, одарив Вассу недоверчивым взглядом.

– Конечно! – для вида возмутилась Васса. На что Вольна утвердительно кивнула, видимо, поверив. Все-таки Мирен не так уж плох. Для дворянки Вассы лучшего жениха и не пожелать.

– Это хорошо... Ну он-то тебя и подавно...

Подруги долго еще обсуждали эту новость. И вроде бы по-доброму. Даже вновь наполнили сосуды, заменив канопки с чаем на кубки с медом, дабы закрепить в памяти сей великий день. Вольна обещала Вассе помочь с приданым и всячески выражала свою поддержку. А Васса в свою очередь обнимала и целовала подругу, твердя о том, что Вольна ей аки сестра. Но в какой-то миг взаимные восторги были прерваны стуком в дверь.

– Кого принесло? – уже порядком захмелевшая Вольна удивленно вскинула брови. Кубок застыл в ее руке. – Рада, отвори, – приказала Вольна.

Служанка унеслась в сени. Но вскоре вернулась в сопровождении женщины, скрытой под широкой безрукавной епанчой. Последняя скинула капюшон и явила свой лик. Ее облик свидетельствовал о том, что она хотела остаться незамеченной, заходя в этот дом.

– Гудрун? – Вольна немного растерялась. Она помнила, какое дала задание домохозяйке. И теперь понимала, что момент для разговора неподходящий. – Придешь позже...

– Да я на мгновение всего... – с виду походило, будто гостья не поняла намека. Однако это было не так. Гудрун и Арви тщательно продумали каждую мелочь, в том числе то, когда следует явиться исполнительнице опасного распоряжения с отчетом. – Я выполнила желание госпожи...

– Об этом позже... – забеспокоилась Вольна, поднимаясь на ноги из-за стола. Но не успела она ступить и шага, как Гудрун тут же достала из-под полы узелок и проворно развязала его. На стол выскочила круглая серебряная диадема, закрутилась на скатерке и остановилась, загоревшись ледяными огнями сапфиров и алмазов. – О боги... – растерялась Вольна. В ее чуть заторможенном мозгу все казалось еще более медленным, чем было на самом деле.

– Лепота... – прошептала Васса, глядя на изумительное украшение, сделанное будто нечеловеческой рукой. Серебряное плетение тончайшим ажуром увило очелье, переходя в плавно изогнутые дуги.

– Я же сказала не приносить сюда... – Вольна смотрела на украшение и не могла оторвать глаз: ее поразила красота и изящество этой вещи.

– Госпожа, прошу простить, но рука не поднялась выбросить в реку... – пояснила Гудрун. И слова ее звучали вполне правдиво: ни у одной женщины не поднялась бы рука выбросить сие сокровище.

– Разве можно в реку... – прошептала Васса, чуть дотронувшись кончиком пальца до короны, словно боясь осквернить божественную реликвию. – Похожа на ту, что у Леи попала...

– А ты почему знаешь? – Вольна перевела взгляд на подругу, наконец оторвавшись от короны.

– Так это корона Леи? – Васса брякнула наугад, но сразу попала в цель.

– Это корона Вольны! – поправила Гудрун, подтвердив тем самым догадку Вассы.

– Никому ни слова... – Вольна вперила в подругу угрожающий взгляд. – Смотри не проболтайся. И я не поняла, откуда ты знаешь про корону Леи?!

– Так ведь заклич с утра на площади был... – Васса уже ранним утром побывала в городе на торжище.

– Что значит «заклич»? – не поняла Вольна, сдвинув брови.

– Ну это когда происходит кража... – пояснила Васса. – Если у кого-то пропадает вещь, то ее начинают искать. На площади вестник о ней выкрикивает: как она выглядела, у кого украли, что получит тот, кто найдет ее...

– Неужто? – удивилась Вольна столь развитому устройству новгородского общества.

– У нас тут такие правила истари, по закону живем, – слышался голос Рады из-за печки.

– Рада, ты вообще не суй нос в хозяйский разговор! – изрекла вдруг Вольна, удивив новым наказом женщин, собравшихся в ее избе. Обычно она не обрывала Раду, иногда беседовала с ней. – Так... Мне надо подумать, что делать дальше с этой побрякушкой... – Вольна потерла подбородок. В горнице слишком много народу. Но это не просто люди, это свидетели. Глупая Гудрун! Нашла время, когда корону приносить. – Потребуется все же бросить ее в реку, – решила Вольна.

– Красивая шибко, жалко... – отозвалась Гудрун.

– Правда, жалко, – подтвердила Васса. А тем временем все четыре женщины, словно зачарованные, не сводили восхищенных глаз с диадемы. – Вещь дорогая. Мало ли понадобится заплатить кому-то. Такая много стоит. За нее любую услугу окажут... – рассудила практичная Васса.

– Выбросить всегда успеем, – уговаривала Гудрун. – Далеко ль разве до реки...

– Так муж Леи скоро в поход идет, – вспомнила вовремя Васса. – Она, скорее всего, с ним увяжется... И все забудется само.

– Если необходимо, то я брошу корону в Волхов, хоть и жаль ее, – с готовностью подтвердила Гудрун. Дело ведь не в том, где будет корона храниться эти дни. Главное, где она отыщется в нужный момент.

– Женщина в походе... – закатила глаза Вольна. Она понимала, что даже если сейчас немедленно избавиться от краденой вещи, это уже не изменит главного: Васса и Рада знают, кто похититель. А корона, и правда, очень дорогая. Мало ли что еще будет, может пригодиться.

– Ну она же не в бой ринется, а так, сопровождает... – пожала плечами Васса. – Любит по свету колесить, говорят. Пока ее муж где-то, она недалеко от него. То в одной избе поживет, то в другой. Богатым гостям всегда рады ж... А она, чай, не с пустыми руками на постой просится...

– Да знаю я! – раздраженно оборвала Вольна подругу. Васса не сказала ничего возмущительного или заслуживающего столь недовольного тона. Но Вольна давно уж пребывала в состоянии напряженности, и даже с уездом Дивы эта напряженность никуда не девалась, а только нарастала, как снежный ком, катящийся с горы. А Вольна никак не могла отыскать причину происходящего, наивно полагая, что сие состояние получится заесть и запить.

– Ладно, оставим пока, может, и правда, сгодится на что... Но чтоб никому ни слова. Ни одна из вас. Иначе всех накажу! – погрозила Вольна.

Сегодня Арви не пошел в гридницу: с самого утра у него стучало в висках. Вероятно, так отозвалась его голова на резкую смену погоды. Пора ему сделать перерыв и отдохнуть дома. Один день уж как-нибудь без него государство протянет.

Подойдя к поставцу, Арви извлек из него небольшой сосуд с чудодейственным содержимым – особым настоем из хмельного меда и лекарственных трав, который изготовили знахари для тиуна против его сосудистого недуга.

Осушив стопку, Арви вытер усы и убрал лекарство обратно на полку с посудой. Он уже собирался отправиться в опочивальню и забыться сном, как расслышал стук в дверь. Наверное, это вернулась Роса. Она еще с утра укатила с другими бабами в город. Торжище не каждый день случается, и княжна никогда не пропускает его. Бывает, на дворище приходят коробейники: за плечами тяжелеет вместительный пестерь из лыка, а на устах – улыбка. Но Роса не любит товаров этих навязчивых ходебщиков: выбор небольшой. А может, ей просто нравится ездить куда-то. Ведь молодой женщине хочется на людей посмотреть да себя показать. В этом нет ничего дурного.

Поправив рубаху, тиун двинулся в сени, зевая. Засов не был заперт. Арви подтолкнул дверь. И тут же в дом, словно мышь, проскользнула женщина в епанче. Капюшон скрывал ее лицо.

– Гудрун... – тиун узнал гостью сразу. – Быстро ты... Рассказывай...

– Я сделала все, как ты придумал... – начала служанка Умилы.

Пока она говорила, Арви заметил в ней некоторые перемены. Волосы ее не были спрятаны под платок, ровным полотном стелились они по ее плечам. Нить бус украшала лоб и темя женщины. Прежде Гудрун никогда не наряжалась.

– Дождалась я, пока Васса придет. И занесла корону Леи в избу Вольны... – вспоминала Гудрун. – Ох, Вольна и рассерчала на меня! Потом даже на улице догнала и отчитала, что я ей при всех отдала корону. Но я прикинулась простой и недогадливой, как ты и велел... Ты все продумал... Теперь Вольна от позора не уйдет, а наша княгиня Умила будет довольна... – Гудрун смотрела на Арви почти с таким же восхищением, с которым Вольна и Васса недавно разглядывали упомянутую корону Леи.

– Мы еще не закончили, расслабляться рано, – напомнил Арви. – Нам нужно, чтобы нарыв вскрылся в нужное время, а не самопроизвольно. Корона обнаружится в вещах Вольны лишь после приезда Рёрика. Пусть князь приедет и, вместо радости встречи, на него обрушатся

пренеприятные вести: та, что метит в княгини, будет уличена в воровстве и зловредных интригах...

– Но я вот о чем думаю... – зашептала Гудрун, приблизившись к уху Арви. Он даже чуть наклонился к ней, чтобы лучше слышать ее голос. – Что если Васса никому ничего не разболтает? Она кажется верной подругой...

– Я уверен, что Васса никому ничего не разболтает, – усмехнулся тиун. – Однако это и неважно. Когда наступит час, и мы сообщим Рёрику о короне, то сошлемся якобы на слова Вассы... Будто это она нам доложила... – Арви ощерился охотничьей кошачьей улыбкой. – Таким образом мы не только унизим Вольну в глазах города, Рёрика и всей дружины... Но и лишим ее верной подруги, которая до сих пор всегда была с ней, несмотря на гадкий нрав Вольны...

– Она останется одна, – со смаком произнесла Гудрун. Уж она-то знала, о чем говорит, и как горько одиночество. Но не то одиночество, которое бывает у людей, живущих самостоятельно без семьи. А то одиночество, которое случается у одиноких душ, не нашедших себя. Вольна всегда будет оставаться среди людей, но с кем из них она сможет делиться своими думами так, как уже поделилась с Вассой?..

– Да, мы лишим ее поддержки. Если ты заметила, она стала крайне несдержанной, взбодраженной... – Арви помнил, что у Вольны всегда был мерзкий нрав. Но теперь она с каждым днем становилась все сварливее и высокомерней. Такое случается с теми, кто не обладает властью и положением изначально, а получает их внезапно. – Часто кричит и негодует. Такое утомляет мужчин. Рёрику сие точно долго не придется по вкусу...

– Я заметила, что она стала дурнее выглядеть... – Гудрун больше волновали внешние изменения, произошедшие в Вольне. – Начала стареть.

– Старость неизбежна. Однако Вольне еще далеко до седых лет, – заметил тиун, который и самого себя не считал старым, а уж Вольну и подавно. Когда он был молод, ему казалось, что все, кто старше него – уже почти одной ногой в кургане. Но теперь, когда он сам старше большинства, он понимает, что его жизнь в разгаре. – Она в самом расцвете сил, все такая же красивая и яркая.

– Не такая же, – поспорила Гудрун. Красавицы нередко прощают другим внешние недостатки, а дурнушки, напротив, оказываются крайне требовательны. – Сегодня я разглядела ее зело внимательно. Талия Вольны уже не так стройна. А ее лицо обсыпало pupырями...

– Ну скажешь тоже... Обсыпало pupырями... – усмехнулся Арви. – Вылезла пара вскрупин... Ну так надо меньше меда и вина в себя ей пихать...

– Она пьет вино?! – поразилась Гудрун, которая никогда еще не пробовала хмельного: женщинам такое неприлично.

– Еще как... Они с Вассой частенько выпивают, пока никто не видит... – Арви знал о питейной тайне двух подруг со слов Миравы. Последняя в свою очередь узнала обо всем от Рады, с которой они раньше встречались тайком по поручениям Дивы.

– Об этом наш князь также должен узнать! – правильная Гудрун посчитала, что сие есмь самое возмутительное из всего – женщина и питье!

– Узнает скоро... – подтвердил Арви зловеще. – Видишь, что делает гордыня с человеком... Она ослепляет... Вот и Вольна уже сейчас вообразила себя госпожой, а нас – своими слугами.

– И теперь судьба госпожи в руках ее слуг, – ехидно отметила Гудрун. – Она приказывала мне молчать, когда я принесла корону. Но я не послушала ее. Вот и цена ее указов!

– Ты очень хорошо справилась, – похвалил Арви исполнительную служанку Умилы. Изначально Гудрун была грубой и наглой, хамила ему, но он быстро поставил ее на место. И вот итог. Она исполняет его приказы. Хотя он не забыл ее угроз и дерзостей.

– Ты доволен, как я все устроила? – переспросила Гудрун, желающая получить похвалу. Впрочем, ей не столько похвала была нужна, сколько доброе слово от тиуна, к которому она лишь недавно прониклась доселе неведомым ей чувством. Не будучи красавицей, она не привлекала мужчин. Никто не обращал на нее внимания, она привыкла к этому. Однако с Арви ей приходилось общаться часто. Сначала она поучала и одергивала его, но потом стала замечать его ум и хладнокровие, которые ей понравились, в них она видела доказательство его силы. В отличие от других мужчин, он разговаривал с ней подолгу, мог дать какой-то совет, а несколько раз даже помог в чем-то. И Гудрун влюбилась. Его возраст не смущал ее: она сама была старше Росы. Что до внешности тиуна, то он хоть и не был удалым молодцем, но обладал высоким ростом и сохранял некоторую ладную форму. Он был строен. Его живот не обвис. А короткая посеребренная сединой бородка была всегда аккуратно острижена и причесана. Арви не блистал модными одеждами – он мог носить одну и ту же вещь год за годом, но при этом его наряды были безупречны: ни пятнышка, ни дырки. А сапоги и вовсе всегда сияли, натертые маслом. – Я очень старалась...

– Да, ты умница, – похвалил Арви.

– Я хотела, чтобы ты возрадовался... – произнесла Гудрун негромко. Они с Арви стояли совсем близко друг к другу, так как до этого шептались. И вот теперь губы Гудрун вдруг потянулись к губам Арви. Она помнила, что у него есть жена, которую он любит. Он слывет образцовым мужем. Ну и что же с того! Ей самой, много знающей и умеющей Гудрун, он тоже нужен!

– Что с тобой?! – Арви оттолкнул от себя служанку Умилы, не позволив ей поцеловать его. Сначала он подумал, что Гудрун хочет сказать ему что-то еще. Но когда она почти коснулась его губами, он опомнился. Он не желает ее объятий и не приемлет их.

– Я... – растерялась Гудрун. На миг ей стало невыразимо обидно. С другой стороны, может, дело и не в ней. А в нем самом. Он желает оставаться верным супругом? Но ведь Роса не такая уж и непорочная, как он думает!

– Ладно, все... Если это все, то ступай, – Арви одернул рубаху. Порыв Гудрун его не изумил и не тронул. Он уже несколько дней назад заметил, как она смотрит на него. Ну что ж, весна, увлечения – дело молодое. И тем не менее ему не нужны с ней хлопоты. Пусть даже не пристаёт к нему со своими нежностями, а поищет кого-то другого.

– Это не все, – Гудрун не пожелала сносить обиду молча. – Есть еще кое-что, о чем тебе следует знать!

– Молви и иди, я хочу успеть поспать, – Арви говорил строго, но не корчил из себя задетого и оскорбленного. Можно сказать, он даже не придал значения подвигу Гудрун.

– Ну вряд ли ты сможешь уснуть после такого... – едко заметила Гудрун.

– Что подразумеваешь? – Арви не понял, куда она клонит. Разве он похож на того, кого столь легко вывести из себя и лишить покоя?

– Ты хотел, чтобы Агат выяснил, как звали мужика, с которым спуталась твоя Роса... – неожиданно изрекла Гудрун. – Так вот я могу назвать тебе его заветное имя... – Гудрун обиженно надула губы и отвернулась от Арви, полагая, что он начнет уговаривать ее открыть ему тайну.

– Как... – опешил Арви. Он помнил о том задании, которое дал Агату еще зимой. Но он также уже и успел успокоиться, посчитав, что все сплетни – лишь выдумки и вздор, коли Агат так ничего и не выяснил. По правде говоря, они даже не возвращались к этой теме вовсе.

– Так! Не ожидал?! – Гудрун была не нежным бутонем, но жгучей крапивой. И даже сейчас, испытывая тягу к тиуну, она при этом норовила хлестнуть его побольнее безжалостной плетью правды, уповая именно таким образом отвратить его от жены и приманить к себе самой.

– И кто он?... – Арви чувствовал себя так, словно ему дали по голове мешком с мукой.

– Не скажу, – Гудрун заложила руку за руку. Ей хотелось, чтобы он убедил ее. Чтобы попросил. Обратился к ней, в конце концов, как к своему другу! Разве они не друзья? Она

выполняет все его рискованные приказы, подставляя себя под удар! А если б ее поймали в доме Леи, где она искала диадему?!

– Говори, раз начала, – сон Арви как рукой сняло.

– Не буду! – гаркнула Гудрун, сжав губы в знак молчания.

– Тогда уходи отсюда, – процедил Арви. Он хотел верить в то, что она ничего не знает и лишь умышленно его злит. Ох, зачем Умила прислала эту вздорную бабу сюда! От нее вреда больше, чем пользы. Вместо того, чтобы неустанно трудиться над искоренением древа по имени Вольна, она тут клеится к нему и плетет интриги. – На выход, – Арви строго указал Гудрун на дверь.

– Ты простофиля, над тобой скоро все смеяться будут! – ткнула Гудрун. А затем подобрала юбки и поспешила на крыльцо. Она поняла, что растревожила Арви своими заявлениями. Ей хватило хитрости на то, чтобы не выдавать ему сразу все козыри. Пусть помучается. А потом сам к ней придет!

Гудрун спускалась по лестнице, глядя на ступеньки. И тут же возле крыльца столкнулась с женщиной. Ею оказалась хозяйка дома – Роса.

– Княжна... – сквозь зубы поприветствовала Гудрун, мстительно глядя на растерянную Росу, которая даже не знала, кто перед ней стоит.

Роса проводила взглядом незнакомку и вошла в сени, поставила на лавочку корзинку, в которой были покупки с торжища. Княжне не понравилось, что она видела какую-то женщину, выходящую из их с Арви дома. Что незнакомка тут делала в отсутствии хозяйки?!

– Арви, кто это был? – Роса заметила мужа в дверях. Он стоял без движения, сдвинув брови. Хотел он того или нет, но слова Гудрун растревожили его. – Эта женщина заходила сюда, пока меня не было?

– Да. Это Гудрун, – ответил Арви после паузы.

– Так это она и есть? – Роса знала о служанке Умилы, по рассказам Арви. – Почему ты пустил ее в наш дом? – Роса обвела мужа взыскательным взглядом. Тиун стоял в портах и не подпоясанной рубахе, ворот которой был расстегнут впридачу. Сие соответствовало облику сонного человека, едва проснувшегося или собирающегося спать, но мнительная Роса растолковала картину по-своему. – Что тут происходило?

– Ничего тут не происходило... – обычно Арви льстило, когда Роса ревнует его. Но только не сейчас. Его вновь захватили подозрения, которые вытеснили все прочие чувства.

– Да ты едва одет! – возмутилась обычно смирная Роса.

– Я собирался поспать... – Арви пошел в горенку, погруженный в собственные мысли. Роса что-то говорила ему. Но он не слышал ее. Это было неумышленно. Он очень задумался, словно запершись в какой-то дальней избушке в лесу, расположенной где-то глубоко в его мозгу. Он опомнился лишь тогда, когда она дернула его за рукав. – В чем дело? Что ты хочешь?

– Я хочу знать, что тут делала эта женщина! – бунтовала Роса. – Ты не пошел в гридницу под предлогом дурного самочувствия. А теперь я застаю тебя с ней здесь. Она без платка, да ты и сам едва одет!

– Роса, ну что за чушь ты изрекаешь... – Арви пошел одеваться. Он принял лекарство, которое должно было способствовать его крепкому сну. Но теперь он хотел пойти на улицу и поразмышлять, ведь уснуть ему, и правда, не удастся. Из-за визгов Росы, из-за собственных мыслей.

– Ты сказал, что собирался спать! А теперь вдруг одеваешься! – Роса заметила, что муж не такой как обычно, а причины истолковала на свое усмотрение.

– Роса, прекрати немедленно... – Арви надавил на виски. Его голова вновь заболела. – Сейчас не до твоих причуд.

– Вот как?! – насупившись, Роса схватила плетенку и умчалась в дальнюю горенку. Обычно Арви шел за ней в подобные моменты. Но только не сегодня.

Одевшись, Арви вышел на улицу. Холодный ветер фыркнул ему в лицо. Тиун двинулся по влажной дорожке в гридницу. Дождя не было, но все вокруг будто отсырело. Настроение Арви было поганым. Слова Гудрун задели его, хотя он допускал, что эта злая баба нарочно его ковырнула. Но почему же тогда он почувствовал некоторое неприятие и к Росе?

Боли в голове тиуна постепенно ослабевали. Вероятно, тому способствовал свежий воздух. Арви увидел впереди, всего в несколько шагах от себя, трех женщин. Они о чем-то говорили и смеялись, кутаясь в плащи.

– Тиун... – вежливо поздоровались хохотуны, узнав княжеского слугу.

– Доброго дня... – Арви кивнул женщинам. А одной из них даже чуть поклонился.

– Что ж... Увидимся позднее, у меня есть еще дела на дворнице... – та женщина, которой кивнул тиун, отделилась от подруг и пошла следом за ним в гридницу.

В гриднице было прохладно и темно. Арви только сегодня понял, что его стала угнетать эта мрачность.

– Я хочу, чтобы под окном все расчистили. Срубите деревья и кусты... Они заслоняют Солнце... – распорядился Арви.

– Тотчас, – расторопный слуга поспешил на улицу.

– Обожди! – остановил Арви слугу. – Ты не видел Агата?

– Не видал его сегодня, – слуга развел руки в стороны.

Послышался топот ног: это слуга убежал выполнять поручение тиуна. И тут же дверь гридницы вновь закрипела. Арви почему-то решил, что это Агат. Наверное, потому что хотел его видеть.

В горницу вошла женщина, та самая, которую Арви встретил во дворе только что. Стража не остановила ее. Она вошла в гридницу легко и шумно. Увидев ее, Арви встал из-за стола и приветливо двинулся ей навстречу.

– Мое почтение, госпожа, – вежливо поздоровался Арви с вошедшей. Она не была юной девой, на вид ей было около сорока лет. Но при этом она смотрелась привлекательно. От нее будто веяло каким-то скрытым соблазном. Она была статной, сочной, как созревшая ягода. Возможно, дело было не только во внешности, но и в умении держаться. У нее была привычка подолгу смотреть собеседнику в глаза, Арви давно уже заметил за ней эту манеру. – Я не смел нарушить вашу встречу с подругами...

– Мы уже закончили... – утешила Лея. – Я зашла к тебе всего на мгновение. Постараюсь не слишком утомить тебя, – пошутила женщина.

– Это невозможно... – Арви угодливо предложил гостье скамеечку.

Присев, Лея вздохнула и уложила руки на коленях. На ней было легкое платье, отличающееся от одежд, которые носили в Новгороде. Широкий вырез открывал шею, частично оголяя шею и пышную грудь. На талии был повязан широкий пояс, утягивающий рельефный силуэт. Она долго смотрела на Арви. Их взгляды встретились. А позже тиун и его гостья одновременно рассмеялись, глядя друг на друга.

– Я немного тревожусь... О нашем общем деле, – начала женщина, обведя горницу взглядом, словно желая удостовериться, что они с Арви тут одни.

– Нет повода для тревог. Все действие под моим надзором... – успокоил тиун. На его столе стоял туесок с лесными орехами и сушеной клюквой. Он придвинул лакомство поближе к гостье.

– Скоро вернется Рёрик. А потом мы выступим в поход, – напомнила Лея. – Я надеюсь, ты вернешь мне мою корону до этого момента?

– Вне всякого сомнения, – отвечал Арви. – Мы как раз и должны дождаться Рёрика. Будет лучше, если корона обнаружится у Вольны, когда князь окажется в городе...

– Я надеюсь, ее за это не казнят, – уточнила Лея с плутоватой усмешкой.

– Разумеется, нет, – заверил Арви. – Но мы спустим ее с горы в низину. И она усвоит, где отныне ее место.

– Что ж, я всегда рада помочь в восстановлении справедливости... – воспользовавшись гостеприимством тиуна, Лея отправила в рот орешек, а следом и высушенную клюковку. – Мне больно видеть, что наш князь оказался в плену у такой женщины, как злая Вольна. Все же Рёрик дорог мне.

– И мне, госпожа, – признался Арви.

– Княжна Дива ведь была намного лучше. Так? – поинтересовалась Лея.

– Лучше? Что это за слово такое? – усмехнулся Арви. – Этим словом разговаривают дети. Мы скажем, что она была не такой кровожадной, как Вольна. Но тоже не рубеж наших мечтаний.

– Ну рубеж ваших с Умилой мечтаний не вполне ясен, – рассмеялась Лея. – Помнится, мной княгиня Умила тоже не была довольна...

– Я уверен, что сейчас она бы уже была довольна. Она просто не предполагала, как уступают тебе другие женщины, – пошутил Арви.

– Ты будешь смеяться, но мне кажется, нас с Умилой рассорила моя корона... – Лея и сама расхохоталась.

– Эта корона не дает покоя всем женщинам... – шутливо подчеркнул Арви.

– Да... А зря... – вздохнула Лея нарочито тяжко. – Мы-то с тобой знаем... Если б моя корона соответствовала чувствам дарителя, то моим мужем был бы не Дир, – усмехнулась Лея, которая не пребывала в романтических заблуждениях. Она помнила, как сама выпросила себе у Рёрика подарок. И все же теперь ей было приятно обладать столь значительной в глазах окружающих вещью, намекающей на былую привязанность правителя к ней.

– Мужем столь роскошной женщины был бы рад оказаться любой мужчина, – заверил Арви любезно. Обычно он не церемонился с той половиной человечества, которая обряжена в юбки. Но Лея была исключением. Ее женственность, словно тягучий мед, переливалась через край, сбивая с толку почти любого мужчину, независимо от его возраста и званий. И даже он сам, строгий тиун, считал возможным сложить пред ней оружие. Она не создана для каких-то споров и выяснений отношений. Лучше сразу же согласиться с ней. Но поступить, разумеется, по-своему.

– Моя корона уже у Вольны? – Лея волновалась за ценную вещь.

– Да, уже у нее. Заклич произведен. Так что скоро об этом злодеянии узнает весь город. И когда выявится похититель, он будет навеки осрамлен, – Арви нарисовал радужную картину.

– Я переживаю... Как бы Вольна не избавилась от моей короны... Вдруг испугается и выбросит в колодец... Или еще куда. Арви, я не перенесу этого. Прошу, не допусти такого, – воззвала Лея к тиуну.

– Не допущу. Мы следим за каждым ее шагом... – заверил Арви, который в собственных глазах уже возвысился до мощи богатырской. Лея могла любого мужчину убедить в том, что он один единственный хозяин положения. – Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить тебя от лица княгини Умилы... Я намерен сообщить ей о той помощи, которую ты согласилась оказать нам...

– Ох, это лишнее, уверяю... – махнула рукой Лея. – И главное, я не хочу, чтобы открылось мое участие в этом действе... – прошептала Лея. – Будем считать это дружеской услугой. Мы же друзья?

– Безусловно, мы друзья. И твое участие тщательно сокрыто... – пообещал Арви. О да, дружбу с Леей никто не отвергнет. Хотя в действительности она себе на уме. И ей нельзя доверяться слишком. – Даже Гудрун, которая выкрала твою корону, не знает, что ты оставила украшение на самом видном месте умышленно...

– Ты не предупредил ее? – удивилась Лея.

– Тогда мне бы пришлось раскрыть Гудрун то, что ты участвуешь в нашем замысле. А я помню, что обещал тебе: ты не будешь замешана в этой интриге. И даже если каким-то образом все раскроется, то ты так и останешься жертвой преступления... А не участницей...

– Поэтому лучше не надо слать Умиле писем... Мало ли кто прочитает, – хитрая Лея решила упредить все возможные промахи.

– Клянусь, никаких писем. Умила узнает об этом либо со слов надежного гонца, либо с моих собственных, – пообещал Арви. – Благодарю тебя еще раз.

– Одних слов благодарности мне мало, Арви, ты же знаешь меня, – ласковым голосом напомнила Лея. – Хотя мне приятно помочь тебе и Умиле... Княгиня Дорестада для меня образчик высочайшей мудрости...

– Я все помню... – Арви подтвердил и свои обещания. – В грядущем походе войско Аскольда и Дира окажется обеспечено всем необходимым.

– Прости, что напомнила... Но я не смогу двинуться ни в какой поход, если мне предстоит в пути лишения и голод, – извинилась Лея шутливо. Это был ее привычный прием: она часто извинялась по пустякам, многим людям это нравилось. – Мне пора домой... И умоляю, сбереги мою корону...

– Твое украшение скоро вернется к тебе. Ни о чем не переживай. Прими мои благодарности. И знай, что ты в полной безопасности. Если что-то где-то и прорастет, то к тебе ни одна ниточка не приведет... – еще раз пообещал тиун. – Я прикажу вознице отвезти тебя домой... – Арви приподнялся с места.

– Не беспокойся... Я тут с Оскольдом... Дождусь его и вернемся домой... – ответила Лея просто.

– А где же сам Дир? – бестактный вопрос буквально вырвался у Арви изо рта. Те толки, которые витали вокруг Оскольда, Дира и Леи не давали никому покоя и всех интересовали, даже равнодушного до чужой жизни тиуна.

– У него заболела шея... Только вдумайся, бедный мой Дир, – вздохнула Лея. – Я как раз забрала у лекаря мазь... Надеюсь, поможет нам...

– Скорейшего выздоровления твоему почитаемому супругу... И доброго пути, – пожелал Арви. Он бы мог выбрать на роль «жертвы кражи» какую-то другую персону. Но посчитал, что только от такой уважаемой потерпевшей Вольна не сможет легко отмахнуться. Да и сам Рёрик быстрее поверит в виновность Вольны, из ревности похитившей корону у его бывшей возлюбленной.

Проводив Лею до дверей, Арви невольным взором охватил ее покатые плечи, роскошную грудь и утянутую кушаком талию. Нет, он был далек от того, чтобы очароваться Леей, непостоянной и ненадежной. Он бы никогда не женился на такой женщине. Но он не мог не отметить, как она притягательна. На нее хочется смотреть. И в этом нет никакого умысла. Он полюбовался ею, как любят морем, небом и огнем, не пытаясь приручить их. В своем роде она одна такая. И вполне ясно, почему на время она и Рёрику вскружила голову и почему он не женился на ней. Связать свою судьбу с такой женщиной, это все равно что построить дом на краю пропасти. Рано или поздно она утащит в бездну.

Арви не успел вернуться за стол, как тут же послышались шаги в сенях. А затем страж доложил о новой посетительнице. Арви поймал себя на мысли, что сегодня у него женский день. Да-да, именно так. Бестолковый и волнующий день.

– Арви, мне кое-что от тебя потребуется! – влетев в гридницу, с порога сообщила Вольна. Тиун был не раб, а свободный человек, и притом уважаемый. Но Вольна держалась с ним надменно, впрочем, как и со всеми, кто служил князю. Все-таки они ей не ровня, пусть не забывают об этом!

– Готов все исполнить, – Арви почтительно кивнул. И тут же различил запах хмеля. Прежде он лично еще не уличал Вольну в ее пагубном пристрастии, которое, кажется, набирало скорость. Помимо того, тиун подметил, как, и правда, любимица князя подурнела внешне. Хотя, возможно, это только по сравнению с неувядающей Леей, покинувшей гридницу. – Прошу... – Арви указал Вольне на скамеечку, на которой совсем недавно отдыхала жена Дира.

– Кстати, я встретила сейчас возле гридницы эту мразь, – Вольна действительно столкнулась на крыльце с Леей. Последняя дерзко задела Вольну плечом, что, безусловно, было намеренным жестом неуважения. Лея не боялась соперничества и даже получала удовольствие от подобных игр. Ведь по слухам, у нее был не один защитник, а целых два. – Она не поприветствовала меня! Затем еще и толкнула! Разве я не приказала поговорить с ее мужем?!

– Ее муж болен, я давно не видел его, – объяснил Арви, который на самом деле и не думал принуждать Лею к чему-либо. Ему даже нравились склоки, возникающие между Вольной и остальными.

– Болен? – переспросила Вольна. – Кстати, я слышала, что... Как бы это сказать... Что она, Оскольд и Дир... Что они...

– Да, это правда, – посмеивался Арви про себя.

– И как такое возможно? Как ее муж допускает все это?! – изумилась Вольна.

– Дир любит ее и хочет, чтоб она была счастлива... – пожал плечами Арви. Для него самого подобный покров отношений был непозволителен, но он допускал, что для некоторых особенных людей такое приемлемо. А Дир, Лея и Оскольд – все трое, безусловно, особенные. Не такие, как все. И не получится сравнить себя с ними.

– Куда катится этот мир... Но меня другое заинтересовало... Что она тут делала, Арви? Зачем приходила к тебе? – Вольну посетило некое чувство подозрительности.

– Она приходила по делу. Ее обокрали намеренно. Похитили какое-то украшение, обруч на голову, кажется... – нарочито расплывчато описал Арви. Теперь дело сделано, и он пожелал оказаться как можно дальше от этой истории. Когда Рёрик вернется, то тиун и жена Дира не должны оказаться вплетены в эту склоку. И все нити стоит обрубить заранее. – Очень дорогой. Говорит, пожаловалась старосте... Заклич произвели... Ищут... А она очень волнуется. Это ее любимая вещь. Кажется, чей-то подарок. Вот и все...

Вольна слушала Арви и никак не могла понять, почему его речь столь невнятна. То ли она сама захмелела и не осознает окружающего, то ли тиун плутует с ней. Он же знал о том, что корона будет похищена! Или он умышленно не говорит больше об этом, чтобы не подставить ее, его будущую княгиню Вольну? Ведь тут могут быть какие-то лишние уши. Вот как раз пришли дворовые под окна и рубят дерево. Могут подслушать.

– Понятно... Пусть ищут, – услышав, что врагиня волнуется из-за утраченного сокровища, Вольна тут же приняла решение оставить корону у себя. – Я, собственно, вот по какому делу... Можно ли... Нет... То есть, я собираюсь перебраться в княжеский терем... – выдала Вольна, сбиваясь.

– Я не совсем уразумеваю, – Арви, и правда, не до конца постигал ее замыслы. Она не княгиня и не имеет права на то, чтобы расположиться в тереме княжеском. Таков, по крайней мере, порядок в Новгороде. Замашки у этой гордячки вызывающие, нельзя ей потакать. Хотя... Или все-таки можно?!

– В моей новой избе слишком мало места. Я не хочу заставлять Нега ютиться в тесноте, когда имеется жилье, достойное нас... Устрой все, – Вольна поднялась на ноги, желая отправиться домой, потому что ее измучила жажда.

– Мысль отменная, – поспешно согласился Арви. На самом деле идея была наглая и рискованная. Но чем больше у Вольны накопится промахов к приезду Рёрика, тем лучше. – Однако есть некие сложности...

– Какие еще? – Вольна заметила на столе Арви кувшин. А в горле у нее совсем пересохло. – Это вода? Налей... Пить хочется.

– Поясню. На этих землях принято, что в тереме княгини может жить, собственно, только сама княгиня, то есть жена князя, мать его детей. А в нашем случае... – Арви нарочно надавил ей на больную мозоль.

– Чай наперед, что глаголешь! А я кто, по-твоему?! – оскорбилась Вольна. – Я и то и другое! Воды мне налей, попросила же!

– Прошу не сердчать. Я лишь стараюсь пособить, – Арви соорудил участливое лицо. – Если этого не скажу я, то и остальные смолчат. Продолжим. Конечно, каждый знает, кто есть истинная возлюбленная князя. Но этого недостаточно. По крайней мере, для Новгорода. В глазах всего народа несравненная Вольна будет считаться законной супругой князя только в том случае, если он женится на ней. Причем, соблюдая все обычаи города. Однако женитьба возможна токмо тогда, когда не станет его нынешней княгини. А до тех пор любая женщина князя, кроме Дивы, лишь обычная наложница, – пояснил Арви. А у Вольны глаза почти вылезли на лоб от этих слов, которые тиун намеренно подобрал для того, чтоб разозлить ее.

– Наложница?! Это я-то?! – вскипела Вольна в бешенстве, проклиная Рёрика про себя. Ведь это он вверг ее в позорное положение бесправной любовницы. – Значит, поколе она жива, меня супругой князя никто не мыслит?!

– Боюсь, что так, – Арви кивнул утвердительно. Сделал паузу. Оглядел расстроенную Вольну. После чего продолжил. – Но всегда есть выход. И сейчас он тоже имеется. Существует лазейка обратиться княгиней...

– Что это за лазейка? – Вольна уже на все была готова. В ее горле совсем пересохло. Она пододвинула к себе кувшин, в котором должна была находиться вода, но тот оказался пуст.

– Сын, конечно. Ведь если ребенок будет объявлен преемником, то матушка юного княжича сразу становится княгиней, как мне видится... – приврал Арви для верности. – Да и Дивы здесь нет...

– Значит, надо провозгласить наследника как можно скорее! – вывела Вольна с пылом.

– Вот именно. Ведь только в этом случае наложница станет считаться женой! – приукрасил Арви. – И переезд в княжеский терем будет обоснован. И даже, напротив, окажется необходимым шагом, – подначивал Арви.

– Но как это все устроить? Объявить о наследнике без Нега? – в затуманенном мозгу Вольны сегодня все было просто.

– Боюсь, без князя сие может не свершиться, – ухмыльнулся Арви. Вот наглость-то! Заносит на каждом повороте. Однако нельзя ее напугать. Следует осторожно подвести ее к нужному решению.

– Но когда он вернется, то, может, не восхочет... У него столько забот... – усомнилась Вольна. – Ему сейчас не до этого. Повеселиться он еще может, но чтоб затевать какое-то значимое торжество... Не думаю...

– Сие верно. У владыки множество страд и нет избыточного времени. Ему не до того, чтоб самому все устраивать... – Арви испытующе смотрел на Вольну. А она думала медленно, перебирая в голове возможные варианты.

– А если бы мы сами все обделали? Празднество подготовили, чтоб ему не затрудняться... Мы могли бы все продумать и просчитать. Созвать народ... А Нег по возвращении мог бы выступить перед городом со значимым известием о наследнике... А после его ждало бы пиршество и я... – размышляла Вольна. – Ведь так, Арви?

– О, конечно! Разумеется! Князя будет ожидать по возвращении торжественный ужин с боярами и дружиной, как и всегда, впрочем, – увильнул тиун. Он избегал в открытую одобрять эту ее идею. Она должна сама додуматься и сама же отвечать за все перед Рёриком. – Известно же, что всякое дело следует начинать с пира...

– Значит, уговорено? – воодушевилась Вольна. Она знала историю Дивы, когда та устроила праздник на весь град в честь будущего малыша. Потому сейчас Вольна не очень переживала за самостоятельность. Раз тогда князь все спустил, то сейчас тем более не заметит. А вот оставаться в глазах народа наложницей – это ни в какие ворота не лезет! Как он унизил ее этим! Пора положить конец бесчестью! – А как быть с теремом?

– Что это за мать наследника, которая теснится в узкой избенке? Как говорится, без хвоста птица лишь ком, – Арви хотел вконец запутать Вольну и все ей испортить. – А раз нас ожидает столь значимое событие... Разумно ли допускать нелепые слухи...

– Ты прав... Позор да и только. Один Нег этого не понимает... – гордость Вольны была задета не только наличием законной жены у Рёрика, но и присутствием каких-то сомнительных особ вроде Леи и Любавы. – Что ж, значит, порешили на этом... – Вольна собралась уходить.

– Будет приказано выделить средства из казны на народные забавы? – Арви решил, что нужно использовать возможность по полной. Ведь если он не приложит свою руку, то князь, глядь, еще и простит ей этот произвол. Кто знает, что у него на уме. Диве-то он все прощал, как теперь видно.

– Нет. Не нужно, – Вольна не решилась. – Как-то без этого следует обойтись. Ведь ты сам недавно говорил, что казна пустеет.

– Значит, без этого. Не будем транжирить, – согласился тиун.

– Ну и славно. Подготовь все, как велено, – успокоившаяся Вольна встала из-за стола и двинулась на выход.

Арви внимательно смотрел ей вслед. Он понимал, что заплыл слишком далеко. Сейчас нельзя возвращаться обратно, нужно плыть до противоположного берега. Вольна должна потерять свое положение, или положение потеряет он сам, если она уцелеет.

Глава 9. Неблагодарная

Лето – радостная пора, хоть и исполненная забот. И целая жизнь для кого-то: для трудолюбивой пчелы, назойливой мухи и порхающей бабочки. И для Хлебославы. Пусть давно уже не цветет она, как сереборинник в саду, но зато каждое лето чувствует себя счастливее, чем весь остаток года. Но это лето стало чёрным для нее. Она не видела солнца, не чувствовала тепла. Будто с ее плеч сорвали кожу, жена Бармы не находила себе места. Её глаза наполнились слезами день и ночь. Она плакала то обреченно и безмолвно, то шумно и отчаянно, проклиная предавшего её супруга и неведомую разлучницу. Как бы велико и несравненно ни казалось её страдание, были те, кто страдал вместе с ней. Это были её несчастные дочери, ставшие узницами материнской скорби. Они пытались утешить свою родительницу. Но они не знали, что от ее печали не существует лекарства. Они сидели рядом, держали мать за руку, словно стараясь забрать часть её боли себе. Их сопереживание было искренним. Но Хлебослава в своей тоске не могла найти утешения ни в чем. И она также срывалась на детей, тщетно пытающихся облегчить ее горе. Она делала это не со зла, а от слабости. Для неё мир перевернулся в одночасье. И она не могла этого принять, не могла справиться с собой.

В это утро Хлебослава проснулась рано. А может быть, она и вовсе не спала. Бессонница стала мучить ее с того дня, как ушел Барма. Она сидела у окна и смотрела на залитый солнцем луг. Это яркая картина не вызывала у нее чувств. Где-то на улице всплакнула Звенемира, младшая дочка Барма. Но вскоре смолкла. Хлебослава не пошла на улицу. Она сделалась безучастный почти ко всему, что происходило вокруг неё. В этом не было умысла. Она даже не слышала детского плача. По её щеке бежал ручей, который она иногда утирала платком.

Послышались шаги. Это были Любора и Путимира. Они побывали в княжеском детинце. Туда их отправила мать, которая хотела знать, где теперь ее муж. Дочерей главы вече легко пропустили на княжеское дворище, и они беспрепятственно пустились на поиски отца.

– Ну что? – умирающим голосом спросила Хлебослава дочерей. Именно этот самый голос, слабый и безжизненный, терзал сердца любящих дочерей. Не осознавая этого, Хлебослава невольно забирала силы у своих детей для самой себя, чтобы не умереть от горя. Она настроила дочерей против отца, чего он, конечно, заслуживал, но это не шло на пользу и самим отпрыскам, возненавидевшим родителя.

– Мы все выяснили... – начала старшая дочь, теребя ленту в волосах. – Отец в отсутствии, он по делам с купцом своим...Рядовичем...

– С купцом ли? – отозвалась Хлебослава загробным голосом, таким глухим, будто она сейчас немедленно умрет.

– Точно с купцом. Но вот в избе, где он вёл приёмы...– дочери Бармы переглянулись между собой, словно советуясь. – Там живёт...Она...

– Кто эта мразь?! – закричала Хлебослава в нетерпении. Ей нужно было срочно знать, кто та неведомая злодейка, что разлучила ее с мужем. Как и большинство женщин, Хлебослава направила гнев на соперницу, хотя разумнее было бы винить изменника. Но все знают, как непоследовательны порой бывают женщины. А изменник – он что, он, может, еще и вернется в раскаянии.

– Услава, – после паузы ответила Любора, продолжая теребить косицу.

– Что?..Услава?..– не поняла Хлебослава. – Как это?..Как...Какая Услава?

– Наша Услава, – подтвердила Путимира.

Воцарилась тишина, Хлебослава была поражена столь неожиданной и неприятной новостью, противоестественный и вопиющий. Любора и Путимира подошли к заданию обстоятельно: ошибки быть не могло.

– Низовка! Мерзавка! Мерзавка! – кричала Хлебослава, бегая по комнате в поисках своего убруса. В доме, где есть дети, трудно найти вещи, даже если стараться класть их на место. Вот и сейчас Хлебослава не могла отыскать головной убор, который дочери примеряли и не вернули куда должно. – Они обманывали меня! Гадина! – еще утром Хлебослава была готова умереть. Но уже сейчас ее объяла ярость. Оказывается, соперница – не какая-то неведомая женщина, а вполне определенное лицо. Да к тому же зависящие от неё самой, тетушки Хлебославы. – «Князь» ее, значит, пожелал! Подлую змею! – Хлебослава поняла, что ее обманули: Услава понадобилась не неведомому владыке, не для него ее забрали из этого дома. – Ваш отец старый дурень! Ей нужно от него лишь то благополучие, которое он может ей дать! А мне был нужен он сам! Я любила его! – Хлебослава ясно видела положение в отличие от своего мужа, опьяненного чарами молодого тела. И от этого возмутительного обмана она пришла в неистовство. Она жаждала отмщения. Наказать обоих предателей!

Жена Бармы торопливо одевалась, попутно рассыпая ругательства, которые никогда прежде не слетали с ее губ. Этот новый облик, а также её намерение двинуться в детинец – напугали дочерей. Ведь до сих пор она будто боялась выйти из дому: сидела, запершись в горнице. Возможно, опасалась, что кто-то узнает о ее позоре. Всячески скрывала новости от соседей. А главное, желала избежать встреч с Бармой и делала для этого все возможное – смотрела в окно, чтоб не пропустить гостя, причинившего ей боль. И да, ей было больно смотреть на него. Ей казалось, она умрет, если вновь заговорит с ним. Но вот, как все поменялось мгновенно.

– Матушка, не надо! Не нужно туда ходить! – дети хотели избежать новых потрясений для матери, которые обязательно обрушатся на нее, чуть только она окажется в детинце. Но и сам Перун не смог бы остановить сейчас Хлебославу.

– Ну и как там за морем? – Орм и Барма шагали по тропинке в сторону гридницы.

– Рядович говорит, что там отрадно! – глава вече первый день как вернулся в Изборск. Он устал с дороги, был голоден, торопился предстать перед князем с важным донесением и, разумеется, желал видеть Усладу, по которой соскучился, конечно. – Много интерес представляющего для ума и красоты для глаз...

– Неужто лучше, чем у нас тут? – Орм не был коренным жителем Изборска. В этом городе жил лишь год. Однако на словах разумно причислял себя к изборчанам, сокращая ту пропасть, которая есть между ним и кривичами. На примере Годфреда он понял, что чужаков не слишком жалуют.

– Ну как сказать... – благоразумный Барма не стал вдаваться в опасные рассуждения. Ведь ясно же, что лишь одно нелепое замечание может исковеркать ему всю дальнейшую дорогу делового человека. Умение держать язык за зубами есмь наивысшая форма мудрости. С другой стороны, что ж теперь и не жить вовсе, если и сказать нельзя и подумать!

– Ну понятно... – усмехнулся Орм. – До Великой вроде не так далеко...

– Если до города, то два дня пути, не больше...

– А какой город? – поинтересовался любознательный Орм.

– Да уже никакой... Сгорел почти целиком в пожаре... – ответил глава вече, с сожалением вспоминая красивый город на реке Пскове.

– О боги, – для порядка посочувствовал тиун. – А купец твой как же?

– Не было его зиму, а вернулся и вот... – вздохнул Барма.

– Знаешь, я давно заметил, что это какой-то особый обман... Если тебя где-то нет, то ты полагаешь, что и ничего там нет. Не происходит ничего нового, коли ты ушел... Но на самом деле это наивысшее благо – найти покинутое место в неизменном виде. Чтобы понять, как изменился ты сам...

– Я не думал об этом... – признался Барма. – Князь сможет принять меня?

– А почему нет? Попробовать можно...

Барма и Орм уже почти дошли до гридницы, как вдруг услышали вопли. Сначала неразборчивые визги, затем вполне определенные крики. Мужчины повернули головы, желая знать, кто нарушил покой еще дремлющего детинца. Впрочем, Барма уже знал ответ, хоть и не желал верить своим ушам. Все происходило слишком быстро.

– Злодей! Предатель! Ты и эта присосавшаяся тля! – кричала Хлебослава, стремительно приближаясь к растерянному супругу. До сего момента во дворе было относительно тихо. Но вот в окошках стали появляться удивленные лица. – Лгун! Обманщик! Ты сказал, что она понадобилась *ему*! Я знаю правду!

– Слава... – опешил Барма. После бессонной ночи в пути он никак не был готов к столь резким поворотам. Крики жены на людях – это не только неприятно, но и опасно. – Прекрати это немедленно... – Барма попытался взять супругу под локоть с тем, чтобы увести из детинца, но она грубо отпихнула его.

– Пусть все знают, какой ты обманщик! И какая она подлюка! – кричала обезумевшая от горя Хлебослава. – Ну, что, где князь?! Сейчас спрошу у него, куда мою племянницу «он» подевал! – грозила Хлебослава, вполне осознающая, чем можно напугать неверного супруга.

– О чем это она? – спросил Орм у Бармы, тщетно пытающегося ухватить жену хоть за что-то и увести ее домой.

– Она не в себе... – отвечивал глава вече, который только в одном видел спасение: объявить супругу спятившей. В этом случае их семья, возможно, не пострадает.

– Где князь?! Я желаю говорить с ним! – кричала Хлебослава, которая в своей обиде уже не видела границ дозволенного. – Где он?!

– С князем нельзя так просто говорить... Когда вздумается... Кому угодно... – заметил Орм, глядя на Хлебославу.

– Мне можно! Я тетушка его «возлюбленной» Услады! Что ж он ее ко мне не отпускает! Тревожусь я о ней! – Хлебослава была разгневана до такой степени и столь сильно желала наказания для Бармы, что была готова погубить и себя вместе с ним. – Ну, что, где моя племянница?! Что он там с ней делает! Почему ко мне не отпускает!

– Слава, ты погубишь нас... – прошептал Барма супруге, в ужасе осознавая, что сама она не замолкнет. И страшно представить, что будет, когда выяснится, как Барма устроил свои личные интересы, прикрывшись именем правителя. – Поговорим дома, только замолчи... – почти умолял Барма. А двор тем временем оживал. Люди с интересом наблюдали за разыгрываемой сценой: глава вече хватал за руки небрежно одетую женщину, которая извивается и вопит. Не все узнали жену Бармы, а кто-то и вовсе не был знаком с ней, вечно занятой семьей и редко покидающей дом.

– Князь, ты слышишь меня?! – закричала неустрашимая Хлебослава во весь голос. Тут уже были и ее старшие дочери, которые тщетно пытались остановить мать. А у Бармы все похолодело внутри. Это представление детинец забудет нескоро. Особенно если у него будет громкий конец, на который, по всем признакам, нацелилась Хлебослава.

– Ее надо увести... – констатировал Орм, пока Барма тщетно пытался усмирить лишенную страха супругу: вопить во все горло, требуя правителя – это неслыханная дерзость, ведущая к гибели. – Стража...

– Любора... Путимира, уведите вашу мать! – Барма оказался в безвыходной ситуации, в которой был вынужден уже надеяться на детей.

А тем временем на зов тиуна приспела охрана. Барма схватился за голову – теперь Хлебослава успокоится, это бесспорно. Но уже слишком поздно: ставни гридницы распахнулись, в окне показался князь. Он выглядел так, словно только проснулся. Точнее сказать, как будто его разбудили, оторвав от желанного сна. Так и было на самом деле. Рёрик очень хотел спать. И это не было связано с каким-то переутомлением. Это было что-то душевное: он никак не мог выспаться.

– В чем дело? – голос Рёрика звучал не слишком приветливо. Совершенно точно, что крики Хлебославы потревожили его.

– Дозволь слово молвить, княже! – закричала нарушительница покоя, которую уже уводили со двора дружинники.

– Заберите ее поскорее... – шикнул Барма, торопя охрану.

– Нет! Мне надо говорить с князем! – настаивала Хлебослава. Платок сполз с ее темени, сама она покраснелась и взмокла. Но теперь ее не волновал ни внешний вид, ни доброе имя. Она решила довести дело до конца. Эту решимость Барма прочитал в ее глазах и ужаснулся. Ей, может, уже все равно, что будет с ней самой и ее семьей, но только ему безразлично дальнейшее.

– Отпустите женщину, – приказал Рёрик страже, которая до сих пор сдерживала смутьянку, рвущуюся на свободу.

– Государь, прошу простить... – заблеял Барма, пытаясь на ходу придумать, что говорить в противовес Хлебославе. Ведь очевидно, что владыка решил выслушать ее. И ложь самого Бармы быстро откроется. Страшно помыслить о дальнейшем...

– Кто ты? – спросил Рёрик у Хлебославы.

– Я жена Бармы... Вот его, – Хлебослава ткнула в сторону супруга. Она еле удержалась, чтоб не наградить его каким-то более звучным и подходящим ему прозвищем.

– Ох, ты уже вернулся... – Рёрик наконец заметил Барму, переминающегося с ноги на ногу.

– Вернулся только что... Как раз об этом и хотел переговорить... – Барма решил воспользоваться случаем и увести внимание князя в сторону от Хлебославы. – Есть важные вести, которые я прибыл сообщить...

– Моя очередь! Я к князю обращаюсь первой! – перебила Хлебослава. Ее поведение было непозволительно дерзким: женщинам полагалось знать свое место и свой черед, которые шли после мужа.

– Говори, – повелел Рёрик, обращаясь к Хлебославе. Он не любил кричащих около него баб. Но коли она так рвется к нему, то надо выслушать.

– Князь... Прошу простить, если что не так... – Хлебослава взяла себя в руки и прекратила кричать. Ее слова должны быть произнесены спокойно и четко. Лишь тогда на них кто-то обратит внимание. – Я не хотела потревожить... – задыхающаяся Хлебослава поправила платок и торопливо поклонилась. А Барма тем временем стоял ни жив, ни мертв. Он уже никак не мог остановить то, что стремительно мчалось, как горящие сани в поляню. Он мог лишь придумать, что говорить потом. Хотя на ум ему пока не шло ничего более убедительного сумасшествия Хлебославы. – Аз есмь тетушка Услады. Мой муж, вот он, глава вече, Барма, сказал, что князь забрал Усладу себе... – Хлебослава несколько раз указала на изменника, словно желая поскорее приблизить момент его наказания. – Я тревожусь за племянницу, от нее нет вестей...

У Бармы похолодела спина, будто на него выплеснули ведро воды, только что извергнутое коловцем. Глава вече напряженно сглотнул. Спазм схватил горло. Обман сейчас откроется. Но страшен не сам обман, конечно. Страшно то, что Барма позволил себе вмешаться в свои интриги имя князя Рюрика.

– Не тревожься, твоя племянница жива и здорова... – ответил Рёрик, а затем подозвал кого-то к себе. Из глубин горенки показалась тень – это была Услава. Она лишь чуть выглянула в окно и скрылась в темноте. Вероятно, ее смутило то, что она едва одета: на ней была только тонкая сорочка.

В тот день, когда скоморохи веселили княжеский детинец, Услава и Велемира не опускали рук. Они покорно ожидали часа, когда и до них дойдет очередь. И она дошла. Рёрик отпустил Пересмешницу, а Услава поспешила занять ее место. Место скоморошницы, развлекающей того, кому грустно. Кое-как отточив свои навыки обольщения на дядюшке Барме, Услава

нацелилась на князя, полагая себя готовой к подобным приключениям. И ей посчастливилось получить внимание владыки.

Лишь только девушка скрылась в темноте горенки, Барма очнулся. Нет, ему не привиделось: его Услава в княжеских покоях! И ему не нужно присутствовать там лично, дабы понимать, что происходит между ней и князем. Ведь последний позвал девицу не для того, чтоб слушать ее нытье о трудностях жизни.

– Как... – опешила Хлебослава, истинно недоумевая. Она перевела взор на Путимиру и Любору, но дочери лишь растерянно пожимали плечами, переглядываясь. – Князь... Я прошу простить меня... – рассудок вернулся к Хлебославе и она осознала, в каком опасном положении оказалась.

– Матушка, нам сказали точно: эта женщина, что живет в избе отца – Услава... – шепотом произнесла Путимира в ухо матери. А рассудительная Любора дернула сестру за рукав: сейчас главное не правда, а скорее уйти.

– Князь, могу я забрать Усладу домой? – Хлебослава не знала, что и думать. Ей еще предстоит во всем разобраться. И для этого племянница должна вернуться в поместье.

– Конечно, можешь, – Рёрик не стал препятствовать воссоединению семьи. И не стал больше задерживаться у окна. Он понял, что день уже давно начался и пора вставать. Тем более Барма принес какие-то новости.

Подойдя к выдолбленному липовому корытцу, Рёрик стал умываться. Вода была холодной и быстро ободряла. Он отвел несколько дней для того, чтобы побыть в Изборске. Эти дни подходят к концу. Совсем скоро он вернется домой. Хотя что это за место такое – дом? Есть ли дом у него, вечно странствующего варяга? Или весь мир – его дом?! На своей памяти Рёрик множество мест называл домом. Но никакое в душе не считал таковым. Отчего-то. Теперь же все иначе. И да, дом – это Новгород. Так чувствуется.

– Мне следует уйти или остаться? – раздался голосок со стороны широкого ложа, где покоились подушки, одеяла и Услава. Ее русые волосы были распущены. Она играла ими, наматывая на тонкие перста.

– Тебя ждет твоя тетка, – для Рёрика Услава была внешне симпатичной, но не увлекающей девушкой. Для того, чтобы провести досуг с подобной персоной по ее же собственному желанию, ему не требовалось любви или пылкой страсти. Он привык находиться среди разных людей, которые в большинстве своем были ему безразличны.

– Но я не хочу к тете... – негромко, но вкрадчиво возразила Услава. Она долго выслеживала Рёрика, и наконец удача улыбнулась ей. Услава была уверена, что князь полюбит ее так же легко, как это сделал ее дядюшка. Ведь Барма, бесспорно, влюбился в нее, даже бросив жену, с которой прожил много лет. Да и сама Услава делала все возможное, чтобы привлечь Рёрика. По крайней мере, ей казалось, что она на верном пути. И вот теперь князь так просто отпускает ее? Насовсем или на время? Заберет ли он ее с собой в Новгород? Или она останется здесь, но будет окружена почетом? Ведь это очень важно – почет. Почет, который обязательно идет об руку с достатком. Самое главное для нее – это жизнь без страха. А страх всегда есть, когда нет постоянной крыши над головой и когда будущее не определено. Кто-то может жить сегоднешним днем. Но только не она, не продуманная Услава. Ей нужно наперед быть уверенной в том, что ждет ее завтра. Всю жизнь трудиться на чужой дом или в поле – это не для нее. Она полагала получить устроенность от Бармы. Но, как оказалось, он не самый могущественный.

– Так нельзя. Она переживает за тебя, – Рёрик больше хотел тишины, чем слушать чьи-то речи.

Услава недоуменно сдвинула брови. Она начала осознавать, что Рёрик и Барма – далеко не одно и то же. Суметь крепко привлечь одного не значит быть в силах другого хотя бы заинтересовать.

– Слава, возвращитесь домой. Твои дерзкие выходки лишь чудом остались без ответа... – Барма торопливым шагом провожал жену и дочерей к воротам. С одной стороны он был ошарашен и поражен, с другой – не утратил ясности ума и понимал одно: Хлебослава должна поскорее покинуть детинец. Когда она уйдет, он поговорит с Усладой.

– Это ты толкнул меня на эти «выходки»? – Хлебослава в самом деле не знала, что ей теперь думать о своем муже и племяннице. Они прелюбодеи или это лишь гнусный слух? – Это ты во всем виноват!

– У тебя во всем всегда виноват я! Возвращайтесь домой, – Барма не желал спорить с Хлебославой. Он лишь отчего-то почувствовал к ней близость. Даже когда жена орет и ругается, она все равно остается родной ему. Она часть его семьи. Часть, которую нельзя отправить в забвение.

– Я не уйду без Услады! – настаивала Хлебослава. Несмотря на увиденное, сомнения ее не рассеялись до конца.

– Если князь отпустит ее, то она, всеконечно, вернется домой, – Барма был готов что угодно обещать, лишь бы Хлебослава и его дочери поскорее двинулись в поместье. Ведь, помимо них, у него есть и другие переживания. Он хочет говорить с Усладой лично, хочет знать, как она оказалась в покоях княжеских.

– Домой? Или в твою избу «для приемов»?! – Хлебослава не преминула упомянуть о новом гнездышке Бармы, которое он свил, упорхнув от Хлебославы.

– О боги, о чем ты говоришь? Прекрати это уже, – отнекивался Барма по привычке.

– Она была *там* или нет? – потребовала ответа Хлебослава.

– Где? – Барма понимал, что речь идет о его избе. Но продолжал притворство.

– Ты уразумел вопрос! – Хлебослава видела, что он выкручивается. И это было ей неприятно. Тут только одно положительное – он снова оправдывается перед ней.

– Ты же сама все видела! Она у князя, как я и говорил! Какие еще доказательства тебе нужны?! – произошедшее между Рёриком и Усладой расстроило Барму безмерно: он действительно влюбился в эту девушку. Но тем не менее теперь сие его разочарование в юной прелестнице на руку.

– Я тебе не верю! Ее видели в той избе!

– Ну да... Она может заходить туда... – нашелся Барма.

– Она не заходит туда, а живет там!

– Она живет у князя, ты же узрела, – подчеркнул Барма.

– Ты глупая подрыхлевшая дойная корова! Молодая девушка не может любить старца просто так! Это лишь я любила тебя без условий! – Услава верила в то, что говорила. По крайней мере, на ее памяти было несколько примеров, удостоверяющих ее безжалостное утверждение. – Всем этим бесстыжим телогрейкам от тебя всегда будет что-то нужно! Всегда!

– Слава, я же не недоумок, я все понимаю, – заверил Барма, который теперь, и правда, понимал все: Услава не любит его. И, кажется, под красивой личиной нежной бабочки скрывается все та же коварная гусеница, прожорливый паразит, пожирающий возделываемый хозяином сад. – Открой ворота, – приказал Барма страже, охранявшей детинец. Он хотел поскорее оказаться за частоколом, чтобы этот отвратительный разговор никто больше не слышал.

– Тогда кто *та*?! – Хлебослава подразумевала разлучницу.

– Никто, я все выдумал, – устало изрек Барма то ли от нежелания новых ссор и выяснений, то ли от того, что больше не хотел утереть нос заевшей его супруге. Ведь да, он только сейчас понял, что больше самой Услады желал лишь одного – осадить Хлебославу жестко и грубо, чтобы она навсегда запомнила, кто глава их семьи.

– Выдумал? – в заплаканных глазах Хлебославы вдруг зажглись огни надежды. Что если это правда, что если ее Барма всегда был верен ей? Разве не этого она желала – вернуть время

назад и все исправить? Не об этом ли она молила богов? Но ведь он не выдумал. Он сказал правду. В тот раз. Не в этот.

– Конечно, – Барма был из тех, кто чаще малодушен, чем смел. И теперь он не мог снова подвести Хлебославу к той пропасти, за которой его ждут новые проклятья и представления. Представления наподобие того, что она устроила сегодня возле гридницы.

– Ты лжешь! Ты лжешь! Это Услава! Я знаю это! – в действительности Хлебослава не знала наверняка, но чувствовала. А в своей речи оба эти состояния выражала одинаково – уверенностью и знанием.

Барма ничего не ответил. Он развернулся и пошел обратно в детинец. Стража впустила его, приоткрыв ворота.

Хлебослава смотрела ему вслед. И его молчание было для нее правдивее любых слов. А что если иногда лучше не знать правды... Он же уже ответил – нет, это не Услава. Может, и нужно было все оставить так? Пускай бы не было Уславы в их жизни хотя бы отныне. Не так важно, что происходило в прошлом, важно, чтоб оно не повторилось впредь.

Опустив плечи, Хлебослава поплелась в сторону дома, не чувствуя под ногами земли. Все свои силы она вылила в эти крики сначала на княжеском дворе, затем в ссоре с Бармой, и теперь еле передвигала ноги. Дочери торопились за ней. Идти было совсем надалеко.

Дома было тихо. Непривычно тихо. На улице тоже никого не было – сегодня к Хлебославе не приходили помощники из деревни, убирающиеся во дворе. В этой тишине лишь ветерок бесшумно играл былинками. И тут кровь отхлынула от лица Хлебославы. В этой безумной погоне за призраком она забыла о самом главном.

– Где Звенемира?! – закричала обезумевшая от ужаса Хлебослава, бросившись искать ребенка. Старшие дочери ринулись на помощь. Обычно малютка играла возле крыльца, но теперь там было пусто. Сестры звали маленькую дочку Бармы, но не слышали в ответ ее обычно звонкого голоса. И каждый последующий миг приближал их в своих поисках к страшному концу.

Рёрик и Барма разговаривали долго. Глава вече рассказывал о своей поездке в погоревший город. О том, что жители из него подались кто куда, ищут приют. Впрочем, кто-то остался, место уж очень удобное.

– Град тот был хорош тем, что находился в междуречье Великой и Псковы... – обстоятельно повествовал Барма. Он сам изумлялся своему хладнокровию. Глядя на Рёрика, он не чувствовал обиды. А почему, собственно, он должен ее чувствовать? Он, здравомыслящий Барма, всегда удивлялся тому, что женщины в схожих обстоятельствах сводят внимание и ярость на сопернице. Это легко объясняется тем, что их цепь умозрительных заключений имеет форму паутины, а не линии. Оттого они путают, кто предатель, клявшийся им в чем-то, а кто-то лишь голодная жирная гусеница, которой все равно какой листок глотать. – То есть имеет водную защиту с двух сторон... И я решил, не будут ли нам любопытны эти земли?

– Я подумаю... – князя не заинтересовал рассказ о погорелых землях, с которых нечего взять.

– Нам еще предстоит трудиться над крепостью Изборска, – вспомнил Трувор, почесав затылок. Он часто угадывал мысли Рёрика, даже когда тот не давал никакого намека. И в этот раз Трувор не ошибся: варягам не нужны развалины, не их это дело отстраивать пустыри.

Барма еще что-то говорил. Но он даже не помнил собственных слов. Поскольку в его голове эхом звучали слова Хлебославы: «Ты глупая подрыхлевшая дойная корова!». Как правильно она сказала, о боги, как правильно.

Сжав руку в кулак, Барма почувствовал как съежился маленький сверток – платок с подарком для Уславы, который он приготовил ей. Дорогая застежка для одежды – золотая булава с красными яхонтами. Какой он глупец, о боги, истинный глупец.

– Вы можете быть свободны, – Рёрик отпускал Барму и Орма, с которыми обсудил все, что было задумано.

Глава вече и тиун вышли на улицу. Затянутое тучами небо не пропускало и единого лучика. Эти двое мужчин были совершенно разными, но одно их роднило: в городе их не любили. Барму не жаловали, поскольку считали перебежчиком. А Орма презирали как чужака. Вот они и подружились. Не друг для друга, а против кого-то. Такая дружба обычно проходит, как только устраняется раздражитель – общий враг. Но пока что этот момент не настал.

– Твоя племянница завоевала внимание князя, – поздравил Орм Барму.

– Даже не знаю, как такое произошло... – не солгал Барма.

– Лукавишь, – усмехнулся Орм. Он наблюдал долгие потуги Бармы и княжны Велемиры, связанные со сватовством Услады, которая лично ему, княжескому тиуну, казалась скучной бледной поганкой. Не было в ней огонька. Зато сама себе на уме, сразу видно.

– Клянусь, – заверил Барма. – Я же был в отсутствии.

– А вернулся, и тут такое... – Орм говорил без издевки. Он ничего не знал о тайной привязанности Бармы к племяннице.

– Вот именно, – мрачно отозвался Барма. – Неужели она все-таки полонила его? – Барма вымолвил вслух то, чего не собирался произносить.

– Не думаю... – отозвался Орм.

– Почему? – Барме племянница все еще казалась привлекательной. Прежде он не замечал других женщин, кроме жены. Его глаза были словно закрыты листом репы, которую Хлебослава так часто готовила. И вот однажды в этом листе гусеница Услада прогрызла дырку и привлекла внимание главы вече к себе самой. Может, он и запал на нее, потому как других гусениц на листе рядом не было. А может, он просто всегда был верным мужем и в целом состоявшимся мужчиной, у которого имелось все для счастья: семья, достаток, положение в обществе. Зачем же он захотел большего?

– Потому что отпустил домой к тетушке... Если б полонила, то не отпустил бы... – продолжал Орм здравые рассуждения.

– Так он и жену свою, дочку Гостомысла, отпустил, – напомнил Барма.

– Нет, дочку Гостомысла он не отпускал. Она все еще его собственность, рьяно охраняемая... А Усладе подарил что-то и отпустил на все четыре стороны...

– Что подарил? – почему-то спросил Барма, словно это имело для него значение.

– Не знаю, какой-то сундук приказчик ей вынес... Да мало ли... Ткани, меха, может... Сам скоро спросишь...

– И то верно... – глава вече усмехнулся. Золотую булавку с рубинами изготовил мастер, по просьбе Бармы и по его наброскам: он лично нацарапал на бересте изогнутые линии лепестков, которые должны были украсить одежду Услады. А что «подарил» ей князь? Сундук с чем-то, чем он сам, обычно любознательный владыка, даже не интересовался, скорее всего...

В этот момент Барма и Орм увидели, что к ним бежит Путимира – средняя дочь Бармы. Девушка была растрепана и вся в слезах. У Бармы защемило в груди. И не сказать, что он не ждал этого. Как бы это ни было необычно, но он ждал, что случится нечто ужасное и непоправимое. Он отнял покой у Хлебославы, и обязан лишиться собственного. Это закон жизни.

– Звенемира упала в корыто с дождевой водой и... – Путимира зарыдала так безутешно, как если бы она сама была матерью утонувшего в слезах неба ребенка.

Барма смотрел вдаль, на расплывшееся по лугу темным пятном озеро. Озеро, отнявшее у него Ясыню. В уголке глаза Бармы налилась скупая, но тяжелая слеза. И правда, это великое благо – найти все таким же, каким оставил. Свой дом он покинул не так давно. Но сейчас он уже не найдет в нем всего, что было там раньше. И за эту свою «прогулку» он, глава вече, платит дорого. У него было все, что требовалось. Но ему казалось, что чего-то недостает. И вот теперь, действительно, недостает. Уже не кажется, а так и есть.

– Соболезную тебе, – на лице Орма вырисовалось неподдельное сочувствие. – Сначала Ясыня, потом маленькая... Дети не должны покидать родителей. Не должно так быть. Не этим должна была завершиться весна...

– Этим, – ответил Барма угрюмо. Он один во всем виноват. Он да та девушка, что соблазнила его. Девушка, несущая боль. – Ничем другим *это* не могло завершиться...

В княжеском детинце сегодня с раннего утра было шумно: Рёрик отбывал в Новгород вместе со своими боевыми друзьями. Множество людей вышло проводить хозяина Изборска.

– Мы будем ждать тебя, – Трувор прощался с Рёриком, который оставил его наместником в Изборске. – Прощай, брат.

– Дюжину дней будем молиться о благополучной дороге для нашего защитника и благодетеля... – пообещала Велемира, склонившись в поклоне.

– Доброго пути, князь, – пожелал Барма от лица боярского вече. Приезд Рёрика для него стал роковым. Но что ж поделаешь: лес рубят – щепки летят. За эти несколько дней Барма прожил целую жизнь, совсем короткую, но незабываемую. И вернулся к прежней.

– Живите по закону, в мире и согласии, – напутствовал Рёрик собравшихся. Сам он нередко нарушал и первое, и второе, и третье, но это не говорило о том, что он не знал, как правильно. – Берегите себя и свою землю.

Глава 10. Родня

Расположенный в живописном междуречье Рейна и Лека Дорестаadt встретил Диву хмурым небом и морозящим дождем, обещая ей столь же пасмурное пребывание на новом месте. Церковь с крестом торжественно и гордо устремила ввысь свое чело, словно не желая глядеть на гостью, привезшую с собой своих богов, спрятанных в амулетах и обережных вышивках. Домики с соломенными крышами, подбоченья сараями и амбарами, устали на чужестранку зияющие темнеющими пятнами очи – окошки с цветными ставенками. Деревянный порт приготовил место для драккара своего хозяина, а его супругу обдал неприветливым ветром, почти сорвав с ее головы капюшон.

– Неужели это Дорестаadt, – Дива не могла поверить, что путешествие, которое казалось ей бесконечно долгим, наконец подошло к концу.

– Пять лет назад сюда нагрянули даны, – вспомнил Гуннар недавний набег датских викингов. – Город был больше... Прежде тут имелся свой монетный двор и множество мастерских...

– Здесь часто идет дождь? – пропищала Углеша, на нос которой упала капля с неба.

– Почти каждый день, – отозвался кто-то из команды. – Лето обычно теплое, но не знойное...

– Непохоже, что теплое, – проворчала Углеша, кутаясь в платок.

– Сегодня просто выдался холодный день...

Привыкшая к каждодневным стенаниям и страданиям, Дива теперь отвлеклась от своих переживаний, с интересом озираясь по сторонам. Места были яркими: множество речушек и озер, свайных мостиков, пасущиеся стада белоснежных овец на цветущих заливных лугах.

И все же, несмотря на красоты вокруг, измученная Дива с сожалением понимала, что ее будущности на новом месте крайне незавидны. Кто она такая? Отставная жена, которую выслали за тридевять земель. Хорошо, если ей вообще окажут княжеские почести на подступах к городу мужа. Но гонца, возвещающего о скором прибытии путников, вперед все же выслали.

До жилища правителя добираться пришлось пешком. Каждый раз сходя на берег, Дива едва ли не шаталась, привыкшая к морской качке. Вот и теперь она еле ступала. Ей казалось, что земля под ее ногами колыхается, но это было уже привычное чувство.

И все же упования не свершились. Никто не выехал встречать прибывшую из далекого Новгорода путницу. Лишь случайные редкие жители стали свидетелями сего события. Кое-как добралась Дива со своими провожатыми до обнесенного частоколом жилища правителя Дорестаadt. Ворота оказались заперты. Шло время. Смерклось. Путникам, наконец, позволили войти во двор. Дива намерзлась. И без того ожесточенная всеми предшествующими злоключениями, она негодовала, вытерпев еще и подобное унижение впридачу. Что сложного в том, чтобы открыть проклятые ворота и впустить ее вместе с людьми Рёрика?!

Прием оказался не слишком радушным, почета и вовсе не было никакого. Никто не вышел поприветствовать Диву, кроме пары нерасторопных слуг. Привыкшая все принимать на свой счет, она расстроилась, предположив, что это не обычное положение вещей, а какой-то расчет, ей неясный. И правда, почему бы Умиле было не встретить ее?

Уставшая Дива сильно проголодалась. Кроме того, ей было холодно. Выяснилось, что покои, которые «подготовили» для нее, давно не протапливались, и оттого казались сырыми. Неуютно и стыло теперь было не только в душе, но и в отведенной для нее обители.

– Топим осенью и зимой, – сухо ответила домоправительница Диве на ее вопрос, можно ли как-то согреться.

Часто зябнущая Дива огорчилась. Ей было тяжело находиться в комнате без верхней одежды. Оставалось верить в то, что лето здесь все-таки теплое, а сегодня, как ей сказали, исключительный день, стылый и мрачный. Но это все лишь внешние трудности, которые в

какой-то мере заслоняли душевные переживания. Разлука с дочерью, потеря князя, отъезд из родного города – все это значительно подорвало силы Дивы и ее дух. А оказанный прием не сулил многого на новом месте. На данный момент и поговорить Диве было не с кем. Она не смогла сдружиться с простушкой Углешей даже за время долгого пути и понимала, что теперь оказалась в отчуждении.

За неделю Дива немного освоилась. Не сказать, будто у нее появились друзья, но, по крайней мере, она уже знала, что и как здесь устроено, где колодец, кого из дворовых кликать в случае чего. За это время Умила ни разу не позвала ее к себе. Дива гадала, отчего такое: больна ли та, занята ли делами города или попросту не желает знакомиться с опальной невесткой. Однажды днем, когда Дива вышивала в своей комнатке, в дверь постучали.

– Дочку Гостомысла пожелала видеть правительница Дорестада, – сообщила служанка.

Дива немного удивилась, поскольку уже перестала ждать приглашения. И почему это все здесь избегают титула «княгиня». Ведь она, Дива, не просто дочка Гостомысла, она еще и княгиня Новгорода. А к ней чаще всего вообще обращаются как-то обезличенно, словно она пустое место.

– Что ж, раз так, то я надену лучшие наряды, – усмехнулась Дива. И в ее ответе шутливости было меньше, чем кажется.

Вся сложность состояла в том, что Дива никак не могла смириться с собственным изгнанием. Не могла принять, что муж отослал ее. И пусть хоть имелись на то причины, и видела она сожаление в его глазах, но все равно ей было обидно. А главное, перед людьми совестно. Она ж не кривая, не умалишенная, чтоб ее гнали прочь. Поэтому и хотелось ей показать себя во всей красе, дабы злопыхатели знали, что князь услав ее, действительно, из надобности! А не потому, что она такая безвкусная и неинтересная!

Дива приукрасилась: в уши – серьги, на руки – те самые браслеты-обручи, коими одарил ее когда-то Рёрик. Вышитый нитями воротник, тонкий пояс и позолоченные пуговицы украшали платье. Дива оглядела свое отражение в начищенном подносе и осталась довольна собой, насколько это было возможно.

У дверей покоев правительницы Дорестада служанка покинула свою доверенную и удалилась. Дива стояла в сомнениях у порога, не решаясь постучаться. И как это она только может тут жаться у входа! Она есмь княгиня Новгорода! Должна войти без стеснений!

Но трудность заключалась в том, что сейчас Дива уже не ощущала себя ни княгиней, ни женой своего мужа, ни, вообще, кем-то значимым. Это чувство усилилось после того, как ей не оказали соответствующего приема, а Умила соизволила принять ее лишь спустя неделю после прибытия.

После громкого стука Дива неспешно вошла, пытаясь подчеркнутой медлительностью придать себе степенности.

Первое, что бросилось Диве в глаза – пышность жилища, в которое ее пригласили. Покои самой Дивы были обставлены крайне просто, хотя в них и имелось все необходимое. Но тут, в чертоге Умилы, обстановка была ослепительной и роскошной. Толстые ковры, широкие занавеси, серебряная утварь, предметы искусства... Дива не могла оторвать глаз от большой пергаментной книги, созданной, кажется, для великана.

– Проходи, – старая княгиня любезно кивнула молодой.

Умила внимательно разглядывала невестку. Не нужно было обладать зрением орла, чтобы узреть красоту прибывшей в Дорестада славянки. И Умила сразу сделала вывод, отчего это все шалости и проказы сходят с рук дочке Гостомысла, о которой Арви написал множество писем. Конечно, Умиле с самого начала не пришлась по душе вздорная девчонка, с которой пришлось породниться. А теперь и того больше. Вот не нравятся Умиле подобные типажи! С

другой стороны, Рёрик ведь отослал несчастную, значит, не так уж она хороша, как кажется с виду.

Войдя в покои Умилы, Дива тотчас развернулась обратно к двери, неторопливо затворяя ее за собой. Тем самым она словно оттягивала момент приветствия, поскольку не продумала, что делать дальше и как себя вести. Вообще-то, батюшка объяснял, что, по правилам, полагается подойти к старшему в семье, будь то муж или отец, а в данном случае – Умила, и поцеловать его, точнее, ее руку. Ну или, по меньшей мере, приблизить начальственную длань к своим губам либо лбу.

Но теперь Дива даже как-то сомневалась, стоит ли ей тут паясничать и целовать перста той, кого она еще вчера называла безродной кухаркой. Умила помогла своей визитерше выйти из затруднения, протянув руку с перстнями вперед. Дива замялась. Но делать, похоже, нечего. Раз она здесь гостя, то надо выразить уважение хозяйке дома и матери мужа, даже если последняя ей не нравится. Отец учил так. Уважение к старшим превыше всего.

Выдохнув, Дива приблизилась к Умиле и, чуть склонившись, поднесла руку старой княгини к своему лбу.

– И за что это он ее такую красивую прогнал?! – вдруг послышалось откуда-то из угла комнаты. Дива сразу даже не заметила, что там кто-то был. И потому от неожиданности вздрогнула, выпустив руку Умилы. Старая княгиня едва улыбнулась. Не своей гостье, а, скорее, так просто, ради хорошего настроения своего.

Дива обернулась. Небрежно развалившись в кресле, покрытом ковром, полусидел-полулежал вызывающе улыбающийся богатырь. По его лицу было понятно, что он чрезвычайно в себе уверен и доволен собой. Диву удивило то, что он был очень похож на Рёрика, хотя, пожалуй, не во всем. Что-то в нем не понравилось ей. Не понравилось сильно. Хотя для многих он показался бы совершенством. Видимо, это и есть брат Рёрика – Синеус. Она слышала о нем мельком.

– Он не прогонял меня! – Дива не знала, как отвечать на его слова и потому, не подумав, изрекла то, что пришло на ум. – А отправил погостить на время и... – Дива не успела закончить, как грубый смех богатыря буквально перебил ее и заглушил речь, потонувшую в его хохоте.

– Синеус, – Умила неодобрительно оглядела сына, словно призывая того к сдержанности. Потом обратилась к Диве, которая стояла как вкопанная, не решаясь ни двинуться с места ни сесть без приглашения. – Историю твою мы знаем вполне. Не трудись повествовать...

Дива покраснела, проклиная себя за свой длинный язык: лучше б вовсе молчала! Наверняка, Арви не только давно поставил Умилу в известность обо всех приключениях жены Рёрика, но и приукрасил последние.

– Значит, вот ты какая, княжна Новгородская, – Умила опустила голову на бок, рассматривая Диву с любопытством. Враждебности во взгляде княгини не было.

Гордость гостьи снова была задета. Она, Дива, уже давно не княжна, а такая же княгиня, как и сама Умила!

И все же чувство неловкости заковало язык дочери Гостомысла, и та промолчала, не отваживаясь отстаивать свой титул.

– Знаешь, часто случается, что свекровь и невестка мало ладят... – задумалась Умила, умудренная житейским опытом. – Особенно если существуют такие обстоятельства, которые имеются у тебя... Твой грубый отказ моим послам от условленной прежде женитьбы... Твои дерзкие речи в присутствии моих поверенных... – в последнем случае Умила имела в виду Арви. – И прочие твои выходки... И все же мы начнем с тобой с чистого листа, не тая обид и не злоумышляя против друг друга... – Умила была большой мастерицей держать неискренние, но красивые речи. – Так ведь?

– Конечно, матушка... – Дива несколько растерялась. Идя сюда, она наперед чувствовала себя униженной и отвергнутой. Недаром же были все эти проволочки со знакомством. И вот теперь неожиданно доброхотное обращение Умилы сбило с толку неопытную Диву.

– По поводу чистых листов... – усмехнувшись, Умила постучала ладошкой по большой книге, лежащей рядом с ней на столе. – Ты знаешь, что это такое?

– Эм, нет... – оторопела Дива, которая прежде мнила себя ученым человеком, но, точно, не могла знать, что за труд пылится на столе Умилы.

– Это самая ценная рукопись на здешних землях, – милостиво пояснила Умила, ум которой тяготел к искусству. А Утрехтский псалтырь, безусловно, являлся достоянием, которым княгиня гордилась и которое, по ее мнению, подчеркивало ее образованность. – Помимо текстов, здесь содержится сто шестьдесят шесть рисунков, выполненных тушью... Ты владеешь латынью?

– Нет, – опешила Дива, которая теперь чувствовала себя глупой растяпой.

– Жаль. Я уповала, ты переведешь нам сие произведение... Твой отец писал мне в своих посланиях, что ты образована... Ну что ж... – Умила, разумеется, не задумывала совместного чтения, но не могла отказаться от идеи поставить Диву на место, дав той понять, как она ничтожна.

В свою очередь Дива вконец смешалась, ощутив в полной мере собственное невежество, захлопав пушистыми ресницами. Ее трогательная растерянность не умилила старую княгиню. Но понравилась Синеусу, который тоже не слыл искусствоведам. Зато знал свою матушку вполне и понимал, к чему все эти ненужные разговоры про книгу.

– А Нег не такой уж дурак... Сам женился на кроткой голубке, а мне подсунил ворчливую невзрачную сосульку, – без стеснений констатировал Синеус, вспомнив Ефанду. Разбалованный дозволенностью всего видимого, он делал и говорил что захочет, не щадя ничьих чувств.

Неумышленно Дива обернулась на деверя, точнее, на его вызывающую речь. Их глаза встретились. Властный и наглый взгляд брата Рёрика напугал ее. К тому же Синеус смотрел на нее с явным мужским интересом, беззастенчиво разглядывая. Ей даже сделалось не по себе от столь неприкрытой развязности и бесцеремонности. Смущенная Дива поспешила поплотней запахнуться в шаль.

– Сын, – Умила укоризненно оглядела Синеуса, словно желая, чтобы он со своими откровенными высказываниями не вмешивался в беседу. А потом опять обратилась к Диве. – Я слышала, ты родила.

– Да, девочку. Ендвинду... – Дива вспомнила лицо своей крошки и улыбнулась.

– Жаль, что не мальчика. Нашему роду нужны сыны. Законные, имеется в виду. А от девочек толку нет, к сожалению. Одни только хлопоты. Вот как с тобой... – слова Умилы были сказаны ровным тоном, но все же предполагали обиду.

И Дива вспыхнула. Ее чувства пустились вскачь, словно буйные кони. Они что, проверяют ее тут? Или нет никакой проверки, а это лишь обычная манера обращения с теми, кто у них в зависимости?! Диве захотелось поспорить, возразить, но присутствие Синеуса несколько охлаждало ее пыл. Если он хотя бы вполтину свиреп так, как его брат, то уж лучше не злить его, вступая с его мамашей в бесполезную полемику, которая окончится трагедией для гостыи. Не следует обращать внимания на речи Умилы и уж тем паче встрять из-за них в новые неприятности. Скорей бы уже уйти из этих душных покоев!

– Ну почему, ты не права. Девчонки тоже на кое-что стоят, – ухмыльнулся князь, охватив Диву столь непристойным взглядом, что ей показалось, будто с нее сорвали половину одежды.

– Расскажи, как там мой сын... Все ли ладно? – не останавливаясь на словах Синеуса, обратилась Умила к Диве так просто, словно до этого и не сказала ничего досадного.

А Дива совсем запуталась. То Умила предлагает не злоумышлять друг против друга, то говорит нечто, граничащее с оскорблением! Бабка хочет обидеть ее, Диву? Или что? Или нет... Или она лишь говорит правду, все так и есть... Толку от Дивы немного, а ее ценность уже не так велика...

– Все ладно с ним, – ответила Дива, грустно вспомнив Рёрика. Разлука сама по себе тяжела. Но тяжелее всего осознание, что вдали от нее, Дивы, внимание Рёрика сойдется на других женщинах. Это неизбежно. Он забудет ее окончательно, потому что и до этого не так-то часто вспоминал о ней.

– Он здоров? – тревожилась Умила.

– Здоров, – успокоила Дива.

– Что ж... Ну а ты сама... – продолжала Умила дальше, как будто уже без интереса. – Как дорога?

– Была успешной, – ответила Дива. Вообще-то, дорога была крайне скверной, но не хотелось жаловаться Умиле и что-либо ей объяснять.

– Слава богам, – Умила кивнула, но было видно, что заботы Дивы ее мало заботят. – Ну раз так, то ступай... А если тебе что-то понадобится, то дай мне знать. Я в ответе за тебя перед сыном, – на этих словах Умила опять выставила вперед свою уже немолодую, но все еще изящную кисть, унизанную перстнями. После всей этой неприятной беседы Диве совсем не хотелось приближаться к ладони Умилы, выпяченной для почтительного поцелуя. Однако сдержав порыв негодования, «княжна» приложила лбом к перстню и пошла вон из покоев, решив для себя в будущем без особой надобности не встречаться с «матушкой».

Покинув высочайшие покои, Дива отчего-то почувствовала себя униженной. Кажется, ей не было сказано ничего грубого. И все же ею недовольны. Должна ли она пытаться угодить Умиле и Синеусу? Одно дело, когда Рёрик недоволен ею: это хоть как-то понятно, ведь он все-таки ее князь и муж. Другое дело – свекровь и деверь. С другой стороны, именно от них сейчас зависит ее судьба. О Сварог, ужели она останется в постылом Дорестаде до самой смерти?..

После знакомства с новой семьей Дива окончательно пала духом. Она почувствовала себя невыразимо одиноко. А Дорестада теперь сделался для нее непреодолимо чужим. Она бродила по двору, даже не зная, куда и зачем идет. Она увидела чужого ребенка, бегущего ей навстречу, и на ее глазах навернулись слезы. Верещащая малышка врезалась в ее юбку, затем попыталась спрятаться от таких же маленьких преследователей, заслонившись подолом Дивы. Но потом снова бросилась бежать с веселым смехом, звонким, как колокольчик. Дива проводила взглядом маленьких бегунов, играющих в догонялки. Кажется, она сама совсем недавно играла в похожие игры. И вот теперь она так далека от беззаботности. У нее есть ребенок. Но материнство для нее – это не умиротворение, а, напротив, беспокойство и страх. А сейчас и боль.

Слезы заволокли глаза Дивы, и она не заметила вышагивающую ей навстречу женщину, с которой они чуть не столкнулись. Вероятно, незнакомка полагала, что спотыкающаяся и еле бредущая Дива уступит ей дорогу. Этого не произошло. И они едва разошлись. Высокая худая женщина ничего не сказала Диве, лишь подернула плечом и пошла дальше, гордо подняв подбородок. Дива даже очнулась от своих переживаний. Она не могла не обратить внимания на столь вызывающий выпад. Вот до чего дошло. Теперь еще ее нарочно задевают локтем. Она как будто не жена князя, а рабыня с рынка. И кто эта величавая бледнокожая женщина, с которой они встретились на узкой дорожке?

Дива не поняла, озвучила ли она свой вопрос вслух или так совпало, но совсем неподалеку от нее прозвучал голос, обращаясь именно к ней.

– Это Ефанда. Я бы советовала остерегаться ее... – из окна дома выглядывала молодая нарядно одетая женщина. На ее руках сидел пушистый бурый зверек с длинным телом

и такой же вытянутой шеей. Темными бусинками блестели два хищные глаза на треугольной мордочке. – Настал момент и нам познакомиться. Я сейчас выйду к тебе. Дождись меня...

Ставни окошка затворились, а Дива осталась стоять посреди двора чуть растерянная и недоумевающая. За неделю своего пребывания в Дорестадте она почти не выходила из покоев, а когда ей все же случалось покинуть их, то она никого не встречала. А сегодня сразу столько новых лиц! Хорошо, что она оделась нарядно и не забыла об украшениях. Пусть будет видно, что она из благородных.

Послышался скрип двери, порог переступила стройная фигура. В ее руках была небольшая корзинка, закрытая плетеной крышкой.

– Пойдем и посидим возле воды... – предложила девушка просто. – Меня зовут Ума. По моему имени ты должна догадаться, кто моя мать... – усмехнулась дочка Умилы. – Ты жена Рёрика, стало быть, мы с тобой теперь сестрички...

Тропинка с заднего двора вывела в рощу, а оттуда к небольшому водоему. Заросший ряской пруд, в котором затонула старая ива, явился пристанищем квакающих лягушек. Еще издали различила Дива их шумные споры.

– Значит, ты ничего не знаешь о Дорестадте... – усмехнулась Ума.

– Скорее всего... – после посещения Ладоги Дива была готова уже к любым новостям.

Обе женщины присели на бережку. Несмотря на кваканье лягушек, пруд был тихим местом, безлюдным. Ума протянула руки к корзинке, которая стояла между ней и Дивой, и достала оттуда своего ручного зверька.

– Это мой горноста́й... – похвасталась Ума. – Он милый и забавный... Я беру его на прогулку иногда. Но он может убежать... Так что на нем сбруя... – Ума указала на кожаную шлейку, плотно облегающую тонкое тельце изящного зверька. – Его еще малышом принес с охоты Синеус...

– Неужели? – для приличия поразилась Дива.

– Да, нашел в дупле детенышей... И отдал их нам с Ефандой... Ты видела ее только что... Она толкнула тебя...

– Она не то чтобы толкнула... Наверное, она думала, что я уступлю ей дорогу, – рассудила Дива. – Но я, и правда, не обратила внимания на нее. Не заметила...

– Это потому что ты княжна. А она принцесса... Вы обе считаете, что вам должны уступить дорогу... Однако замечу тебе, что, помимо вас двоих, тут есть и другие уважаемые женщины: я и матушка... – заметила Ума, поглаживая худенького зверька, который привык к ее ласке. – Чем раньше ты это усвоишь, тем проще тебе тут будет... К примеру, с Ефандой я уже не разговариваю... Теперь при встрече мы даже не здороваемся. Вот до чего довели ее чванливость и высокомерие... – Уме не нравилась гордая жена Синеуса. И в этой своей неприязни она собиралась найти соратницу в лице Дивы.

– Ты сказала, что Ефанды следует остерегаться... – напомнила Дива.

– Особенно тебе, – подтвердила Ума, растянувшись в загадочной ухмылке. – Неужели Рёрик не рассказывал тебе? Он собирался жениться на Ефанде... Однако потом он двинулся в Новгород к тебе. А на ней женился Синеус...

– И что же? – недоумевала Дива. – При чем здесь я?

– Ну как же... Ефанда и Синеус живут не слишком дружно, – Ума любила сплетничать, особенно об отношениях между мужчиной и женщиной. – И я уверяю тебя, что Ефанда желала стать женой Рёрика. Ведь они были знакомы прежде. А ты заняла ее место. Вот так.

– О боги, я не занимала, – вырвалось у Дивы. Потирая лоб, запотевший под тесным убором, она удивилась тому, что у нее есть тайная врагиня. – Он сам...

– Ха-ха, я знаю, что «он сам», – рассмеялась Ума. – И Ефанда знает... И завидует, что он выбрал тебя, а не ее...

– Мне кажется, дело тут не во мне и не в ней...– заметила Дива. Разговор с Умой складывался легко. Диве даже стало чуть веселее оттого, что у нее появился словоохотливый друг.

– Ты полагаешь, что он женился на тебе, чтобы получить твой город. Это отчасти так, – согласилась Ума. – Однако я знаю своего брата и скажу только одно...Если бы он хотел жениться на Ефанде, то сделал бы это...А он не стал. Поскольку Ефанда не привлекла его. И ей это досадно. Ведь она полагает себя благородной особой, недостижимой для обычных смертных. И тут вдруг ее отвергли ради тебя...Вдумайся! – Уме нравилось приукрашать свои рассказы выводами, пусть и надуманными.

– Ну так теперь Ефанда может успокоиться: он меня выгнал, – пошутила Дива.

– Не успокоится...Она злобредная. И завистливая! – заверила Ума.

– Мне уже можно не завидовать, я осталась без мужа, – вздохнула Дива.

– Ты без мужа, но Синеус как муж ее тоже не интересуется, – сообщила Ума.

– Почему? – Дива не знала Синеуса близко, чтобы судить о нем.

– Ты скоро поймешь сама...– Ума не стала отвечать на вопрос.

– Ты не скажешь? – Диву удивил отказ Умы от темы, которую та сама подняла.

– Я же говорю, ты скоро все уразумеешь! – повторила Ума, явив свой истинный нрав: лукавый и трудный для окружающих. – Если хочешь, мы и тебе добудем горностая...– Ума резко перевела разговор с интересного на обычное.

– Даже не знаю...– Дива не думала об этом прежде и теперь не была готова дать ответ. Ей показалось чудным, что Ума так носится со своим питомцем. – У тебя есть дети? – Дива поняла, что поспешила с вопросом и пожалела о своей расторопности.

– Мы с супругом прожили недолго. И не успели обзавестись детьми...– ответила Ума, продолжая поглаживать зверька, привыкшего к ее руке. – Знаешь, я не из тех, кто тщится произвести потомство в любом случае. Я хочу достойного отца для моего будущего дитя. И выбрать мужа я желаю лично.

– А твой супруг?..– Дива даже не знала, как правильно задать щекотливый вопрос. Хотя по тону Умы было уже наперед ясно, что ее брак не был счастливым.

– Он умер...– Ума не выглядела огорченной, поддерживая грустный разговор. – Я видела его всего несколько раз. Мы были малознакомы. Видишь, какого спутника мне выбрал твой муж...

– Наверное, Нег хотел как лучше...– предположила Дива.

– Ты защищаешь его после всего?! – изумилась Ума.

– Я не защищаю...Я просто...Он не мог без причины сделать тебя несчастной...– выдвинула предположение Дива.

– А тебя разве он не сделал несчастной без причины? – усмехнулась Ума.

– Ну...Причина была все-таки, – пошутила Дива.

– А, ну да...– рассмеялась Ума. – И как вы живете? Он обижает тебя?

– Нет...

– Наказывает? – Ума наострила уши так же, как и ее питомец, слышавший шорох в траве.

– Нет...

– Он любит тебя?! – изумленно допустила Ума.

– Нет...

– А ты его? – неожиданно беспардонно спросила Ума.

– Мы с ним...У нас...То есть я...– запуталась Дива, которая не знала каким словом озаглавить вихрь тех чувств, которые испытывала к Рёрику. Она опасалась его, нуждалась в нем, скучала по нему и не могла простить его. И каждый раз думая о нем, она ощущала, что они все еще связаны.

– Значит, любишь? – уточнила навязчивая Ума. А Дива лишь вздохнула в ответ. – Не буду осуждать тебя за это. Хотя тебе стоило бы ненавидеть его до конца твоей жизни. Но ведь сердцу не прикажешь... И все-таки забудь о нем поскорее. Ведь он о тебе, точно, забыл. Я уверена, что пока ты льешь тут слезы, он уже тешит с какой-нибудь бабенкой. А может, и не с одной.

– Да, я знаю... – ответила Дива, которая умом понимала все, но сердцем не принимала ничего. Она также заметила, что ее собеседница имеет нечто общее со своим питомцем: и дело, кажется, не только в узкой талии и вытянутой шее.

– Знаешь? И так просто об этом говоришь? Хотя, и правда, что тебе еще остается, когда твоя соперница – непобедимая Вольна...

– Моя соперница не Вольна. Мои соперники – его своеволие и вседозволенность... – перед глазами Дивы все еще стоял образ Перуники. В жизни Рёрика много встреч, а не одна какая-то вечная любимая.

– Ты не винишь разлучницу в том, что она все разрушила?

– Эта женщина мне глубоко неприятна. Она отвратительна по своей сути. Но она не могла разрушить то, чего не было. У нас не было ничего... – Дива ясно видела, что они с Рёриком всегда были далеки друг от друга. И если их не отдаляло расстояние, то разделяла иная пропасть.

– И не винишь его самого за то, что он предпочел ее?

– «Предпочел»? Он ничего мне не обещал... – Дива осознавала, что то положение, в котором она оказалась – только ее личная сложность. От этого ей было еще обиднее, потому что виновных, на которых перенеслась бы ответственность, не имелось. – Он не обещал, что будет любить меня...

– Ты удивительна, поистине...

– Я стараюсь соответствовать обстоятельствам... – ответила Дива просто. В ее душе была обида, но не было ненависти, отнимающей сил. – Можно погладить твоего хорька?

– Конечно... – Ума улыбнулась, заговорив о любимом питомце.

– Это ведь хищник... А стал ручным... – задумалась Дива, дотронувшись до насторожившегося зверька.

– Знаешь, взрослый горностаи никогда не станет ручным. Так что если ты захочешь себе такого же, то придется искать детеныша. Это благородное животное. Он не терпит рядом с собой абы кого. Поэтому, наверное, и живет один... – вывела Ума.

– Я все-таки вижу в нем лесного обитателя... – призналась Дива, с интересом разглядывая с виду ласкового зверька, который в действительности был беспощадным охотником.

– Кстати, ты знала, что горностаи не строят себе домики, а занимают чужие? Точнее, занимают жилище своей жертвы, шкуру которой выстилают для собственных детенышей...

– Не только горностаи живут в домике жертвы. Люди тоже иногда так делают... – усмехнулась Дива.

– Ну да... – Ума прижала зверька к груди, к которому у нее были чувства гораздо более теплые, чем к большинству людей.

Смеркалось. Ума и Дива возвращались домой, болтая по пути о том о сем. Дива не заметила, как отвлеклась от своих переживаний, слушая трескотню спутницы. Дорестадт уже не казался ей таким уж невыносимым: хорошо, что появилась подруга: тем более чуткая.

Навстречу Уме и Диве шел человек и нес в руках большую корзинку, из которой торчало сено. Когда он поравнялся с прогульщицами, оказалось, что это юноша.

– Рарог, обожди... – окликнула Ума. – Куда идешь?

– Да вот... Помочь попросили... Отнести... – отвечивал юноша, потрясая плетенкой.

– Кто бы и что тебе ни говорил прежде, знай, он хороший мальчик, – объяснила Ума недоумевающей Диве. – Добрый, помогает всем. Так ведь, мой соколик?

– Конечно, тетушка, – ответил юноша, который покорно стоял с тяжелой корзиной, не смея теперь уйти.

Дива смотрела на юношу и не могла никак понять, кто он такой. Одет он был просто, но, впрочем, не как слуга. Больше всего ее озадачило то обращение, которое он направил Уме.

– Дива, ты же не будешь его обижать? – уста Умы потянулись в стороны.

– Что? Нет... – Дива растерялась, даже не понимая о чем речь.

– Ведь Рёрик рассказывал тебе о своем старшем сыне? – Ума обратила на Диву вопро- сительный взгляд.

– Сыне? – Диву бросило в жар. Она прислонила руку к горячей щеке. Она ведь готова к подобным новостям. Тогда отчего ей опять дурно?

– Странно, – усмехнулась Ума и положила корзинку с питомцем на землю, вероятно, готовясь к продолжительной речи. – Рарог, поставь поклажу. И посмотри внимательно. Это твоя мачеха. Княгиня Дива. Она недавно прибыла из Хольмгарда...

Ошарашенная Дива смотрела на светловолосого юношу и уже видела в нем Рёрика: они оба, бесспорно, похожи. Юноша высок, ладно сложен. И потупил свои голубые очи. Вероятно, он не слишком рад знакомству. А она в свою очередь чувствует, что не может принять его, каким бы славным он ни был и как бы она сама ни желала этого.

– Она старше тебя и значительно выше по положению. Ты должен уважать ее и слушаться. Поцелуй ее руку и ступай, – покровительственным тоном наставника распорядилась Ума, обра- щаясь к юноше.

Опешившая Дива даже не сразу поняла, о чем говорит золовка. А когда опомнилась, хотела возразить: ей не нужно подобных знаков почтения, она не готова к ним. Она вообще уже ни к чему не готова и ничего не желает, кроме единственного: поскорее умчаться в свои покои, покидать которые ей не следовало.

Растерявшаяся Дива не успела ответить на слова Умы, она лишь открыла рот, словно желая молвить что-то. Но на самом деле она не могла ничего сказать. Ее голову обуяли мрачные мысли, которых было слишком много для того, чтобы выразить их в какой-то форме. Она никак не может принять того, что у Рёрика была большая и насыщенная жизнь до встречи с ней. Вот уже третий сын. А перед этим ребенок Перуники. А до того Вольна и ее дети. Она сама его жена и княгиня. Но она мало знает о нем. Она ничего не знает о нем, но продолжает надеяться и ждать от него чего-то. Хотя уже ясно, что для него свет клином не сошелся на ней. И она рада бы прекратить свои безмерные страдания по нему, но не может. Это как будто уже не от нее зависит. Это словно какая-то болезнь, которую она не в силах победить.

– Княгиня... – сдвинув брови, юноша едва коснулся руки Дивы губами. Было видно, что сие вынужденное выражение почтения далось ему нелегко.

– Теперь ступай, Рарог, – Ума подала племяннику знак, что он свободен.

Юноша взял свою корзину и скорым шагом отправился туда, куда шел перед этим. Ума проводила его взглядом, а затем развернулась к Диве.

– Что с тобой? – нарочито недоуменно спросила Ума, которая в действительности пони- мала причину того оцепенения, в котором прибывала ее собеседница. – Тебе дурно?

– Я не знаю... – прошептала Дива. Она никак не могла справиться с мыслями. Интересно, что было б, если бы она родила не дочь, а сына? Он бы стал преемником Рёрика? Но ведь ее ребенок был бы самым маленьким из его сыновей. Она столько перенесла ради своего Новго- рода, но, кажется, все обречено быть напрасным.

– Зайдем в мои покои... – решила Ума.

Покои Умы оказались значительно меньше по размеру по сравнению с чертогом Умилы. Однако убранство здесь было столь же роскошное, особенно это касалось обстановки: ковров, сундуков, широкого ложа и украшенной изразцами печи. Лишь только женщины зашли внутрь,

Ума закрыла ставни и дверь, а затем достала из корзинки своего юркого питомца и усадила его себе на колени, принявшись поглаживать. Дива тем временем молча смотрела на ларец, из которого выглядывала нить янтарных бус. Бусы не занимали Диву, они просто попались на глаза.

– Ты огорчилась, узнав, что у Рёрика есть сын? – прямо спросила Ума.

– Я не должна огорчаться такому, это неправильно, – Дива всегда старалась вести себя верно и думать так же. Она не позволяла себе идти на поводу дурных чувств и желаний. Она верила, что ее старания будут вознаграждены. Но сейчас она уже теряла эту веру.

– Не должна. Но огорчаешься, – подчеркнула Ума, запустив питомца в клетку. А после выглянула в окно и подозвала кого-то.

– Рарог... Он старший, – Дива видела только то, что бросалось в глаза.

– Он старший, но незаконнорожденный. И это не поменяется уже... – заметила Ума, закрывая ставни. В ее руках теперь был цыпленок, которого ей кто-то подал с улицы.

– Но его имя... Рарог... – Дива знала, что имя юноши соответствует имени рода Рёрика. Они оба соколы. Такое имя не дают просто так.

– Да, имя значимое. Имя первенца Рёрика, – объяснила Ума, подойдя к клетке, в которой сидел ее голодный питомец. А желтый цыпленок немедленно запищал, словно предчувствуя неминуемую беду.

– Других сыновей нет? – Дива уже была готова к любому ответу.

– Кажется, нет. Хотя кто знает... – рассмеялась Ума, открывая клетку. – Жизнь таких мужчин, как мой брат, таит в себе множество тайн и неожиданностей...

– Это уже понятно... – отозвалась Дива. Ей на ум вдруг неожиданно пришел ее первый жених – Радимир. Он казался ей тогда глупым растяпой, но ведь именно его выбрал отец ей в спутники. И, возможно, был не так уж неправ. По крайней мере, с Радимиром ее не ждали бы подобные сюрпризы.

– Кстати, Вольна очень обижала Рарога, когда жила здесь с нами... – вспомнила Ума, бросив в клетку желтый пуховый ком. Горностай не ждал долго, сразу кинулся на жертву, вцепившись ей в горло.

– Обижала? – Дива пока не понимала, о чем речь. Она была так погружена в собственные волнения, что даже не замечала возни в клетке. А когда заметила, то отпрянула в сторону, хотя происходящее было в порядке вещей. Она оказалась чувствительной более, чем ей позволено.

– Мальчишка был как раз в таком возрасте, когда приносил больше вреда, чем пользы. Как и все растущие дети, я думаю... – рассуждала Ума. – А Вольна постоянно жаловалась на него Рёрику. Мой брат слушал ее. И мальчишке попадало крепко. Может, так и надо с детьми, кто знает. А может, нет. Но знаешь, чего точно не должно быть? Ребенка не должны наказывать без повода. Или за неумышленный проступок. Это все знают. Но Рёрик забывал об этом, когда жалобы вылетали из уст Вольны. Теперь ты понимаешь, почему Рарог сейчас отнесся к тебе с опаской? – Ума заметила, что племянник не был рад знакомству с мачехой. – Наверное, он ждет от тебя того же, что от Вольны... Думает, ты станешь жаловаться на него с тем, чтобы его наказали посильнее...

– Нет, я не стану...

– Ты так в этом уверена? – лукаво заметила Ума. – Имей в виду, он тебя не любит. И это будет тебя раздражать. Особенно если ты узришь в нем продолжателя рода его отца... Чужих детей любить нелегко.

– Нег никогда не рассказывал мне о сыне...

– А он много чего вообще рассказывал тебе? – Ума с любопытством оглядела собеседницу.

– Нет. Вообще ничего, пожалуй, – Дива никогда не интересовалась, а он и не рассказывал. Она была занята только той частью его жизни, которая связана с ней. Она не хотела знать того,

что было до нее, опасаясь подобных подробностей. А может, ей следовало их знать. Тогда бы сейчас она не чувствовала себя столь растерянно и глупо.

– Он говорит с тобой?

– Нечасто, – Дива расстроилась собственному ответу. Кажется, они мало объяснялись с Рёриком. Получается, он даже не знает, какая она есть.

– Ну теперь это уже неважно.

– Почему? – не поняла Дива.

– Потому что никто не знает, увидите ли вы снова... – вздохнула Ума.

На землю спустились сумерки. Но Умила была ночной птицей. Мудрой совой, не ранним жаворонком. И в своих ночных бдениях она не жалела дорогих восковых свечей и своего сына, которого часто задерживала у себя допоздна, полагая, что вечерние беседы – самое лучшее для него.

– Тебе известно, что Изборск теперь наш? – неожиданно задалась вопросом Умила.

– О боги, матушка, новость стара, – Синеус потянулся и зевнул: его весь день клонило в сон. Он еле дотянул до вечера. И вот теперь вынужден поддерживать эти странные диалоги вместо желанного сна.

– Стало быть, тогда ты ответишь мне, кто там поставлен княжеским наместником? – Умила сложила руки в замок и заботливо оглядела Синеуса. Младший сын. Озорной. Смелый. И вообще хороший добрый мальчик. Для нее он навсегда останется ребенком, нуждающимся в ее совете и опеке. Он славный и послушный, в отличие от Нега! Который вопреки словам матери чуть было не женился на гадкой Вольне! Но Синеус слишком уж горяч. Кажется, взрослый мужчина, а все такой же несдержанный. Оттого и волнение за него. Старший, Рёрик, трезвый и осмотрительный, а этот, напротив, взбалмошный и страстный. Он нуждается в материнском попечительстве, хоть и отрицает это всем своим бравым видом. – Ну так?

– Нег. Кто же еще! – усмехнулся Синеус.

– Ты слушал невнимательно: я спросила, кто есть «наместник»? – Умила следила за своим Синеусом глазами, полными материнской любви, но и тревоги тоже.

– К чему ты это клонишь?! – Синеус встал, потянув широкую спину.

– К тому, сын, что Нег поставил там своего друга Трувора. Хотя у него есть брат! И виноват в этом, безусловно, ты один! – Умила ткнула пальцем в столешницу.

– При чем здесь я?! – Синеус выпучил глаза, которые моментально наполнились злобой. – Вы же сами с ним так постановили: он ходит в походы, расширяет границы, раз он такой великий вожак нашего семейства; а я остаюсь здесь – на защиту баб и кур, оборонять Дорестаadt, чтоб не вышло, как с папашиным Рарожем! Я, что ли, хочу торчать тут?!

– Мой мальчик, запомни, Дорестаadt – это уже прошлое. Нужно думать о будущем, – посмотрев на взбешенного Синеуса, добавила очень спокойно Умила. – Так что в этом положении негоже, что князь кличет братом чужого, когда у него есть ты...И я переживаю из-за этой глупой вражды между тобой и им. Оставь ее уже...

– Это все ты! – вскипел Синеус. – Сказала: «Будь тут, со мной! Отстаивай город, помогая брату, чтобы он не рвался на части!», – рассерженный Синеус пнул кресло, в котором только что отдыхал. От его пинка оно даже подпрыгнуло. – И что теперь?! А теперь я, по вашей милости, сижу здесь, как трус! Да еще и оказываюсь виноват в этом!

– Ты все делал правильно, мой славный, – Умила улыбнулась, чуть склонив голову. Удалец. Пошел в непоседу Годслава. Тот тоже рвался в бой, словно на празднество. – Но теперь, когда обстоятельства изменились, тебе нужно действовать иначе. Собери дружину воедино и отправляйся к брату на подмогу. Будешь в помощь ему. Свежие силы и храбрые сердца никогда не лишние там, где звенят мечи. Он будет рад тебе...

– И егда же мне, по-твоему, к нему отправляться?! – Синеус бодро заходил по горнице. Сонливость умчалась. Казалось, от его тяжелых шагов вздрагивают все сундуки и лавки, такой он был весь взвинченный.

– Как соберешь дружину. Стало быть, к концу лета, – Умила видела, что Синеус горячится, но она не успокаивала его, а вела себя так, словно ничего не происходит. Она знала, что нельзя потакать его настроению. И лучше даже не обращать внимания. Ведь если отвечать на его шумные возгласы, утешать, когда он злится, просить чего-то не делать – то он обязательно все вывернет. Поступит наоборот, еще и поглумившись предварительно. Таков уж он, что делать... Он не может по-мирному.

– Я все время у него на нитке! – губы Синеуса сложились в жесткую фигуру. Они с Рёриком часто бывали в разладе, затем мирились. Но причина всех ссор была только одна: Синеус не желал быть чьей-то тенью. Он хотел собственной жизни и признания.

– Это не так. Мы одна семья и должны быть все вместе... – увещевала Умила.

– А тут кто останется? Кто защитит Дорестагт в случае чего?! – Синеус не стал развивать предложенную Умилой тему про семейные узы.

– Ну, здесь будет Олег... – Умила уже все продумала еще до разговора с Синеусом.

– Брат Ефанды?! Ну что ж, если она сама останется тоже здесь... – когда Синеус успокаивался, то начинал злобно шутить. – Она какая-то неприятная в последнее время...

– Олег долгое время с нами. Мы убедились, что он не только наш добрый родственник, но и надежный соратник, – Умила не обращала внимания на многие высказывания сына, особенно относительно жены и других женщин. Из этих пошлых оскорбительных речей состояло полразговора с ним. – Да и Нег был всегда им доволен. Мы не должны позволять Олегу уехать от нас обратно на родину.

– Мне порой кажется, что Нег всякого болвана любит больше, чем родного брата!

– Ты же знаешь, что это не так, – Умила была спокойна, как северная скала. – Нег знает, что ты хороший воин, он будет рад тебе. Но твое сияние при этом не умаляет достоинств Трувора и Олега. Главное, усвоить одну вещь. Настанет день, и мы утратим Дорестагт. Так что будет лучше, если это все-таки случится в твое отсутствие...

Еще с полчаса Умила успокаивала Синеуса, который был не прочь буйствовать почти по любому поводу, что уж говорить о том, если причина для гнева, и впрямь, имелась. После обстоятельной беседы он вышел от матери со смешенным чувством не то злости, не то, наоборот, нетерпения скорее тронуться в путь. По сути, он с детства был шаловливый егоза и оставался таким, возмужав. А то, что его оставили в Дорестагте за старшего, было хоть и почетно, но едва переносимо. Возможно, потому он и гневился постоянно. Тем более Дорестагт всегда был неспокоен, ведь рядом такой сосед, как даны. Потерять этот город – лишь вопрос времени. Впрочем, Синеус был все же не такой легковесный, как думалось Умиле. Конечно, он бы не отказался повоевать с врагами, но, как и любой мыслящий человек, сперва прибегал к переговорам. Вот и сейчас князь усиленно трудился над тем, что старался договориться с соседом Рагнаром о мире, выгодном для обоих.

Выйдя от Умилы, Синеус направился в кухни. Там оказалось пустынно: прислуга улеглась спать. Что и понятно, ведь вставать слугам предстоит, как только рассветет. Они не господа, чтобы спать сколько вздумается. Синеус любил дружелюбных поварих. И не найдя тут желанного общества, занялся распитием браги. Растревоженный разговором с матерью, он выпил больше, чем планировал. И вместо того, чтобы обрести успокоение, рассердился еще сильнее. То есть сейчас он должен немедленно куда-то мчаться только потому, что Рёрик, видите ли, назвал братом какого-то громилу?! Почему он сам, вполне разумный Синеус, всегда подвязан на брата? Так должно быть?!

В это время года Синеус неизменно гулял по девкам: летняя пора располагала к похождениям, в том числе и любовным. Но только не сегодня: за окном шел ночной дождь, такой

же однотонный, как вся его, Синеуса, проклятая жизнь. День за днем он слышит о том, как могуч его старший брат. День за днем он видит недовольную рожу Ефанды, на которой его вынудили жениться. День за днем он охраняет город, который ненавидит. Почему он должен быть счастлив и доволен?!

Коридоры, соединяющие покои домочадцев, были широкими, но темными. Синеус обычно не носил с собой свечи: ему хватало света звезд и луны. Но не сейчас, когда тяжелые тучи заволокли небо. Пробираясь почти только ощупью, он вдруг увидел огонек,двигающийся ему навстречу. Шатаясь от выпитого хмеля, Синеус заставил себя свести взгляд на неясном образе, таящемся за свечой. Он сразу узнал лицо Дивы. Судя по всему, она возвращалась от Умы. Сестра такая же, как мать: тоже не спит ночами. И обожает чесать языком. Вот, надо думать, и кудахтали до ночи.

Погруженная в свои мысли и плетущаяся в темноте Дива даже не заметила, что в коридоре кто-то есть. Наткнувшись на Синеуса, она от неожиданности вскрикнула. Это был просто вскрик, ничего не означающий. Но Синеусу он пришелся по душе, как и сама Дива. Она, вообще, понравилась ему сразу, как он увидел ее.

Вышло так, что Синеус оказался в дверном проеме. Дива не придавала значения этому обстоятельству и хотела обойти помеху справа. Однако князь отклонился одновременно с ней в ту же сторону. Не видя в его выходке умысла, Дива дернулась влево, но Синеус уже был и тут. Дива несколько опешила и посмотрела на него вопросительно: ей были не по душе заигрывания верзилы. А то были именно заигрывания, судя по его дерзкому взгляду, различимому даже в полумраке.

– Откуда это ты бредешь, моя прелестная валькирия? – Синеус улыбнулся своей обычной бессовестной улыбкой, окончательно загородив собой проход. Диве сразу не понравилась эта его вольность в действиях и высказываниях, которая не предвещала ничего положительного. Однако было непонятно, что хуже: не обратить внимания на его слова или все-таки огрызнуться. И напомнить ему, что он говорит с княгиней Новгорода!

– Я иду от Умы, мы беседовали, – холодно ответила Дива, снова попытавшись пролезть в дверь. Но на этот раз князь перешел всякие границы: его огромные ладони неожиданно оказались на ее плечах. Нахмурившись, Дива постаралась отстраниться.

– Ума – злобный хорек. Такой же жестокий, как живет у нее в клетке. Будь с ней насто-роже. А если захочешь с кем-то поговорить, то лучше сразу приходи ко мне, я всегда готов выслушать тебя, – двусмысленно улыбаясь, Синеус по-прежнему нахально удерживал ятровку, не обращая внимания на ее попытки высвободиться. Дива же в свою очередь наконец разобрала запах хмеля, смешивающийся с теплом дыхания Синеуса. А хмель, как известно, про-рочит сложности почти всегда.

– Я все же пойду, – Дива недовольно одернула плечи, которые Синеус ласково сжал сво-ими горячими ладонями. Избегая смотреть на деверя, она попыталась отстранить его от себя. – Прошу меня не задерживать. Или я рассержусь.

– Какая воинственная. Я начинаю трястись от страха, – оскалился Синеус, который был почти в два раза больше своей добычи. Его веселила собственная шутка. Чтобы забавляться, ему не требовалось охоты собеседника. – Не ярись, я ж любя! Лучше скажи, отчего это все-таки мой братец тебя прогнал?

– Я уже раскрыла: таковы обстоятельства, – Дива чувствовала обиду, смешивающуюся с негодованием. Она сама отлично осознавала свое положение, но ей не нравилось, когда об этом судили посторонние. – Если б не они, Нег ни за что бы не расстался со мной. Я ему дорога... Он ценит и...

– А я слышал иное, – перебил Синеус. – Будто там объявилась его прежняя баба, в коей он души не чаял.

Услышав это заявление, Дива искажилась от гнева. Вот, значит, как они все видят произошедшее! Вольна одержала над ней победу, и именно по этой причине ее саму, дочку Гостомысла, выслали из родного города!

– Аз есмь законная супруга нашего князя! – гневно ответила Дива, принявшись решительно вырываться из рук Синеуса, который теперь откровенно глумился, забавляясь тем, что третировал ее здесь втихаря от всех. Он любил подобные потехи. Его развлекало, когда кто-нибудь вырывался, оправдывался или звал на помощь. У него был живой нрав, сторонящийся скуки. Многим женщинам он нравился, но Дива даже и помыслить себе ничего не могла относительно него. Брат мужа был для нее не мужчина, а нечто иное, одним словом, родственник. – А она просто девка!

– Ну, нет. Сама же знаешь, что это не так. Ту он любит, а тебя, похоже, нет, – Синеус говорил с не слишком серьезным лицом. Но подобные речи не могли не обидеть, даже будучи сказанными в шутку. А Синеуса столь сильно оскорбляло его вассальное положение, что он, разгоряченный вечерней беседой и хмелем, решил отыгаться на женушке своего «сюзерена». Тем более последняя не дурна собой, с ней должно быть приятно и без всяких условий.

– Никто не смеет говорить мне подобного! – Дива была оскорблена. Но одновременно с этим ею постепенно овладевало смятение: верзила в темном коридоре... Да еще и домогается, кажется... – Я не только жена князя Рюрика, но и княгиня Новгорода! Мне следует выказывать уважение!

– Впрочем, нрав у тебя прескверный, как я погляжу, – Синеус продолжил потешаться. – В этом, надо думать, причина, по которой он тебя отверг. Баба должна быть смирной, – на этих словах Синеус прижал к себе Диву, его глаза заблестели.

Неопытная в любовных вопросах Дива, тем не менее, ощутила вполне ясные и непристойные намерения Синеуса относительно нее. И сие уже даже не столько возмутило ее, сколько напугало. Она ведь в самом деле совсем не знает его. Неосмотрительно ждать от него только хорошего.

– Что за бесстыдство?! Прочь от меня! – Дива предприняла жалкую попытку отпихнуть от себя Синеуса, который, уже не стесняясь, принялся знакомиться с тем, что попало ему в руки. – Я не разрешаю! Не смей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.